

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ И
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
“МЕМОРИАЛ”

Научное издание

Рукопись утверждена к печати Учёным советом ИИЕТ РАН
(протокол № 5 от 5 октября 2006 г.).

“Враги народа” за Полярным кругом

(сборник статей)

На обложке приведён фрагмент карты Арктики (издание
Всесоюзного Арктического института и Госкартотреста, под ред.
проф. Р.Л. Самойловича и доц. Д.Д. Руднева. Л.: 1934.
М 1:10 000 000). Линией на карте изображён маршрут плавания
парохода “Челюскин”.

Редактор - Н.А. Ростовская
Компьютерный дизайн и вёрстка - ООО “ИНФОКОР”

Подписано в печать 05 октября 2006 г. Формат 60x90/16.
Бум. офс. Усл. печ. л. 13,9. Уч.-изд. л. 14,2.
Тираж: 500 экз.
ООО “ИНФОКОР”
101000, г. Москва, ул. Маросейка, д. 13, стр. 3, оф. 46.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И
ТЕХНИКИ им. С.И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ И
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
“МЕМОРИАЛ”

“ВРАГИ НАРОДА” ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Сборник статей

Под редакцией А.Н. Земцова

Москва
ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН
2007

УДК 001.89+910.2(211)+998

ББК 63.3(2)6; 26.8

В 81

Рукопись утверждена к печати Учёным советом ИИЕТ РАН (протокол № 5 от 05 октября 2006 г.)

Рецензенты: А.А. Лукашов, проф., д.г.н.;
В.А. Снытко, член-корр. РАН, д.г.н.

**В 81 “Враги народа” за Полярным кругом (сборник статей)/Под редакцией
А.Н. Земцова. – М.: ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2007. - 220 с.**

Сборник состоит из нескольких очерков, объединенных общей темой - история репрессий против советских полярников в период 1928-1952 годы.

В основном очерке, одноименном названию сборника, впервые сделана попытка обобщить документально подтвержденные сведения о необоснованных политических репрессиях против советских полярников, приводятся сведения о примерно 700 репрессированных.

Отдельные очерки посвящены репрессиям против участников двух известных экспедиций в Арктике: по спасению группы итальянского генерала У.Нобиле, летавшего к Северному полюсу на дирижабле «Италия» в мае 1928 г., и советской экспедиции под руководством начальника Главсевморпути (ГУСМП) О.Ю.Шмидта на пароходе «Челюскин» в январе-апреле 1934 г. Обе эти экспедиции перешли в спасательные операции, вошедшие в историю освоения Арктики.

Первой попытке перевозки заключенных по арктическим морям посвящен очерк «Законвоированные зимовщики». В очерке «Об одном полярном мифе ГУЛАГа» опровергаются распространенные в последние годы сообщения о гибели в Арктике в 1934 г. парохода «Пижма» с заключенными на борту. В заключительном очерке сборника анализируются данные о географическом расположении наиболее северных лагерей ГУЛАГа.

В статьях сборника использованы неизвестные ранее архивные материалы. Электронная форма сборника облегчит поиск сведений в процессе исследовательской работы.

ISBN 978-5-98866-014-9

- © ИИЕТ РАН, 2007
- © С.А. Ларьков (НИПЦ “Мемориал”): автор-составитель, 2007
- © Ф.А. Романенко (Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова): соавтор статей “Законвоированные зимовщики” и “Самый северный остров ГУЛАГа”, 2007
- © А.Н. Земцов (ИИЕТ РАН): составление, общая редакция, электронная версия, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
<i>С. Ларьков</i> "Враги народа" за полярным кругом (материалы к изучению репрессий против советский полярников)	7
<i>С. Ларьков</i> Судьбы участников знаменитой экспедиции (по старым книгам и недавно открытым архивам)	93
<i>С. Ларьков</i> Челюскинская эпопея: историческая мифология и объективность истории (версии и трактовки некоторых событий)	122
<i>С. Ларьков, Ф. Романенко</i> Законвоированные зимовщики	169
<i>С. Ларьков</i> Об одном полярном мифе ГУЛАГа	192
<i>С. Ларьков, Ф. Романенко</i> Самый северный остров архипелага ГУЛАГ	206

ОТ РЕДАКТОРА

Перед Вами, читатель, книга не совсем обычного жанра.

Эта книга представляет собой сборник статей, написанных в разные годы двумя специалистами широкого профиля, людьми, как говорится, «бывальыми» - специалистами по истории репрессий советского времени, и в то же время - профессионалами-географами, специалистами в области истории и практики географических исследований в полярных областях.

История советского периода России всё ещё полна «белых пятен». История освоения Севера страны в 1930-е годы тоже богата «белыми пятнами», но известны они и исследованы в гораздо меньшей степени, да и сведения о событиях, случившихся в болотистой тундре или среди льдов полярных морей, не всегда доступны широкой читающей публике.

Описываемый в книге период охватывает время от катастрофы в Арктике итальянского дирижабля под командованием Нобиле 25 мая 1928 г. (в Москве в те дни началось слушание «Шахтинского дела») до закрытия самого северного лагпункта в нашей стране на полуострове Челюскин в 1952 г.; от ареста одного из первых якутских интеллигентов В.В.Никифорова (Кюльмнюра) 19 сентября 1927 г. до поисков урановых руд главным геологом Норильского комбината, расконвоированным заключённым Н.Н.Урванцевым после Великой Отечественной войны.

Толчком к освоению северных территорий послужило совершенно секретное постановление ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. «О Колыме», начинавшееся следующими словами: «Для форсирования разработки золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б)». Это постановление, положившее начало «Дальстрою», впервые опубликовано¹ историками Сибирского отделения РАН в 1997 г. Как указывается в одном из очерков, «уже 23 января 1932 года СНК принимает Постановление “Об освоении северо-восточных водных путей СССР”». В истории СССР нача-

¹ “Возвращение памяти: историко-архивный альманах / ред.-сост. И.В.Павлова”. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997, 392 с.

лась новая эпоха - эпоха Дальстроя².

Постановление от 11 ноября 1931 г. явилось, в определённом смысле, ответом на очередной кризис капиталистической экономики: «чёрный вторник» 29 октября 1929 г. на Нью-Йоркской фондовой бирже в США и отмену золотого стандарта в Великобритании 21 сентября 1931 г. Специалисты по финансовой системе в руководстве ВКП(б) по-своему верно оценили ситуацию, решив, что настало время пополнить золотом государственную казну, чтобы иметь свободу действий на мировых рынках. К тому времени уже многие западные политики указывали на использование труда заключённых в СССР и дешёвых советских экспортных товаров (в первую очередь, нефти и леса) для финансирования коммунистической пропаганды за границей³. Кроме того, добыча золота в период до 1941 г. помогала скрывать трудности (неэффективность) отечественной экономики и приобретать за границей дефицитные товары, оборудование и предметы роскоши. После 1945 г. горнодобывающие мощности и трудовые ресурсы НКВД были использованы, помимо прочего, для добычи урановых руд, необходимых для создания атомного оружия (отдельные сведения об этом также приводятся в сборнике).

В настоящем сборнике история освоения Севера рассматривается такой, какой она была в действительности: смесь азарта первооткрывателей, энергии авантюристов и проходимцев, героизма рядовых участников, низменных помыслов карьеристов и столкновения интересов различных ведомств нового государства.

Такая книга необходима - прежде всего потому, что для многих сограждан мрачные стороны истории СССР постепенно, со временем, отходят «на задний план». Не забываются буквально, а представляются всё менее существенными для истории, например, отдельных отраслей науки и хозяйственной деятельности. Порой можно даже слышать мнение, что в основе произошедшего в 1930-е

² 13 ноября 1931 г. было принято Постановление СТО СССР об организации Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы - Дальстроя.

³ В самом СССР первые сообщения об этих трудностях во внешней торговле были опубликованы газетой «Правда» 23 февраля 1927 г. В конце июля 1930 г. США запретили ввоз леса из СССР.

годы лежат якобы форс-мажорные (непреодолимые) обстоятельства, обрушившиеся на нашу страну.

Опровергая подобное упрощенчество, сборник статей С.Ларькова и Ф.Романенко продолжает заложенную в середине 1970-х годов А.И.Солженицыным в его «Архипелаге ГУЛАГ» - по образованию специалистом в области естественных наук - традицию «опыта художественного исследования». Добавлю - также и историко-научного исследования.

И сами авторы, и редактор книги придерживаются мнения, что историю творят в первую очередь люди. И эти люди несут как тяжесть страданий, так и всю полноту ответственности за происходящее, сохраняя в своей памяти и материальных свидетельствах факты истории своего времени. Роль людей-первопроходцев при освоении новых территорий видна историку особенно отчетливо.

Авторы книги выполнили свой долг историков и полярных исследователей-географов, собрав воедино и обобщив доступные сегодня сведения об освоении полярных территорий в ранний советский период российской истории. Хочется верить, что настоящая книга будет полезна для дальнейшего изучения форм и методов освоения северных районов нашей страны в 1930-1950-х годах и поможет пониманию свидетельств очевидцев и документов того времени.

А.Н.Земцов, канд. геол.-мин. наук
Институт истории естествознания и техники
им. С.И.Вавилова РАН
Москва, декабрь 2006 г.

**«ВРАГИ НАРОДА» ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ
(материалы к изучению репрессий против
советских полярников)**

Иерархия советских ценностей включала в себя и иерархию профессий по престижности, главной составляющей которых был «героизм», причем именно «советский героизм». Одно из высших мест в этой героически-профессиональной иерархии занимали полярники, сравнимы с ними на первых порах были разве что лётчики. Недаром первыми Героями Советского Союза стали люди, совместившие эти две профессии - полярные лётчики, вывезшие с дрейфующей в Чукотском море льдины членов экспедиции «Челюскина». Тридцать-сорок лет спустя столь же престижна была, пожалуй, лишь профессия космонавта.

Насколько нам известно, попыток выяснения масштабов репрессий среди советских полярников, «покорителей Арктики», как их тогда называли, не предпринималось, и предлагаемая сводка выявленных репрессий среди них - лишь подступ к теме. Источниками информации для настоящей работы послужили «Книги памяти жертв политических репрессий» тех регионов, где в основном жили и (или) работали полярники: Москвы [2, 3, 7, 15], Ленинграда [16], Мурманска [12] и Архангельска, включая Ненецкий национальный округ [18]. Несколько фамилий расстрелянных добавляет к «Поморскому мемориалу» [18] брошюра Ю. Дойкова [6]. Однако этот источник ограничен по времени (1918-1942 гг.), в нём не указаны формулировки обвинения, сведения об осудившем органе, нет и точной даты расстрела (указан только год). Из завершённых «Книг памяти жертв политических репрессий» тех регионов, северные районы которых были сферой арктических исследований и хозяйственного освоения в 1930-40-е годы, в нашем распоряжении имелся лишь источник по Тюменской области [14], 2-й том которого содержит сведения именно по Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому национальным округам. По двум важным для темы регионам издание книг не завершено - по Красноярскому краю [11] и Республике Саха-Якутия [13]. Вряд ли завершена работа по составлению «Расстрельных списков» и по Москве.

Таково было положение дел с источниками на середину 2006 года. Разумеется, сведения о репрессиях против полярников разбросаны в огромном числе журнальных и газетных публикаций, в нескольких сотнях книг, но мы сознательно не пошли на их поиск, ограничившись справками из «Книг памяти», прежде всего по причине их документальной подтвержденности и, следовательно, достоверности.

Книги памяти в каждом регионе составлялись по разным правилам, порой содержат не унифицированную информацию и охватывают разные периоды. Так, все московские издания, «Ленинградский мартиролог» и «Книга расстрелянных» Тюменской области содержат сведения только о приговорённых к высшей мере наказания, при этом в пять томов «Ленинградского мартиролога» составителям удалось вместить краткие сведения лишь о расстрелянных в 1937 году; тюменское издание охватывает только 1937-1938 годы, но в нём не указываются формулировки обвинения или статьи Уголовного кодекса. В Якутии издан пока лишь только один том «Книги памяти», общий объём предполагаемого издания составителями не указан, в связи с чем нельзя оценить масштаб репрессий, отраженных в томе, во всяком случае, число репрессированных в Якутии нужно увеличить как минимум вдвое. То же относится к Красноярскому краю, где выпущены в алфавитном порядке «Книги памяти» до буквы «К» включительно, что составляет, по нашим оценкам, примерно 40% всех сведений о репрессиях. Изданная «Книга памяти» по Магаданской области [9] включает только расстрелянных, абсолютно подавляющее большинство которых - заключенные Северо-Восточного ИТЛ, место проживания и работы здесь, естественно, не указано, в связи с чем приведенные в книге данные не могли быть использованы для наших целей. «Книг памяти» или аналогичных изданий, фиксирующих репрессии против жителей Магаданской и Камчатской областей, Чукотского и Корякского национальных округов, к сожалению, не существует.

В отдельных случаях для уточнения некоторых персоналий было использовано издание «Жертвы политического террора в СССР» [8], хотя поиски в нём по профессиям или местам работы из-за недостатков поисковой системы результатов не дали (некоторые персоналии были выявлены случайно, при выполнении других

задач). Отдельные лица были выявлены при просмотре «Сталинских расстрельных списков» [21] по регионам, прежде всего - Дальневосточному краю. Были также использованы сведения из архивов НИПЦ «Мемориал» (Москва) и НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург).

Опубликованных материалов по профессиональной принадлежности репрессированных немного, мы могли использовать лишь книгу «Репрессированные геологи» [20]. Сведения о небольшом числе репрессированных полярников содержатся в книге Г.Аветисова [1].

Для регионов, по которым есть сведения только о расстрелянных, общее число лиц, подвергшихся репрессиям, нужно, конечно, увеличить. В первой половине 1930-х годов приговоры к высшей мере наказания (ВМН) были сравнительно редки, в годы же «Большого террора» соотношение заметно изменилось. По материалам «Поморского мемориала» [18], содержащего сведения и о расстрелянных, и о приговорённых к заключению в Архангельской области, за период «Большого террора» (условно с 15 сентября 1937 года по 31 декабря 1938 года), в интересующей нас группе профессий и мест работы к расстрелу было приговорено 50 человек, к заключению - 75 человек. Принципиально иное соотношение в Мурманской области [12]: на тот же период в той же группе на 60 приговоренных к заключению приходится 140 расстрелянных. Видимо, близким к реальности для общей оценки числа репрессированных для Москвы и Ленинграда, а также севера Тюменской области, будет двукратное увеличение числа известных приговоренных к высшей мере наказания. При этом по Ленинграду такое увеличение относится лишь к 1937-му году, а с учётом 1938-го цифры нужно увеличивать как минимум вчетверо.

Социальный и профессиональный состав осуждённых в Москве заметно отличается от других регионов: очень часто это работники высшего звена руководства и высший же научный состав. Они были судимы Военной Коллегией ВС СССР (ВКВС), сведения о них содержатся в «Книгах памяти» «Донское кладбище» [7], «Ваганьковское кладбище» [3] и «Коммунарка» [15]. В «Книге памяти» «Бутовский полигон» [2] содержатся в подавляющем большинстве сведения об осуждённых Комиссией НКВД и Прокурора СССР, Особым совещанием при НКВД СССР (ОСО), «Трой-

кой» по Московской области и иными внесудебными инстанциями. В остальные источники внесены как осуждённые ВКВС (выездными сессиями), местными судами и трибуналами, так и внесудебными органами. *(Участие внесудебных органов в рассмотрении дел по обвинению в политических преступлениях началось сразу после создания ВЧК. Несмотря на окончание гражданской войны и преобразование ВЧК в ОГПУ (Объединённое Государственное Политическое Управление) в 1923 году, при председателе ОГПУ тогда же создается Коллегия с правом рассмотрения и принятия решений по политическим делам. В марте 1924 года наряду с Коллегией создано Особое совещание ОГПУ, к которому в основном и переходит функция рассмотрения таких дел. При объединении ОГПУ и НКВД в июле 1934 года это право возлагается на Особое совещание при Наркоме ВД. ОСО предоставлено право применения в административном порядке высылки, ссылки, заключения в ИТЛ на срок до пяти лет и высылки за пределы СССР. «Тройки» ОГПУ созданы в краях и областях в феврале 1930 г., им ОСО ОГПУ передало часть своих полномочий на местах. Все эти внесудебные органы были созданы высшим законодательным органом СССР - Центральным Исполнительным Комитетом (ЦИК). Вновь «Тройки» уже в системе НКВД созданы приказом НКВД в мае 1935 года в республиках (Тройки НКВД республик), краях и областях (Тройки УНКВД). Характерно, что состав Троек (начальник УНКВД, секретарь крайкома или обкома партии и прокурор края или области) определялся приказом по НКВД, хотя партийные органы и органы прокуратуры этому наркомату формально не подчинялись. Тройки получили практически неограниченные права на принятие решений по политическим делам - вплоть до решения о применении высшей меры наказания. Просуществовали Тройки до ноября 1938 г., когда были упразднены Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б). Особое совещание МВД (преемник ОСО НКВД-НКГБ-МГБ) было упразднено Указом Президиума Верховного Совета СССР в сентябре 1953 г. [21]. В августе 1937 г. приказом НКВД создана Комиссия наркома ВД и Прокурора СССР («Двойка») для рассмотрения дел в так называемом «альбомном» порядке (рассмотрение и утверждение списков осуждаемых лиц, представленных местными органами НКВД) сначала по т.н. «национальным операциям» НКВД, затем сфера её деятельности стала практически неограниченной. Стоит указать, что должность*

Прокурора СССР была введена в июне 1933 г., до этого высшей прокурорской должностью была должность Прокурора Верховного Суда СССР. Как и в случае с Тройками, была создана приказом наркома ВД с включением в неё не подчинённого ему Прокурора СССР. Комиссия просуществовала до сентября 1938 года, когда нерассмотренные «альбомы» были переданы в Тройки. - Прим. автора и редактора).

При выявлении репрессированных, имевших отношение к работам на Советском Севере, мы не ограничивались только работниками Главного Управления Северного морского пути (ГУСМП) или иных организаций, прямо связанных с работами в Арктике, но включали в их число некоторых работников Наркомата водного транспорта (НКВТ), Гражданского Воздушного флота (ГВФ) и Аэрофлота, Гидрометеорологической службы СССР, геологических, топографических, геодезических и картографических организаций и арктических предприятий. В этот же список вносились представители ряда профессий, которые могли иметь отношение к работам в Арктике. Для Мурманска, Архангельска список дополнен работниками бассейновых пароходств (Мурманского и Северного), судоремонтных (в Мурманске - только судоремонтный завод Севморпути) и судостроительных предприятий, некоторых контор снабжения. Для Красноярска и Якутска в список вносились работники речных пароходств - Енисейского и Ленского соответственно.

В работе мы столкнулись с проблемой определения самого понятия «полярники». Совершенно очевидно, что к ним относятся сотрудники полярных станций, северных метео- и гидрометеостанций, научных учреждений, занимавшихся изучением севера Евразии, в том числе вопросами хозяйства, этнографии и многими другими; плавсостав ледоколов и экспедиционных судов, лётный и технический состав полярной авиации. К этой же категории, без сомнения, нужно отнести команды грузовых кораблей, совершавших арктические плавания, работников северных производственных организаций, таких, например, как «Арктикуголь», «Нордвикстрой». С неизбежностью мы должны относить к полярникам высший состав аппаратов ГУСМП и его территориальных управлений, руководивших организацией их деятельности в полярных областях и их снабжением. Важность этих работ очевидна: ошибки

и просчёты в их планировании и обеспечении практически невозможно исправить, последствия же могут быть самыми тяжёлыми, а то и трагическими. К этой же категории лиц отнесены нами и руководящие работники смежных государственных учреждений, без взаимодействия с которыми проведение работ в полярных областях было попросту невозможно - такими организациями являлись Народные Комиссариаты водного транспорта (НКВТ) и морского флота (НКМФ), Гражданский воздушный флот (ГВФ), Аэрофлот.

Однако следует провести грань между специалистами по организации именно арктических работ и сугубо вспомогательным техническим и обслуживающим персоналом. Некоторым критерием здесь может служить возможность замены конкретного работника на другого такой же специальности или профессии. Понятно, что дворник Управления не может быть отнесен к полярникам, как и машинистка, бухгалтер, инженеры некоторых специальностей и т.п., однако чем выше мы поднимаемся по служебной лестнице, тем сложнее провести эту грань. Несомненно, что в этом случае отнесение работника к полярникам имеет большую субъективную составляющую. Столь же субъективно было включение в список репрессированных полярников членов команд торговых судов Мурманского, Северного (Архангельск) и Дальневосточного (Владивосток, случайные данные) пароходств, исходя из предположения о том, что эти суда с большой долей вероятности участвовали в это время в полярных плаваниях.

Распределив репрессии хронологически, по дате приговора суда или принятия решений внесудебными органами, легко выявить временные совпадения, как правило, связанные с «разоблачением» чекистами контрреволюционных организаций (КРО - пункт 11 58-й статьи УК), иногда в приговорах фигурирующих как контрреволюционные террористические (КРТО - 58-8, 11). Иногда фантазия следователей и судей, членов Особых совещаний, Троек, Комиссий выходит за границы разумного: появляются террористические, диверсионно-террористические, диверсионно-шпионские, повстанческие, контрреволюционно-троцкистские и т.п. «страшные» слова в разных сочетаниях и в разном количестве. Конечно, «организации» эти выдумывались в следственных кабинетах - ведь их разоблачение и ликвидация добавляли «органам» престижа, а

чекистам - орденов и званий. При невозможности создания «организаций» или вменения в вину «шпионажа» (ст. 58-6), «вредительства» (ст. 58-7), «террора» (ст. 58-8), «диверсий» (ст. 58-9) всегда под рукой у чекистов была «антисоветская агитация» (АСА - ст. 58-10) - два-три неосторожных слова, соответствующим образом истолкованных «стукачём» и следователем, и - никаким уголовным кодексом не предусмотренные «антисоветская (или контрреволюционная) деятельность» (АСД, КРД).

По совпадению дней судебных заседаний (или принятия решений внесудебными органами) и зачастую наличия в обвинении принадлежности к «организации» выявляются волны репрессий, прямо направленные против работников Главсевморпути и сотрудничавших с ним организаций. Они всё же лучше всего выявляются при анализе данных по центральному аппарату ГУСМП, часто вместе с аппаратом НКВД и других организаций. Репрессии против низовых работников представляют собой своеобразный кровавый фон этих «волн», хотя и здесь без «организаций» не обошлось.

Дата приговора Военной Коллегии Верховного Суда к высшей мере наказания может считаться и датой приведения его в исполнение. Судопроизводство на заседаниях Коллегии в те годы и по таким делам осуществлялось в упрощённом порядке, без участия сторон (обвинения и защиты), без права обжалования приговора. Из протоколов её заседаний видно, что на разбираемость одного дела уходило в среднем 15-20 минут вне зависимости от того, признал или нет представший перед Коллегией свою вину, отказался или нет от выбитых следствием показаний. Приговор приводился в исполнение в течение ближайших часов. Решения ОСО, Троек, Комиссий принимались вообще в отсутствие обвиняемого и в случае осуждения к расстрелу о скором конце своей жизни человек узнавал порой за несколько минут до смерти. Приведение решения в исполнение осуществлялось иногда в день его принятия, чаще же - через несколько дней, а то и недель. При этом сроки следствия были очень короткими - длительность его (от момента ареста до вынесения приговора) редко превышала месяц-полтора.

Пожалуй, первой известной жертвой политических репрессий советской власти среди полярников стал участник экспедиции Э.В.Толля, бывший командир ледокола «Ермак» Н.Н.КОЛОМЕЙЦЕВ, арестованный в начале 1918-го года, вскоре

освобождённый и ушедший в эмиграцию. Эмигрировал и был объявлен «изменником Родины» знаменитый полярный мореплаватель Б.А.ВИЛЬКИЦКИЙ. Трагическая судьба замечательного полярного гидрографа А.В.КОЛЧАКА общеизвестна. Он единственный из упоминаемых в этой статье лиц до сих пор не реабилитирован. В 2004 г. вышло 2-е издание обстоятельного труда В.В.Синюкова «Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России», в котором много внимания уделено экспедициям и географическим исследованиям А.В.Колчака.

Славившаяся своим рвением Петроградская ЧК ещё в 1920 году выявила «контрреволюционную деятельность» комсостава парохода «Строитель» Мурманского пароходства и определила наказания: капитану И.А.МАРТИНСОНУ - 20 лет исправительных работ, его помощнику А.Я.ЛИГЕРУ и механику А.К.КОШКИНУ - по пять. 28 марта 1920 года Красноярской губЧК приговорён к расстрелу за контрреволюционную деятельность (КРД) капитан парохода Енисейского пароходства К.И.АНДРЕЕВСКИЙ, а его помощник В.Н.БАКИН, арестованный по тому же обвинению, освобождён под подписку о признании советской власти. 4 ноября того же года в том же Красноярске та же губЧК освобождает по амнистии арестованного за ту же КРД военкома Гидрографической экспедиции по исследованию Северного Ледовитого океана Д.Н.ГАВРИЛЕНКО.

8 сентября 1924 года Комиссия ОГПУ приговорила в Москве к расстрелу капитана Мурманского порта А.А.ЖЕРЕБЦОВА «за службу в колчаковской контрразведке». Через год, 13 сентября 1925 года, та же Комиссия приговорила к расстрелу за шпионаж сотрудника акционерного общества «Аркас» А.Ю.НАГЕЛЯ. 18 ноября 1926 года после двухмесячного заключения освобождён по прекращении дела по обвинению в контрреволюционной агитации один из руководителей отделения Географического общества в Красноярске В.В.БОРОВСКИЙ, который, впрочем, 23 августа 1931 года осуждён Коллегией ОГПУ за антисоветскую агитацию на пять лет лагерей.

19 сентября 1927 года на пристани в Якутске по возвращении из Ленинграда был арестован один из первых якутских интеллигентов, просветитель, литератор, краевед В.В.НИКИФОРОВ

(КЮЛЮМНЮР). В Ленинграде он обрабатывал материалы, полученные им в экспедиции Академии наук по изучению природных ресурсов, материальной и духовной культуры Якутии. Ему предъявлено обвинение в подготовке вооружённого восстания и шпионаже, и ОСО ОГПУ (в источнике [13] ошибочно указано ОСО НКВД) 21 августа 1928 года приговорило его к высшей мере наказания с заменой на десять лет заключения в концлагере. Через месяц В.В.Никифоров умер в Новосибирской тюрьме.

В начале 1930-х годов полярники попадали в участники разных «заговоров», в обилии плодородных ОГПУ, конечно, на фоне дел «персональных». Таким было дело руководителя сектора Северного геологоразведочного геофизического института Н.А.ШТЕРНА, приговорённого постановлением Тройки Полномочного Представительства ОГПУ при Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ ЛВО) от 24 октября 1930 года за шпионаж к трём годам заключения в концлагере. 28 октября 1930 года начались мытарства геолога Геолкома В.К.КОТУЛЬСКОГО: в 1920-х гг. он изучал рудоносность Норильского района, в 1930-м арестован в Красноярске и, видимо, освобождён, в 1931-м открывает месторождение сульфидных руд на Кольском полуострове, в 1932-м, уже признанным специалистом, арестован (место ареста в источнике не указано) и приговорён к десяти годам заключения (орган и обвинение не указаны), отбывает наказание в Мурманске, с 1934-го года под конвоем изучает месторождения апатита в Хибинах, с 1941 года работает в Норильске. Оставаясь заключённым, является главным консультантом «Североникеля», после освобождения получает орден Ленина, в мае 1949 года вновь арестован по знаменитому «делу геологов» (см. об этом деле в книге «Репрессированные геологи» - [19]), приговорён к 25-ти годам заключения. В 1951 году В.К.Котульский погиб на этапе в Норильлаг.

2 декабря 1930 года Красноярским окротделом ОГПУ прекращено дело по обвинению во вредительстве против десятника «Комсеверопути» П.П.ЗЕРЕЗЕНКО.

3 января 1931 года Якутский областной отдел ОГПУ арестовывает научного сотрудника Индигирского отряда Якутской экспедиции Академии наук И.Н.ПОПОВА, предъявляет ему обвинение в терроризме и через десять дней... освобождает «за отсутствием состава преступления». Зато 3 апреля 1931 года

Коллегией ОГПУ был приговорён к расстрелу за «антисоветскую деятельность» научный сотрудник Якутской комиссии Академии наук В.Д.ХАЛДЕЕВ. За участие в контрреволюционной организации работников Мурманского порта ОСО ОГПУ Ленинградской области 7 октября 1931 года определило три года ссылки капитану спасательного бота «Шторм» П.В.НИКИФОРОВУ.

А вот по знаменитому «делу Академии наук» был арестован известный полярный геолог П.В.ВИТТЕНБУРГ, 11 февраля 1931 года осуждённый Тройкой ПП ОГПУ ЛВО к расстрелу, заменённому 10-ю годами заключения. По тому же «академическому делу» к 3-м годам лагерей приговорён полярный зоолог А.А.БЯЛЫНИЦКИЙ-БИРУЛЯ. В 1931 году арестован в Петропавловске-Камчатском и 27 октября 1932 года осуждён к расстрелу за шпионаж, диверсии и участие в КРО опытный полярный геолог, руководитель поисковых работ на Чукотке М.А.ПАВЛОВ. Высшая мера была заменена ему 10-ю годами заключения, но в 1938 году в лагере он был расстрелян. Был арестован и погиб в лагере геофизик одной из экспедиций на «Сибирякове» В.А.ГНЕВУШЕВ (подробности репрессии неизвестны).

19 января 1932 года в Красноярске ОСО НКВД по обвинению в антисоветской агитации (АСА) и «активную борьбу против рабочего класса и революционного движения» (ст. 58-13) приговаривает к десяти годам заключения бухгалтера сельскохозяйственного отдела «Комсеверпути» Н.К.ИЗНАИРСКОГО. Кочегар ледокола «Мальгин» С.М.ГОРОВОЙ 10 августа 1932 года получил два года заключения за участие в антисоветской организации от Тройки ОГПУ ЛВО. 14 января Коллегия ОГПУ приговорила за антисоветскую агитацию к трём годам заключения рабочего Ленской экспедиции Наркомводтранса А.В.КЛАВДЕЕВА. 6 мая 1933 года Тройка ОГПУ ЛВО определила десять лет заключения в лагере «шпиону» А.П.ФИНГЕРИУСУ - смотрителю маяка «Мишуков» на Кольском полуострове, а 26 мая приговорила к трём годам заключения условно за вредительство и антисоветскую агитацию (АСА) заведующего пунктом Мурманской опытной оленеводческой станции М.А.ИЗОИТКО. 11 июня к трём годам заключения приговорён за АСА той же Тройкой инструктор Мурманского отделения Государственного океанографического института (МО ГОИН) П.А.МАКСИМОВ. 29 октября Коллегией ОГПУ за ту же

АСА приговорён к году заключения научный сотрудник Якутского краеведческого музея Н.Н.МОСКВИТИН.

Всерьёз за ГОИН, его Мурманское отделение и Полярный институт научного рыболовства и океанографии (ПИНРО) чекисты взяли в августе 1933 года, выявив в них большую группу «вредителей» и «агитаторов». За неделю было арестовано двадцать человек, решение об их судьбе Тройка ОГПУ по ЛВО вынесла 23 декабря 1933 года. Обвинение в терроризме и создании антисоветской организации было предъявлено научному сотруднику Мурманского отделения ГОИН Ф.Е.БЕЛОВУ. Его арестовали за «вредительство» ещё в марте, но в июле дело было прекращено Мурманским окружным судом. Однако теперь он был приговорён к трём годам заключения. К такому же сроку были приговорены «вредители»: начальник экспедиции ПИНРО М.С.ИДЕЛЬСОН, заведующий отделом ГОИН А.В.СОКОЛОВ, заведующий группой Н.П.ТАНАСЕЙЧУК, научный сотрудник Н.С.ОБУХОВА и бывший капитан научно-исследовательского судна «Савва Ложкин» Н.А.ЮРЬЕВ; и «агитаторы»: капитан известного всей Западной Арктике научно-исследовательского судна «Персей» И.Н.ЗАМЯТКИН и ученый секретарь Мурманского отделения ГОИН Н.Э.КЛЮГЕ. На три года в ссылку были отправлены два «агитатора»: научный сотрудник ГОИН Р.Г.ЛЕЙБСОН и смотритель принадлежавшего ПИНРО маяка «Седловатый» И.С.ЖЕЛТОВ. К трём годам заключения условно были приговорены: заведующий секцией ГОИН Л.А.ЗЕНКЕВИЧ («агитатор», в 1951 г. награждён Сталинской премией, с 1953 года член-корреспондент, а с 1968-го - академик АН СССР, всемирно известный океанолог и морской зоолог), заместитель директора отделения Г.А.КЛЮГЕ («агитатор»), научные сотрудницы ГОИН Е.Д.МЛАДЕНЦОВА («агитатор») и С.В.ЧУЕВА («вредитель»), научный сотрудник ПИНРО В.А.ВАСНЕЦОВ («вредитель»), «агитаторы»: капитан «Саввы Ложкина» А.В.КОЗЛОВ (он, как и Ф.Е.Белов, был арестован в марте и в июле освобождён), матрос мотобота ПИНРО А.А.МЕЦАЙЛО, моторист маяка «Седловатый» Ф.И.МИНИН, комендант ГОИН М.А.ОБОРИН. Наконец, к одному году условно был приговорен начальник экспедиции ГОИН Г.Н.ЗАЙЦЕВ.

4 апреля 1934 года ОСО НКВД выносит решение о наказании

членов контрреволюционной организации, разоблаченной в тресте «Севполярлес» в Игарке: ответственный исполнитель А.П.КАЗЛАС получает три года лагерей, а ссыльные троцкисты, ответственный по техническому снабжению П.И.ВОЛКОВ и статистик С.И.ГУРОВСКАЯ - по три года ссылки (интересно, куда их из Игарки сослали?).

В 1935 году второй раз (сведения о первом аресте источник не приводит) был арестован картограф ГУСМП Н.П.БАШНИН: заключение было недолгим, но третий арест в 1937 году стал последним - Н.П.Башнин был расстрелян 11 апреля 1937 г. К двум годам заключения Ленинградским облсудом приговорён капитан Мурманского морского пароходства С.С.СЕЛЕЗНЁВ. 5 сентября тем же судом также к двум годам приговорён служащий Мурманского управления Севморпути В.А.БЛЮМЕНТАЛЬ. Оба обвинялись в антисоветской агитации. А 27 ноября за ту же АСА в далёком Красноярске ОСО НКВД приговаривает к трём годам временно исполняющего должность начальника торговой конторы треста «Севполярлес» и одновременно секретаря её парткома Д.Е.КУРКИНА. 17 декабря Красноярским краевым судом за намерение вооруженного восстания и вступления в контрреволюционную организацию на три года заключения осуждён главный бухгалтер треста «Севенстрой» («Северо-Енисейское строительство») ГУСМП Н.А.ВАРНАКОВ: через два месяца (и через полтора года после ареста) дело, впрочем, прекращено Верховным Судом РСФСР.

В 1936 году осуждён на пять лет заключения в ИТЛ за антисоветскую агитацию сотрудник Арктического института В.Л.ДЕМИДОВ. 21 января 1936 года Главсудом Якутской АССР по обвинению в прежней службе в Белой армии приговорён к пяти годам заключения начальник оленеводческой группы Якутского треста ГУСМП В.Е.ПШЕННИКОВ, но через два месяца Верховный Суд РСФСР прекращает дело по амнистии. 5 июня 1936 года арестован и вскоре ОСО при НКВД СССР осуждён к пяти годам заключения начальник Колымской экспедиции акционерного общества «Комсеверпуть» С.Д.ЦИРЕЛЬ-СПРИНЦСОН. 20 августа Военный трибунал ЛВО выносит приговор членам антисоветской организации - шахтёрам «Арктикугля» на Шпицбергене Е.И.БОРИСОВУ и П.А.ПОСТОЛЬНИКУ (пять лет и четыре года

соответственно). 15 сентября ОСО НКВД осуждён на пять лет за антисоветскую агитацию ссыльный в Енисейске - инженер-кораблестроитель «Севполярлеса» Г.В.ВАСЮКОВ. 3 декабря 1936 года ОСО НКВД осуждает к пяти годам лагерей за АСА заместителя начальника Гидрометеослужбы северных морей в Мурманске М.Я.БРУШТЕЙНА. 24 декабря Военной Коллегией Верховного Суда в Ленинграде за участие в КРО был осуждён к заключению старший научный сотрудник Института народов Севера Е.Г.ЛИБМАН (1 сентября 1937 года он будет расстрелян в печально известном Сандормохе).

По не менее знаменитому, чем «дело Академии наук», «пулковскому делу» 1 ноября 1936 года арестован и 23 мая 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда приговорён к расстрелу геофизик, начальник экспедиции Арктического института П.М.КАРАТЫГИН, обвинение - участие в КРО. Членом той же «организации» был, очевидно, и инженер-геофизик Всесоюзной конторы «Геологоразведка» И.В.ХМЕЛЕВСКИЙ, тоже расстрелянный. По тому же делу ВКВС 25 мая 1937 года приговорила к 10-летнему заключению начальника Енисейской сейсмической экспедиции Арктического института, изобретателя сейсмографа для геолого-поисковых работ С.А.ШАТИЛОВА.

Тем временем чекисты начали обнаруживать контрреволюционные организации и в Главсевморпути. Длинный список уничтожения полярников по обвинению в участии в КРО начинается в октябре 1936 года. Со 2-го по 7-е октября ВКВС по этому обвинению было вынесено пять смертных приговоров: три - работникам ГУСМП. 2 октября осуждён сотрудник ГУСМП А.И.АРОНОВСКИЙ, 3-го - начальник сектора К.И.ГИДЛЕВСКИЙ, 4-го - заместитель начальника ГУСМП профессор С.Я.БАБАХАН. 5 октября по тому же обвинению приговорён к ВМН управляющий Картографическим трестом Г.Ф.ФЁДОРОВ, 7-го - обвинённый в участии в КРО и подготовке террористического акта начальник «Норильскстроя» М.А.ЗИНГЕР.

Не прекращались аресты и суды «на местах». 7 февраля 1937 года начальник товарной базы Красноярского управления ГУСМП И.Н.ГОРДЕЕВ, обвинённый в антисоветской агитации, ОСО НКВД освобождён, ему в наказание засчитан четырёхмесячный срок заключения после ареста. 21 февраля 1937 года Ленинградский

облсуд по обвинению в АСА и за «борьбу против рабочего класса во время гражданской войны» (пункт 13 ст. 58) приговаривает к пяти годам лагерей заведующего метеостанцией «Ена» на Кольском полуострове А.К.ЛУКИНА. 18 апреля ВКВС выносит смертные приговоры за контрреволюционную агитацию капитану парохода Красноярского управления ГУСМП «Партизан Щетинкин» Я.В.ВАКУТИНУ, за террористическую деятельность - начальнику судоходного надзора Енисейского пароходства В.В.ГОРОХОВУ, за антисоветскую агитацию - заместителю начальника пароходства по снабжению М.П.ЖУЙКОВУ. 21 апреля та же ВКВС приговаривает к восьми годам заключения за участие во вредительско-террористической организации начальника Красноярских судоремонтных мастерских ГУСМП И.П.ДАВЫДОВА. 24 апреля в Архангельске Водно-транспортным судом Северного морского и речного бассейнов на семь лет заключения осуждён за антисоветскую деятельность комендант зданий Амдерминского рудтреста Г.Г.ЕВДОКИМОВ.

5-го мая 1937 года ВКВС приговаривает к расстрелу ответственного исполнителя Салехардской конторы Севморпути П.Н.ДМИТРИЕВА. Список жертв продолжает начальник и научный руководитель Чукотской полярной экспедиции Арктического института Б.Н.АРТЕМЬЕВ; арестованный в марте, спецколлекцией областного суда Балтийского морского и Северо-Западного речного бассейнов в мае (?) он приговорён к 10-ти годам заключения за «вредительство». 23 мая ВКВС на выездной сессии в Ленинграде за АСА и участие в КРО приговаривает к 10 годам заключения заведующего сектором полезных ископаемых Арктического института Б.Н.РОЖКОВА. 25 мая та же выездная сессия выносит смертный приговор руководителю геолого-разведывательной конторы «Североникель» В.И.КОНДРАТЬЕВУ, обвинение - участие в КРТО.

7 июня 1937 года «всего» в три года лагерей ОСО НКВД оценивает антисоветскую агитацию заведующего складом Красноярской торговой конторы ГУСМП П.В.АНДЕЕВА. 17 июня ВКВС приговаривает к расстрелу за участие в антисоветской повстанческо-террористической организации преподавателя математики ГУСМП В.З.ЗАВАДЬЕ и экономиста отдела развития хозяйства и культуры народов Севера ГУСМП Ф.Д.ЧЕРНЫШЕВА-

ХОЛМОВА. Через день, 19 июня, та же ВКВС выносит приговоры к ВМН начальнику Северного центрального управления речного транспорта НКВТ П.Я.БОВИНУ (обвинение - участие в контрреволюционной террористическо-диверсионной организации) и начальнику Группы эксплуатации при наркоме водного транспорта А.Ф.ЧЕВЕРДИНУ (обвинение - участие в антисоветской террористической организации).

16 июля 1937 года ОСО НКВД осуждает к шести годам заключения заведующего факторией ГУСМП на мысе Шмидта (Чукотка) Г.Т.КРИВДУНА по экзотическому 13-му пункту 58-й статьи («служба в контрреволюционных правительствах» и т.п.); это тот самый заведующий факторией в Ванкареме, что принимал и откармливал в 1934 году спасённых «челюскинцев». За день до этого, 15 июля 1937 года, ВКВС в Москве приговаривает к ВМН «участников» КРТО экономиста Якутской конторы «Интегралсоюз» М.Е.ПЕТРУШАНСКОГО и начальника Северного центрального управления морского флота НКВТ Л.Ф.МАНЦИВОДО, а 31 июля - начальника сектора портового хозяйства того же управления А.П.ОНУФРИЕВА (участие в «контрреволюционной диверсионно-вредительской организации»). 26 июля Ленинградский облсуд приговаривает (обвинение - АСА) к шести годам лагерей механика парохода «Комсомолец Арктики» Мурманского пароходства Б.Н.СОКОЛОВА.

Нашлась вредительская антисоветская организация и в Мурманске. Репрессии в этом западном базовом порту арктических плаваний наносили особый ущерб их организации и снабжению. Тем не менее Водно-транспортный суд 12 августа 1937 года вынес смертные приговоры заместителю начальника Мурманского управления Севморпути М.Н.МАКСИМОВУ, начальнику отдела рабочего снабжения управления В.И.ИВАНОВУ, начальнику группы золотоснабконторы управления Л.Н.КУЗЬМИНУ; к десяти годам лагерей был приговорён начальник технического сектора управления Т.Н.ГОМАЛЮК, к семи годам - заведующий складом «Арктикснаба» М.И.БАБАЕВ. Ещё одну вредительскую организацию в том же Управлении судила 16 августа уже ВКВС и приговорила к десяти годам заместителя начальника ОРСа Р.С.МЯКОНЬКИХ и старшего бухгалтера В.А.БОЛЬШАКОВА, а дело главного бухгалтера Заготснабконторы Управления Г.О.ВИХЕРТА передала

Военному трибуналу Северного флота, который и «вкатил» ему те же десять лет. Очередь следующей организации наступила 25 августа 1937 года: за участие в КРТО ВКВС приговорены к расстрелу заместитель начальника Вайгачского горно-рудного треста ГУСМП Я.Я.МУЦЕНЕК и заместитель начальника Янской экспедиции ГУСМП Ю.Т.АЛЕЙНИКОВ (по другим данным, решение о расстреле вынесено Комиссией НКВД и Прокурора СССР). 27 августа вынесено решение ОСО НКВД о заключении в лагерь на пять лет за контрреволюционную деятельность конструктора мехмастерских треста «Севполярлес», В.И.ЕЛИСТРАТОВА, уже находившегося в Енисейске в ссылке. 28 августа выездная сессия ВКВС в Хабаровске вынесла смертные приговоры работникам Дальневосточного управления ГВФ: начальнику политотдела К.А.ОСТАПЕНКО, начальнику связи Н.А.МЕДВЕДЕВУ, изыскателю воздушных линий Е.И.КОСОРУКОВУ; все трое были обвинены в измене родине и участии в контрреволюционной диверсионно-террористической организации. Наконец, 29 августа Красноярский краевой суд в один день «разобрался» с двумя антисоветскими агитаторами, приговорив радиста Таймырского районного отдела связи в Дудинке А.Р.ГРАЧЁВА к восьми, а ответственного исполнителя отдела снабжения Енисейской авиагруппы ГУСМП Д.Г.ДИССА - к пяти годам лагерей.

Летом 1937 года (точной даты не приводится) был арестован механик теплохода «Красноярский рабочий» Красноярского управления ГУСМП Н.Н.ЕФРЕМОВ. Ни о предъявленном ему обвинении, ни о приговоре неизвестно, зато известно, что бывший в 1937-м практикантом Томского политехнического института, он в конце 1940-х гг. станет заместителем главного инженера Енисейского пароходства.

2 сентября 1937 года ОСО НКВД определяет наказание начальнику снабжения морского отдела Мурманского управления Севморпути В.В.БАХУ - «всею» пять лет ссылки за АСА. 4 сентября Особой тройкой УНКВД Ленинградской области приговорён к расстрелу старший бухгалтер Арктического института А.Ф.НЕВИНСКИЙ, 25 октября - счетовод института Г.Я.ШИМКОВИЧ, обвинение обоим - АСА. 7 сентября 1937 года по обвинению в АСА Водно-транспортный суд Северного морского и речного бассейнов в Архангельске приговаривает к шести годам

лагерей механика полярной станции Н.А.НОСОВА. 21 сентября ВКВС выносит смертный приговор за участие в КРТО заместителю начальника строительства ГВФ по Дальнему Востоку М.С.НИКОЛАЕВУ. 25 сентября Тройка УНКВД Омской области (тогда в её состав входил и север современной Тюменской области) приговаривает к расстрелу А.С.ЗОТОВА-ВАНУЙТО, практиканта-заведующего Салехардской факторией Севморпути. Смертный приговор был вынесен заведующему метеостанцией комбината «Апатит» на Кольском полуострове И.Е.ЗАВЕРТАЙЛЮКУ (29 сентября осуждён Тройкой УНКВД Ленинградской области за АСА).

1 октября 1937 года Комиссия НКВД и Прокурора СССР выносит решение о расстреле (обвинение неизвестно) ответственного исполнителя Красноярской авиагруппы Енисейской авиалинии ГУСМП М.А.БАЧИНСКОГО. 15 октября Тройка УНКВД Красноярского края приговаривает к расстрелу за участие в КРО шкипера баржи Енисейского пароходства Т.Ф.КОСОВИЧА (его в 1921 году уже приговаривали к смертной казни, заменённой десятью годами заключения). 18 октября Комиссией подписано решение о расстреле за контрреволюционную агитацию и вредительство В.А.КАМИНСКОГО, заведующего складом треста «Севполярлеса» в Красноярске. 23 октября Тройка УНКВД Карелии выносит решение о высшей мере наказания заведующему Верхне-Нивской метеостанцией на Кольском полуострове Г.В.РОСТОВСКОМУ. 25 октября Тройка УНКВД Красноярского края приговаривает к десяти годам заключения за участие в контрреволюционной вредительской организации механика парохода «Енисей» Енисейского пароходства М.М.БРОДНИКОВА. Начальнику экспедиции на Камчатке, участнику знаменитого плавания на «Сибирякове» в 1932 году, но и - племяннику Л.Д.Троцкого, Б.А.БРОНШТЕЙНУ смертный приговор по обвинению в участии в антисоветской КРТО был вынесен ВКВС 26 октября.

3 ноября 1937 года Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговаривает к расстрелу за шпионаж заведующего сектором Арктического института Л.О.РЕТОВСКОГО. В тот же день Тройка УНКВД Красноярского края приговаривает к расстрелу за антисоветскую агитацию двух работников Красноярского авиаремонтного завода, главного авиаремонтного предприятия ГУСМП: комендан-

та Ф.И.ЖДАНОВА и сборщика самолётов М.Ф.СЫЧЁВА. 11 ноября Тройка УНКВД по Московской области за контрреволюционную агитацию и контрреволюционную же деятельность принимает решение о расстреле сотрудника Комитета мерзлотоведения АН СССР С.М.ЛЕОНТЬЕВА. 12-го ноября Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорён к расстрелу за участие в антисоветской шпионской организации в Ленинграде картограф Главсевморпути К.М.МЕЩЕРСКИЙ. В этот же день за антисоветскую агитацию к ВМН Тройкой УНКВД Красноярского края были приговорены к расстрелу два работника Красноярского управления ГУСМП: методист отдела кадров В.П.АРХАНГЕЛЬСКИЙ и начальник финансового отдела торговой конторы Л.И.БЕЗУГЛОВ. 12-го же ноября той же Тройкой за ту же АСА приговорён к смертной казни капитан парохода «Максим Горький» Енисейского пароходства П.А.БЕКЕТОВ и, за КРА, заведующий геодезическими инструментами Общества изучения Красноярского края В.К.ВОРОБЬЁВ (за контрреволюционную агитацию он уже арестовывался ОГПУ). 13 ноября уже Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорён к смертной казни за антисоветскую агитацию О-А.В.КОТОВИЧ, начальник метеостанции в Енисейске. 15 ноября ВКВС осудила к расстрелу за участие в антисоветской троцкистской террористической организации начальника Финансового управления НКВД М.В.БАРЫШНИКОВА. В тот же день Тройка УНКВД Ленинградской области за участие в антисоветской организации приговаривает к высшей мере группового капитана Мурманского управления Севморпути С.И. ГАДИЛЛО; а в тысячах километров от Ленинграда Тройкой УНКВД Омской области приговорён к расстрелу моторист Салехардского затона Севморпути И.В.КОРОЛЬКОВ. 19 ноября Тройкой УНКВД Красноярского края за контрреволюционную деятельность приговорён к десяти годам лагерей исполнявший обязанности начальника службы пути Енисейского пароходства М.Г.ЗАХАРОВ и к расстрелу - ответственный исполнитель по паспортизации судов Красноярского управления ГУСМП В.Е.ИВАЧЁВ. Практически случайно среди репрессированных всплыло имя полярного гидрографа Н.Н.ГАКЕНА, арестованного в Омске и 21 ноября Тройкой Омского УНКВД за контрреволюционную деятельность осуждённого к расстрелу. 22 ноября Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговорила к расстрелу за измену

родине и диверсии помощника капитана ледокола «Силач» Балтийского пароходства Г.Р.ГРЕВЕ. 24 ноября к семи годам лагерей Водно-транспортным судом в Мурманске за АСА приговорён кочегар парохода «Поморье» Н.К.ФАЛЕЕВ. 26 ноября Верховный Суд ЯАССР за участие во вредительской контрреволюционной организации осудил на двадцать лет заключения начальника затона «Хатыстах» Якутского территориального управления ГУСМП С.Ф.ЯРУШИНА, но в феврале 1939 года дело пересмотрено Верховным Судом РСФСР, вместо участия в ВКРО ему вменяются лишь «сношения с иностранным государством» и срок заключения сокращается до трёх лет. А.И.КОВАЛЁВ, плановик-экономист графитовой фабрики ГУСМП в Красноярске, за один месяц был приговорён к смертной казни дважды - 26 ноября Тройкой УНКВД по Красноярскому краю и 14 декабря - ОСО НКВД: чекистские чиновники умудрились включить его в два расстрельных списка. 27 ноября Тройка УНКВД Красноярского края приговаривает к десяти годам лагерей за АСА начальника группы торговой конторы территориального Управления ГУСМП Г.В.АЛЬХИМОВИЧА и сотрудника Управления А.Г.БУЛАНОВА (должность и обвинение в источнике не приводятся). В конце ноября наказаны члены обнаруженной в совхозе ГУСМП «Полярный» в Игарке контрреволюционной повстанческой организации трудпереселенцев и спецпоселенцев: 27 ноября та же Тройка приговаривает к расстрелу заведующего хозяйством совхоза Т.В.ДОЛГОВА и заместитель главного бухгалтера В.Н.ЗАХВАТКИНА. А 30 ноября Тройка приговаривает за АСА к десяти годам лагерей заместителя главного бухгалтера Рыбной конторы ГУСМП в той же Игарке С.В.ГЛУЩЕНКО.

Конец 1937-го – первая половина 1938 года – время резкого возрастания репрессий. Для ГУСМП и смежных организаций это усугублялось тем, что к началу зимы 1937-го года явно обозначился провал прошедшей арктической навигации. Сложные условия навигации и ее действительно плохая организационная и хозяйственная подготовка были усугублены тем, что лучшие ледоколы и почти вся авиация были брошены на поиски пропавшего экипажа С.А.Леваневского. Тщеславный любимец Сталина, он добился разрешения на амбициозный трансарктический перелет, спешно и плохо подготовленный и трагически закончившийся не только для него, но и для десятков, если не сотен, полярников. Однако свою

роль в провале навигации сыграла и деятельность «органов». В конце 1936 – январе-мае 1937 года, когда ГУСМП был занят работой по планированию и подготовке предстоящей навигации, и в июне-сентябре 1937 года, когда что-то можно было ещё исправить, было заметно «прорежено» руководство Управления и других работавших в Арктике организаций: арестованы И.А.Ландин (15 марта), М.Ф. Зяблов (5 апреля), М.Э.Плисецкий (30 апреля), И.Я.Резник (30 апреля), С.П. Нацериус (5 июля), И.Л.Баевский (7 августа), А.В.Воробьев и Д.И.Поляков (14 сентября), А.Н.Бобров (25 сентября), А.А.Стукатер (26 сентября) - все они были осуждены в январе 1938 года (см. ниже), при этом многим из них было предъявлено обвинение в срыве навигации, на языке чекистов - «вредительстве». В Мурманске в конце 1936 - начале 1937 года арестами была почти полностью разрушена система снабжения территориального управления ГУСМП и некоторых производственных арктических организаций.

Наиболее характерная реакция «органов» на провал навигации 1937 года видна в так называемом «деле гидрографов». С осени 1937 года в Гидрографическом управлении ГУСМП в Ленинграде начались увольнения и аресты. Последним, уже в мае 1938 года, был арестован вернувшийся с «зимовки трех кораблей» («Садко», «Малыгин», «Г.Седов») заместитель начальника управления Н.И.ЕВГЕНОВ. Всего же по «делу гидрографов» было арестовано 12 человек, в том числе начальник управления П.В.ОРЛОВСКИЙ, известные полярные гидрографы «челюскинец» П.К.ХМЫЗНИКОВ, Е.С.ГЕРНЕТ, «красинец» Ю.К.ПЕТРОВ. Их обвинили в измене родине и создании контрреволюционной диверсионно-террористической организации. Дело готовилось к передаче в Военную Коллегию, что, конечно, гарантировало смертный приговор. Однако чекистское рвение со сменой наркомов (Ежова сменил Берия) немного и ненадолго убавилось, в августе 1939 года дело рассматривал Военный трибунал Ленинградского военного округа и... направил его на доследование. Но дело затребовало Особое Совецание НКВД и без лишних разбирательств определило П.В.Орловскому и Н.И.Евгенову по восемь лет заключения, П.К.Хмызникову - пять, Е.С.Гернету и Ю.К.Петрову - по пять лет ссылки.

2-го декабря 1937 года ВКВС приговорён к расстрелу замес-

титель начальника «Арктикснаба» ГУСМП В.П.СТЕПАНОВ - за шпионаж и участие в КРТО. В тот же день Комиссией НКВД и Прокурора СССР был приговорён к расстрелу начальник Мурманской конторы треста «Арктикуголь» Ф.П.КУЛАКОВИЧ - за измену родине и шпионаж. 3 декабря Особым совещанием НКВД приговорён к пяти годам заключения арестованный менее месяца назад начальник Чаунской геолого-поисковой экспедиции геолог-геохимик Н.И.САФРОНОВ. 3-го же декабря Комиссия приговаривает к высшей мере наказания директора Полярного института научного рыболовства и океанографии (того самого ПИНРО, что громили четыре года назад) Г.И.ХЛЫНОВСКОГО, его заместителя по науке и парторга института М.П.ОСАДЧИХ и лаборантку Р.С.КОРОБКИНУ. «Букет» обвинений им превосходит все разумные пределы: измена родине, вредительство, диверсии, АСА, КРО. Те же обвинения предъявлены и включённому чекистами в эту организацию бывшему учёному секретарю бюро технической экспертизы Главного управления рыбной и морской зверобойной промышленности П.И.НЕЗНАХИНУ. В тот же день по тем же обвинениям приговорён к расстрелу капитан парохода «Комсомолец Арктики» Г.Н.СЕМИКОЗ. На следующий день, 4 декабря, по тем же обвинениям была приговорена к десяти годам заключения научный сотрудник ПИНРО М.З.МАЛЫТ. 6 декабря Тройка УНКВД Красноярского края определяет десять лет лагерей за участие в контрреволюционной организации заведующему перевалочной базой треста «Севполярлес» в поселке Новосёлове на Енисее А.П.ИОРДАНСКОМУ, а 8 декабря то же наказание за контрреволюционную агитацию было определено бухгалтеру конторы «Севполярлеса» в Енисейске Д.М.КОНДРУКУ. 11 декабря Комиссией НКВД и Прокурора СССР вынесены смертные приговоры за участие в шпионской контрреволюционной организации капитану парохода «Северный» Енисейского пароходства А.П.ВАРНИКОВУ и механику того же парохода А.Е.КАЗАНЦЕВУ. 15 декабря ОСО УНКВД Ленинградской области приговаривает к десяти годам лагерей за участие в антисоветской организации капитана знаменитого научно-исследовательского судна «Николай Книпович» С.М.ДЫМСКОГО. В тот же день Тройкой УНКВД Ленинградской области за АСА приговорён к тем же десяти годам штурман парохода Мурманского пароходства «Сосновец» И.М.МЮРИСЕН. 19-го

декабря список приговорённых к расстрелу работников ПИНРО пополнился осуждённым за шпионаж научным сотрудником В.Ф.ШМИТОМ. Начальник транспортного отдела Архангельского управления Главсевморпути П.С.КОРЕЛЬСКИЙ был объявлен членом КРО и диверсантом, за что Тройкой УНКВД области 22 декабря 1937 года осуждён к высшей мере наказания. 25-го декабря та же Тройка приговорила к восьми годам заключения за АСА начальника сектора связи Архангельского управления Гидрометеослужбы А.Н.АНДРОСОВА, ВКВС - помощника директора по кадрам ВНИИ морского рыбного хозяйства и океанографии Э.С.СТАВРОНСКОГО, обвинение - участие в контрреволюционной вредительской организации, а Комиссия НКВД и Прокурора СССР к высшей мере за контрреволюционную агитацию - моториста шхуны гидроотдела ГУСМП в Енисейске А.И.БЕЗБОКОВА. 27 декабря она же приговорила к расстрелу С.Б.КУЧИНСКОГО - заведующего магазином «Севенторга» («Северо-Енисейская торговая контора») в Игарке. Зато благополучно закончился 1937-й год для главного инженера треста «Севенстрой» в Игарке Д.Э.ГЕРИНГА - после четырехмесячного следствия и обвинения во вредительстве Прокуратурой Красноярского края (наконец-то проявился орган надзора над законностью действий следственных органов) дело было прекращено и он был освобождён.

20 декабря 1937 года в Иркутске был арестован заведующий кафедрой гидрологии Восточно-Сибирского университета И.Ф.МОЛОДЫХ, известный полярный гидрограф и гидролог. Ему было предъявлено обвинение во вредительстве и участии в КРО. 2 сентября 1939 года на 41-м году жизни учёный умер в Иркутской тюрьме.

Особняком в списке жертв политических репрессий среди полярников стоит имя С.А.БЕРГАВИНОВА - длительное время он возглавлял Политуправление ГУСМП, летом 1937 года стал секретарем Северного крайкома и Архангельского окружкома партии и 31 октября того же года был арестован. Воображение чекистов сделало его главой контрреволюционного заговора в Главсевморпути. 12 декабря 1937 года Бергавинов умер (по другим данным - покончил с собой) на Лубянке. Чекисты ещё долго его «использовали» - наличие связей с главой «заговорщиков» несколько лет служило основой обвинения многих полярников.

В 1937 году (точная дата не приводится) был расстрелян полярный лётчик В.В.СУЩИНСКИЙ, живший в Нарьян-Маре.

3 января 1938 года Тройка УНКВД Омской области принимает решение о расстреле рабочего Полярно-Уральской экспедиции А.С.АРТЕЕВА и сразу трёх работников фактории Севморпути в поселке Новый Порт: заведующего М.А.АРТЕМЬЕВА, бухгалтера П.Ф.ГЕРПСТА и заведующего магазином Г.И.ГУЛЯЕВА. В тот же день оглашён приговор Верховного Суда ЯАССР начальнику конторы водного транспорта Якутского управления Севморпути С.Н.МАМОШКИНУ - за участие во вредительской антисоветской организации он приговорён к расстрелу, который был заменен 25-ю годами заключения. 4 января 1938 года Тройка УНКВД Архангельской области выносит постановление о десятилетнем сроке заключения за контрреволюционную деятельность механику гидрографического судна Д.П.ВИДЯКИНУ. 4 января за антисоветскую деятельность и контрреволюционную агитацию Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорён к расстрелу бухгалтер Игарской конторы ГУСМП И.П.ГУЗ. 8 января 1938 года ВКВС приговаривает к расстрелу за шпионаж управляющего трестом «Арктикуголь» на Шпицбергене М.Э.ПЛИСЕЦКОГО, отца великой русской балерины, девчушкой танцевавшей в клубе треста в Баренцбурге. В тот же день за принадлежность к КРТО той же ВКВС осужден начальник отдела ГУСМП С.П.НАЦАРЕУС; видимо, к той же «организации» принадлежал и осуждённый вместе с ним начальник управления Наркомата водного транспорта Э.Я.ГУРОВИЧ. Военный трибунал Ленинградского военного округа 8 января приговорил к расстрелу исследователя Колымы и Чукотки, основоположника юкагирской литературы Н.И.СПИРИДОНОВА (Тэки Одулок). 9 января 1938 года Тройка УНКВД Архангельской области осудила к расстрелу экономиста управления Севморпути С.Е.ГРУДИНА, 10-го - бухгалтера островного хозяйства управления П.Г.ТРЕТЬЯКОВА, обоих - за контрреволюционную деятельность. 10 января Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорён к расстрелу старший диспетчер Красноярского управления ГУСМП А.В.ГАМАЛИЦКИЙ, обвинение - АСА. 10-го же января Тройка УНКВД Архангельской области постановила заключить в ИТЛ на десять лет за контрреволюционную агитацию наблюдателя метеостанции И.П.КУЛАКОВА, а 11-го вынесла

смертный приговор гидрологу В.Н.ВАСИЛЬЕВОЙ с формулировкой обвинения: «за одобрение террора». 13-го января Тройка утверждает смертный приговор научному сотруднику Северной опытной станции Г.Г.АРНОЛЬДУ (саботаж, АСА), 17-го - директору Архангельской судовой Главсевморпути Я.М.КЛИНОВУ (антисоветская деятельность), шкиперу баржи № 4 Управления Севморпути Я.П.ПОПОВУ (контрреволюционная агитация) и старшему научному сотруднику Индигской экспедиции В.А.КЛЮПФЕЛЮ (АСА). В тот же день Комиссия НКВД и Прокурора СССР выносит решение о расстреле за участие в шпионской антисоветской организации старшего смотрителя Лапландского заповедника Ф.К.АРХИПОВА. 17-го же января по фантастическому набору обвинений (шпионаж, терроризм, диверсии, АСА, КРО) приговорён к расстрелу капитан парохода «Кит» Мурманского пароходства Р.Я.НУКК. 27 января Военный трибунал Северного флота приговаривает к расстрелу за шпионаж медсестру Баренцбургского рудника на Шпицбергене Н.М.ЧЕКАН. В январе была арестована и вскоре приговорена к 15-летнему заключению Т.М.ДЗЕРВЕ, в прошлом - главный механик Полярно-Уральской экспедиции, на момент ареста - сотрудница конструкторского бюро А.Н.Туполева. По данным о дате ареста можно предположить, что в январе 1938 года был осуждён Тройкой УНКВД по Ленинградской области к десяти годам заключения за АСА старший наблюдатель Кировской метеостанции в Хибинах А.В.КЛИМЕНКО.

Воистину чёрными днями для Главсевморпути стали 11-е и 16-е января 1938 года. 11 января Военной Коллегией были обречены на смерть восемь руководящих работников ГУСМП: и.о. начальника Архангельского территориального управления «челюскинец» И.Л.БАЕВСКИЙ, заместитель начальника Управления морского и речного транспорта, тоже «челюскинец», А.Н.БОБРОВ, начальник радиослужбы Полярного управления А.В.ВОРОБЬЕВ, старший консультант планово-экономического отдела Г.Н.ГУРАРИ, заместитель начальника полярной авиации Н.А.ЖИГАЛЕВ, начальник Чукотской экспедиции М.Ф.ЗЯБЛОВ, старший инженер по нефти «Нордвикстроя» Н.Н.ИВАНОВ, начальник авиаизыскательской группы И.А.ЛАНДИН. Всех их обвинили в участии в КРТО, к ней же, видимо, принадлежал и руководитель гидротехнической секции экспертного совета НКВД

М.С.МИРМИЛЬШТЕЙН.

16 января ВКВС продолжила штамповку смертных приговоров работникам ГУСМП. В этот день за принадлежность к той же КРТО были приговорены: начальник технического снабжения Якутского территориального управления И.Я.РЕЗНИК, начальник планово-экономического отдела ГУСМП А.Б.ЧИКОВАНИ, управляющий делами Г.А.ЭРМАН. Видимо, в эту же «организацию» были включены работники НКВД: инспектор по внешним сношениям А.Е.ФЕШ, начальник сектора Б.П.ЧМЫХОВ, учёный секретарь технического совета Г.Д.ШУМСКИЙ. В тот же день были вынесены смертные приговоры руководителю группы радиослужбы Главсевморпути Д.И.ПОЛЯКОВУ - за шпионаж, помощнику начальника полярной авиации ГУСМП А.А.СТУКАТЕРУ - за контрреволюционную деятельность.

Своей чередой продолжали идти и приговоры «персональные». 1 февраля 1938 года по обвинению в шпионской деятельности Комиссией НКВД и Прокурора СССР осужден к расстрелу заведующий мастерскими Гидропорта ГУСМП в Красноярске Л.Я.КЛИМЧАК, а 2-го февраля - инспектор Красноярского авиаремонтного завода ГУСМП А.П.АНШМИДТ. 5 февраля Тройкой УНКВД Красноярского края к ВМН приговорены за антисоветскую агитацию несколько работников треста «Северстрой» ГУСМП, в том числе бухгалтер Таймырского участка треста Р.Х.БИКМУХАМЕДОВ (у него в обвинении ещё вредительство), бухгалтеры треста в Игарке Л.В.ЕВСЕЕВ и Н.А.ЗАХВАТКИН, бригадир К.Ф.ГУБАНОВ. В тот же день та же Тройка приговаривает к расстрелу за АСА и КРА двух бригадиров совхоза ГУСМП «Полярный» в Игарке Д.П.ЗВЕРЕВА и М.С.КОЗЛОВА и заведующего столовой совхоза М.Б.ИЦЕНКО. Военная Коллегия Верховного Суда 7 февраля приговорила к расстрелу за шпионаж коммерческого директора «Севсульфатстроя» П.А.ЖИВИЛОВА, 9-го за принадлежность к контрреволюционной троцкистской организации пилота Ленского отделения Главсевморпути С.В.АЛЕКСЕЕВА. 9-го же февраля Особое совещание при НКВД СССР своим постановлением определяет десятилетний срок заключения старшему диспетчеру Архангельского управления Севморпути В.В.ПАЧКОВСКОМУ, обвинение - контрреволюционная деятельность. Водно-транспортный суд Енисейского бассейна

11 февраля объявляет приговор инструктору политотдела Красноярского управления ГУСМП И.А.КОТКОВУ - по ст. 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация») он приговорён к семи годам лагерного заключения. Через два месяца дело прекращено Верховным Судом СССР и после года заключения под следствием и кассацией И.А.Котков выходит на свободу. 15 февраля Тройкой НКВД СССР за шпионаж вынесен смертный приговор начальнику метеостанции «Канин Нос» В.А.БУЛЬБЯКУ. 18-го февраля расстрелян за принадлежность к КРО в Ленинградском горном институте сотрудник музея института, исследователь Русского Севера палеонтолог В.Ю.ЧЕРКЕСОВ. 19-го февраля ВКВС выносит смертные приговоры за участие в антисоветской террористической организации начальнику мобилизационного отдела ГУСМП Д.С.ДУПЛИЦКОМУ и директору дома отдыха «Братцево» ГУСМП М.Я.КРЫЛОВУ. 20 февраля Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорён к расстрелу начальник конторы технического снабжения ГУСМП Ж.Г.ШТЕЙНБЕРГ. 21 февраля ВКВС выносит смертный приговор по обвинению в шпионаже и участии в КРТО начальнику конторы Карских операций ГУСМП Р.Р.ГЕЦИ. В тот же день Тройка УНКВД по Красноярскому краю принимает решение о высшей мере наказания за контрреволюционную агитацию для наблюдателя гидрологической станции в Туруханске А.В.КОЗЛОВСКОГО и бухгалтера торговой конторы ГУСМП в Туруханске В.И.КУЗНЕЦОВА (он виновен ещё в членстве в КРО). 22 февраля за шпионаж от ОСО НКВД получает десять лет заключения служащий Геологического треста в Архангельске Т.Н.ШИФУРКО. 25 февраля Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговаривает к расстрелу бухгалтера совхоза «Полярный» в Игарке И.И.КРУМИНГА, обвинение - антисоветская агитация. 26 февраля за шпионаж и участие в КРО ВКВС выносит приговор к высшей мере наказания старшему консультанту ГУСМП по эксплуатации портов Н.В.ШМИДТУ.

1 февраля 1938 г. арестован радиотехник Радиоцентра ГУСМП на острове Диксон В.Д.ЗАМЯТИН, которому предъявлено обвинение в участии в шпионской контрреволюционной организации. Сведений о его дальнейшей судьбе источник не приводит.

3-го марта Линейным судом Ярославской железной дороги приговорён к шести годам заключения боцман ледокола «Ленин»

М.И.ГУРЬЕВСКИЙ, обвинение - АСА. 4 марта ВКВС выносит смертный приговор по обвинению в шпионаже и участии в КРО ответственному редактору журнала «Советская Арктика» М.Н.БОЧАЧЕРУ. В этот же день Верховный Суд ЯАССР приговорил к 25 годам лагерного срока за участие в повстанческой контрреволюционной организации В.К.АВЕРИНА - начальника Ленского государственного речного пароходства, а именно оно перевозило большую часть грузов для снабжения Центрального сектора Арктики в устье Лены, в порт Тикси. 7 марта ВКВС приговорён к ВМН начальник Центрального управления морского флота НКВТ «шпион» Г.И.ГОЛУБ. 7 марта Тройка УНКВД Красноярского края выносит смертные приговоры нескольким работникам предприятий ГУСМП в Туруханске, в том числе бухгалтеру Туруханской конторы М.Н.АНАШКИНУ за участие сразу в двух контрреволюционных организациях: повстанческой и террористической, и бухгалтеру торговой конторы С.И.АБРАМОВИЧУ за АСА и «действия против революционного движения» (статья 58-13), плановику Туруханского районного отделения Красноярского управления ГУСМП М.А.ЗАЛОЗНОВУ за АСА и КРО; и - за вредительство и контрреволюционную деятельность - главному бухгалтеру треста «Севполярлес» С.В.ЗАБРОДИНУ. Та же Тройка УНКВД Красноярского края 9 марта приговаривает к расстрелу за контрреволюционную агитацию кладовщика рыбконсервного завода ГУСМП в пос. Усть-Порт в устье Енисея К.С.ЗАМАРАЕВА. 13 марта всё та же Тройка приговаривает за повстанческо-террористическую агитацию штурмана теплохода «Красноярский рабочий» Н.П.ГАВРИЛОВА. В начале марта 1938 года в Хабаровске начала работу выездная сессия ВКВС. 13-го марта в числе нескольких десятков смертных приговоров были приговоры инженеру морского отдела Дальневосточного управления Севморпути А.С.БОГАЧЁВУ, ревизору парохода «Шатурстрой» (в источнике назван «Шатурский») ДВМП А.М.КРОТОВУ, 3-му помощнику капитана парохода «Сучан» ДВМП К.Я.РЫБАКОВУ (первые двое обвинены в антисоветской деятельности, последний - в участии в контрреволюционной террористической организации), 14 марта был вынесен приговор заместителю председателя Комитета нового алфавита народов Севера С.Г.КОЗИНУ (обвинение в источнике не указано), а 16 марта - начальнику Камчатского областного управле-

ния связи И.К.ШАСТИНУ (обвинение - измена родине). 15 марта Тройкой УНКВД Омской области приговорён к расстрелу счетовод Салехардской фактории Севморпути И.А.КАНЕВ. В тот же день УНКВД Красноярского края принимает решение о применении смертной казни к бухгалтеру рыбоучастка ГУСМП в с. Верещагино в низовьях Енисея К.А.ГЕНИНУ, бригадиру Сургутихинской базы ГУСМП М.Л.КОННОВУ и заведующему лечебной частью Красноярского управления ГУСМП В.Л.КРОТОВУ - все они обвинены в участии в контрреволюционной организации, а К.А.Генин и М.Л.Коннов - ещё и в антисоветской агитации. 25-го марта ВКВС приговаривает в Хабаровске к ВМН начальника эксплуатационно-технического отдела Дальневосточного управления ГВФ Е.М.СЛЕДЯ, обвинённого в измене родине и участии в одной из столь любимых Дальневосточным УНКВД контрреволюционных диверсионно-террористических организаций.

Следующая волна приговоров прошла в апреле-мае 1938-го. 5-го апреля отличилась Тройка УНКВД Красноярского края, вынесшая несколько десятков расстрельных приговоров работникам предприятий ГУСМП в Игарке, в том числе: начальнику финансового отдела Игарской конторы ГУСМП Н.И.АНДРЕЕВУ, главному бухгалтеру этой конторы В.В.КАЛИНОВСКОМУ, его заместителю В.А.КОНСТАНТИНОВУ, старшему бухгалтеру Е.И.АФОНСКОМУ, бухгалтерам Игарской рыбной конторы ГУСМП С.Ф.АРИСТОВУ и В.Э.ДИДКОВСКОМУ (в источнике приговор ему не приводится, но в эти дни Красноярская Тройка выносила только смертные приговоры), бригадиру совхоза «Полярный» Я.П.КОЗЛОВУ - все они оказались членами контрреволюционной организации; начальник каравана Игарского затона ГУСМП И.П.БРАЖНИЧЕНКО осуждён за антисоветскую агитацию, старший инспектор Игарской пушной конторы ГУСМП Я.С.БРАНИЦКИЙ - за вредительство и антисоветскую деятельность. 6-го апреля Комиссией НКВД и Прокурора СССР вынесено решение о расстреле за террористические намерения и антисоветскую агитацию техника Гидрографического отдела Северного флота И.И.СТИЛЬВЕ. В Хабаровске продолжала свои «труды» выездная сессия ВКВС и 8 апреля вынесла смертный приговор начальнику Дальневосточного управления Главсевморпути М.Б.ПОШЕМАНСКОМУ, обвинённому в антисоветской деятель-

ности; вместе с ним приговорён к расстрелу за измену родине, террористические намерения и АСА начальник Камчатской областной конторы «Союзпушнина» Я.С.ВЕНГЕРОВ. 14 апреля всё та же Тройка УНКВД Красноярского края (здесь стоит назвать тогдашних ретивых главных чекистов края: до сентября 1937 года - Ф.А.Леонюк, до февраля 1938-го - Д.Д.Гречухин, до января 1939-го - А.П.Алексеев, двое последних были вскоре расстреляны, первый в 1957-м лишен генеральского звания - [17]) опять выносит десятки смертных приговоров сотрудникам предприятий и учреждений ГУСМП в крае, в том числе начальнику Туруханского отделения Торговой конторы ГУСМП Н.К.КРАСНОПЕЕВУ за участие в КРО и приёмщику рыбоучастка в устье Енисея Н.Н.ГРУДНИЦКОМУ за антисоветскую агитацию. 14 апреля Комиссия НКВД и Прокурора СССР принимает решение о расстреле техника Мурманского управления Севморпути В.К.ЭЗАУ и механика парохода «Голландия» Мурманского пароходства А.М.СУТТО, обвинённых в принадлежности к шпионской организации. 16 апреля за шпионаж осуждён к 15-ти годам лагерей начальник строительства Якутского радицентра ГУСМП В.Г.СОЛОВЕЙ, однако после вмешательства Верховного Суда РСФСР в октябре 1939 года НКВД ЯАССР прекратил дело «за отсутствием состава преступления». 26 апреля в Хабаровске ВКВС приговаривает к расстрелу по обвинению в АСД прораба Дальневосточного управления Севморпути С.Т.МЯКШИНА, а на следующий день по тому же обвинению - директора Дальневосточного Крайморзверотреста И.А.ЧАПЛЫГИНА. В тот же день 27-го апреля по приговору ВКВС на другом конце страны, в Архангельске, расстрелян обвинённый в участии в контрреволюционной диверсионно-террористической организации управляющий Северным геологическим трестом А.Д.ПАНОВ. 31-го апреля Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговаривает к ВМН начальника конторы снабжения Мурманского управления Севморпути С.А.СОКОЛЬСКОГО по обвинению в принадлежности к шпионской контрреволюционной организации.

7-го мая 1938 года Военная Коллегия вынесла приговор к ВМН старшему консультанту Главсевморпути С.Д.НАТОНЕКУ по обвинению в участии в антисоветской организации. В тот же день ВКВС были вынесены смертные приговоры членам КРТО, работникам треста НКВД «Дальстрой»: начальнику Колымского речного

управления Б.И.МОВСЕСЯНУ, его брату, помощнику начальника Омолонской аэрогеологической экспедиции «Дальстроя» Н.И.МОВСЕСЯНУ и сотрудникам Наркомводтранса: начальнику группы снабжения Северного речного управления И.Я.ЗАЛЁТОВУ и заместителю начальника планового отдела Н.Р.КАРЬГИНУ. 9-го мая вынесен приговор к расстрелу за шпионаж заместителю начальника Горно-геологического управления Главсевморпути Р.А.ЭГЛИТУ, 10-го - начальнику Архангельского управления Севморпути П.К.ХАРИТОНОВУ. А в Якутске 11 мая Верховный Суд ЯАССР «даёт» 25-летний лагерный срок главному бухгалтеру территориального управления ГУСМП И.С.ОСТРОВСКОМУ, но, как это уже бывало с приговорами этого суда, Верховный Суд РСФСР уже в ноябре, когда потянуло немного другим ветром, направил дело на доследование, а в декабре 1939 года «шпиона» освободили «за отсутствием состава преступления».

Тем временем репрессии затронули и полярников будущих: 16 мая 1938 года Комиссия НКВД и Прокуратуры за участие в контрреволюционной националистической организации польской молодежи приговорила к расстрелу 24-летнего курсанта курсов полярных работников Главсевморпути Б.Б.КОЛЮДУ. Между тем 18 мая Верховный Суд ЯАССР приговорил к расстрелу начальника Якутского управления Севморпути, участника «вредительской контрреволюционной организации» Ю.М.ЛИССА (ГЕТЕРМАНА), но приговор привести в исполнение не успели - в декабре Президиум Верховного Совета СССР заменил расстрел двадцатью годами лагерей. 23 мая Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорены к смертной казни директор «Союззаготпушнины» в Красноярске А.М.ГАБЕЛЕВ - за антисоветскую агитацию и шпионаж, бухгалтер Туруханской торговой конторы ГУСМП А.Я.КРЕМБЕ (АСА и КРО), заведующий складом Красноярской торговой конторы ГУСМП Ю.И.АМСТБИХТЕР и метеонаблюдатель метеостанции в Туруханске Е.А.АККЕРМАН, за три года до этого высланная в Туруханск, оба - за шпионаж. 25 мая Комиссия принимает решение о расстреле по обвинению в шпионаже и террористической деятельности старшего комплектовщика Красноярского авиаремонтного завода ГУСМП Ю.П.БУТКЕВИЧА; это один из «эпизодов» систематического разгрома красноярскими чекистами едва ли не важнейшей базы полярной авиации и её предприятий в крае, т.н.

Енисейской линии ГУСМП. В этот же день Комиссия принимает решение о расстреле за антисоветскую агитацию главного бухгалтера треста «Северстрой» в Игарке С.С.КРУЛЯ. 26 мая той же Комиссией принято решение о расстреле польского «шпиона» - старшего авиамеханика Чукотского (как он оттуда в Варшаву шпионские сведения передавал?) авиаотряда Севморпути М.Ф.ДРАНЕВИЧА и ответственного исполнителя по претензиям Енисейского пароходства А.Ф.АСЕЕВА (обвинение - участие в КРО) В тот же день в Хабаровске выездной сессией ВКВС приговорён к расстрелу директор Олюторовского рыбоконсервного комбината на берегу Берингова моря И.Р.ШВАЛЁВ, обвинён он в измене родине и участии в диверсионно-террористической контрреволюционной организации. 27 мая Верховный Суд Якутской АССР приговорил к семи годам заключения за АСА гидрографа территориального управления ГУСМП Ю.Ф.ЛАНГУРЕВА. 28 мая по обвинению в участии в организации, ставящей целью вооруженное восстание, Тройкой УНКВД Красноярского края приговорён к расстрелу судоводитель транспортной конторы Красноярского управления ГУСМП С.С.КОРОЛЁВ, а 31 мая за АСА - радиотехник полярного сектора Игарского управления ГУСМП Г.А.ЗАЙЦЕВ.

8 июня 1938 года к восьми годам заключения за шпионаж приговорён ответственный исполнитель по хозяйству Политуправления ГУСМП Г.В.СОКОЛОВСКИЙ, но в феврале 1940 года против него было возбуждено новое дело по связям все с тем же «заговором» Бергавинова. 10 июня Тройка УНКВД Красноярского края принимает решение о расстреле механика парохода «Максим Горький» Енисейского пароходства Д.В.КАЗАРИНОВА - за контрреволюционную повстанческую деятельность, и о десятилетнем лагерном заключении его помощника С.С.БАКУЛИНА и матроса катера Красноярской авиагруппы ГУСМП И.И.ДУБИНИНА - обоих за контрреволюционную агитацию. На следующий день та же Тройка приговаривает к расстрелу за АСА П.И.КРЫЛАТОВА - бухгалтера Игарской рыбной конторы ГУСМП. Красноярским чекистам явно ненавистна была профессия бухгалтера (хотя, как считал вождь революции, учёт - основа социализма), и 13 июня та же Тройка выносит решение о расстреле бухгалтера Красноярского управления ГУСМП К.П.КЛИМОВСКОГО. Обвинение в участии в контрреволюцион-

ной шпионско-террористической организации было предъявлено научному сотруднику Арктического института Ф.И.БАЛАБИНУ, для следствия и суда привезённого в Москву, 14 июня ВКВС вынесла ему смертный приговор.

20 июня жаркого лета 1938 года Военная Коллегия трудилась весь день, не покладая ручек, которыми её члены ставили подписи под смертными приговорами 22-м членам очередной КРТО, обосновавшейся в Наркомате водного транспорта, но пустившей свои «щупальца» и в Главсевморпуть, ГВФ и Аэрофлот. «Щупальцами» этими были в ГУСМП старший инспектор по качеству пушнины пушного отдела А.А.БЕЛЫХ, начальник пушно-промыслового отдела Б.И.ГРИНШПАН, начальник пушного отдела И.И.ЛОМАКИН, старший консультант пушного отдела С.А.СИМАКОВ и заместитель начальника Главсевморпути Н.М.ЯНСОН, которого обвинили еще и в шпионаже. В Аэрофлоте на должности заместителя начальника «окопался» С.С.ИОФФЕ, до недавнего времени - многолетний первый заместитель О.Ю.Шмидта, руководивший ГУСМПом во время частых и долгих отлучек начальника. В НКВТ членами этой организации были начальник сектора треста «Центровостречснаб» С.Н.МОСТОВЛЯНСКИЙ, инженер Северного управления Н.В.МЫСЛИН, заместитель наркома Э.Ф.РОЗЕНТАЛЬ, начальник сектора Северного речного управления Г.Е.РОТШТЕЙН, начальник сектора Восточного речного управления П.А.ХЛУДОВ, старший инженер Северного речного управления Н.А.ЧИСТЯКОВ, заместитель начальника Восточного речного управления П.Т.ШИЛКИН, начальник планового отдела наркомата Р.А.ШИШЛЯНИКОВ. На том же заседании ВКВС были вынесены приговоры членам антисоветской террористической организации: начальнику финансово-счетного отдела Главсевморпути М.Л.БАЛАГУЛУ и заместителю начальника Восточного речного управления Наркомводтранса В.В.ДУДКИНУ, а за шпионаж был приговорён к ВМН юрист треста «Арктикуголь» В.П.ЛАМАНСКИЙ. 24 июня был приговорён к расстрелу член той же КРТО председатель ЦК Союза работников Севморпути Д.Д.КОЗЬМИН. 27-го июня Тройка УНКВД Омской области принимает решение о смертном приговоре заведующему складом Салехардской фактории Севморпути Т.М.МОЖАЙКО. В этот день в Красноярской тюрьме умирает на восьмом месяце заключения

счетовод Торговой конторы ГУСМП в Дудинке Н.Ф.БАБАНАКОВ, арестованный по обвинению в антисоветской агитации.

4 июля 1938 года Особое совещание НКВД СССР определило меру наказания преподавательнице Политотдела Архангельского управления Севморпути А.А.РЕЙХЕРТ: за «недоносительство» она получила восемь лет лагерей. В середине июля для проведения выездной сессии в Красноярск прибывают члены Военной Коллегии Верховного Суда и уже 13 июля выносят смертный приговор профессору Красноярского технологического института, известному геологу, Президенту Приенисейского отдела Восточно-Сибирского Общества по изучению производительных сил Сибири В.П.КОСОВАНОВУ, он обвинён в участии в диверсионно-террористической контрреволюционной организации. На заседании ВКВС 15 июля вынесены смертные приговоры членам вредительско-террористической контрреволюционной организации: начальнику Красноярского речного порта И.А.КОЗУЛИНУ, старшему диспетчеру порта Н.С.КРЖИВАТСКОМУ, начальнику строительного отдела Енисейского пароходства Я.Ф.ДУНАЙСКОМУ, инструктору политотдела пароходства Т.К.ДРУГОВЕЙКО; начальник планового отдела пароходства Г.Н.АРТАРИ-КАЛУМБ обвинён в диверсиях, вредительстве и терроризме. На заседании следующего дня, 16 июля, объявлены приговоры к расстрелу начальнику Пясинской экспедиции по завозу на Норильский комбинат (это было одно из важнейших заданий партии и правительства Главсевморпути) В.А.ДОБРОВОЛЬСКОМУ, в его приговоре: обвинения в измене родине и участии во вредительско-террористической контрреволюционной организации; А.И.КИСЛИЦЫНУ - заместителю начальника Торговой конторы ГУСМП в Игарке, обвинение - КРО, и А.А.КОСТИНУ - начальнику промыслового флота Рыбной конторы ГУСМП в Игарке, обвинение - террористическая деятельность. Однако ВКВС выносила 16 июля не только смертные приговоры: к 15-ти годам лагерей приговорён за террористическую деятельность начальник механико-судовой службы Красноярского управления ГУСМП А.Ф.КАРЕПОВ (в 1939 г. дело было прекращено и он был освобождён), к десяти годам за террористическую деятельность – начальник Пушной конторы ГУСМП в Игарке А.В.АРНОЛЬДОВ, за антисоветскую деятельность – начальник плановой группы

Рыбной конторы ГУСМП в Игарке В.А.ГАЙДУК и за участие в террористической контрреволюционной организации - механик радиостанции Дудинской автобазы ГУСМП Г.П.КРАСНОПЕЕВ (он отбудет срок заключения, а в апреле 1951 года ОСО МГБ сошлёт его в Красноярский край). Заседание, почти целиком посвящённое сотрудникам Главсевморпути в Красноярском крае, ВКВС провела 19 июля. К расстрелу за контрреволюционную агитацию приговорён живший в Игарке ссыльный троцкист Г.Н.ДОЛГОПОЛОВ, занимавший должности начальника Игарского затона ГУСМП, руководителя по отстою флота ГУСМП и заместителя начальника Пясинской экспедиции. Но главным делом ВКВС был разгром контрреволюционной организации, обнаруженной чекистами на Красноярском авиаремонтном заводе ГУСМП - на этом предприятии готовилась к эксплуатации в Центральной и Восточной Арктике авиация ГУСМП. Специально этому вопросу посвящено исследование М.Волковой [5], поэтому назовём лишь фамилии и должности репрессированных: приговорены к расстрелу директор завода Б.Г.КРУТСКИЙ, начальник отдела К.И.ГРОБОВСКИЙ, начальник ОТК Н.Г.БРОЗИНСКИЙ, мастер А.И.АЛЪЯНОВ и главный инженер Енисейской авиалинии ГУСМП А.Н.СУРОВИЦКИЙ, к 15-ти годам заключения: главный бухгалтер завода И.В.КУЗЬМИН и мастер Г.Г.РУДНЕВ. Список этот существенно дополнен в статье М.Волковой, однако без точных данных о репрессии: начальник цеха завода В.И.КУЧИНСКИЙ, начальник административной части С.М.КАРЛОВ, начальник сектора И.С.ВИЛЕНЧИК, инженер Красноярского авиагидропорта И.Ф.ГРИГОРЬЕВ, начальник авиагидропорта в Игарке П.В.ДАРИЩЕВ (дело прекращено 20 июля 1939 года). А 21 июля ВКВС объявила приговор к расстрелу начальнику Красноярского краевого управления связи М.И.ЖОДТАКУ как члену диверсионно-террористической организации. На последнем заседании выездной сессии ВКВС в Красноярске 22 июля были оглашены смертные приговоры начальнику связи Енисейской авиагруппы ГУСМП Л.В.АНТИКУ (шпионаж), заместителю командира авиагруппы Енисейской авиалинии А.Г.РОБУШУ (участие в диверсионно-террористической организации и АСА), пилоту Енисейской авиалинии В.Д.ВОЛОСЮКУ (КРО), перед арестом переведённому в группу снабжения за контрреволюционную

агитацию, а также капитану парохода «Сталин» Енисейского пароходства М.И.ДЕМЕНТЬЕВУ (участие во вредительско-диверсионной террористической организации) и судомеханику пароходства П.М.ГУБАНОВУ (повстанческо-террористическая агитация).

28 июля ВКВС в Москве приговорила к расстрелу тогдашнего 1-го секретаря Компартии Киргизии М.К.АММОСОВА, в 1920-х годах - основателя государственности Якутской АССР, ученого и организатора; именно он был инициатором организации комплексной Якутской экспедиции Академии наук СССР, которая внесла огромный вклад в изучение севера республики. 29 июля 1938 года ВКВС завершила разгром контрреволюционной террористической организации, а заодно - и Наркомата водного транспорта, приговорив к расстрелу двух заместителей наркома - А.С.ЗАШИБАЕВА и Г.Г.КУЧЕРОВА. Был обезглавлен и Аэрофлот: его начальник И.Ф.ТКАЧЁВ приговорён к ВМН «за участие в военно-фашистском заговоре». В тот же день Комиссией НКВД и Прокурора СССР был приговорён к расстрелу «чехословацкий шпион», бортмеханик Управления полярной авиации Я.В.БРЕЗИН, участник заброски первой станции «Северный полюс» в мае 1937-го года.

16 августа 1938 года Военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил к десяти годам лагерей участника вредительско-диверсионной антисоветской организации начальника административно-хозяйственного отдела Мурманского управления Севморпути П.И.ИГНАТЬЕВА. 22 августа ВКВС приговорён к расстрелу за шпионаж научный сотрудник НИИ языка и культуры Якутии Г.В.КСЕНОФОНТОВ. 26 августа Красноярский краевой суд по обвинению в антисоветской агитации приговаривает к десяти годам лагерей финансиста Игарского управления ГУСМП Ф.Н.БЫЧКОВСКОГО. В этот день в Красноярске арестован командир авиагруппы Енисейской авиалинии ГУСМП С.П.ВАНЮШИН и отправлен на Украину, по месту предыдущей службы, дальнейшая его судьба неизвестна. 28 августа Комиссией НКВД и Прокурора СССР осуждён к расстрелу начальник морской конторы Архангельского управления Севморпути Я.Я.БРЕДИС, обвинённый в саботаже и членстве в КРО. 31 августа Верховный Суд ЯАССР выносит приговоры сразу двум «вредителям»: начальнику планового отдела Якутского управления ГУСМП

П.И.ЗАВОДОВСКОМУ (15 лет лагерей) и председателю Областного совета работников Севморпути Н.Л.НИКА-БУНЦЕЛЬМАНУ (20 лет). Но опять в дела суда якутского вмешался Верховный Суд РСФСР, направивший в июле 1939 года дела на доследование, после чего в ноябре 1939 года и в январе 1940 года НКВД ЯАССР дела прекратил «за отсутствием состава преступления».

2 сентября 1938 года Комиссия НКВД и Прокурора СССР принимает решение о расстреле капитана парохода «Ижорец» Енисейского пароходства И.А.ВАНА и инспектора Игарского управления ГУСМП С.Л.ДАВЫДОВА, оба обвинены в шпионаже. 9 сентября Особое совещание НКВД СССР приговаривает к десяти годам лагерей старшего рулевого парохода «Циркуль» Красноярского управления ГУСМП П.П.БОРИСОВА - за контрреволюционную деятельность. 13 сентября ОСО НКВД приговорён к расстрелу за шпионаж младший научный сотрудник Северной базы Академии наук в Архангельске В.М.ЭНШТЕЙН. 15 сентября 1938 года ВКВС занялась очередной контрреволюционной террористической организацией, среди членов которой были и полярники. К высшей мере были приговорены начальник полярной станции «Бухта Тихая» на Земле Франца-Иосифа А.И.ГРИГОРЬЕВ и член редколлегии журнала Главсевморпути «Советская Арктика» А.А.ДОГМАРОВ, среди работников НКВД - начальник сектора Северного речного управления П.И.ГАЛУШКО. Кроме того, к этой же организации были причислены заместитель начальника Центрального Управления Гидрометслужбы А.П.ГОЛУБКОВ, начальник отдела карт и лоций Аэрографического института ГВФ И.А.ДОБРОВОЛЬСКИЙ и осуждённый на следующий день, 16-го сентября, начальник сектора «Центрорекснаба» В.А.ХАРИК. В этот же день за шпионаж и контрреволюционную деятельность был осуждён к высшей мере старший консультант «Арктикснаба» Ф.Д.САМОЙЛОВ, а 17-го сентября - начальник «Арктикснаба» Г.Г.ПЕТРОСЯН, обвинённый в антисоветской вредительской деятельности. 22 сентября ВКВС выносит смертные приговоры начальнику строительства Судоремонтного завода Севморпути в Мурманске Л.Д.РОЗЕНБЕРГУ (обвинён в участии во вредительно-террористической контрреволюционной организации) и главному инженеру завода Ф.С.САЛОВУ (шпионаж, участие во вредительской антисоветской организации). 28 сентября Тройкой

УНКВД Омской области вынесен смертный приговор старшему торговому инспектору Салехардской конторы Севморпути С.С.ВИРСКОМУ. 29 сентября Мурманский окружной суд за АСА приговаривает «всего» к трём годам лагерей начальника метеогруппы Судоремонтного завода Севморпути В.А.НЕХАЕВА.

2-го октября 1938 года Ленинградский облсуд (формально территория образованной в июле этого года Мурманской области не была в его юрисдикции) приговорил к четырём годам заключения, при обвинении в шпионаже и АСА, наблюдателя метеостанции в г. Кировске в Хибинах Б.Ф.МАТУШЕВСКОГО. В Красноярске 2 октября Тройка УНКВД края осудила к расстрелу членов шпионско-вредительской организации лоцманов парохода «Красноярский рабочий» А.С.ГОРЕВА и Л.Г.ЖДАНОВА и радиста полярного сектора Игарского управления ГУСМП П.Г.КРЫЛОВА, однако красноярские чекисты учуяли новые веяния, исполнение приговоров задержали и в мае 1939-го лоцманы, а в августе - радист были освобождены, а дела против них прекращены. Такая же история произошла с капитаном парохода «Летчик Головин» Красноярского управления ГУСМП А.В.ЖОССАНОМ - 5-го октября осуждён краевой Тройкой к расстрелу за антисоветскую агитацию, в апреле 1939-го - освобождён. Чекисты других регионов новых веяний ещё не учуяли. 10 октября ОСО НКВД приговорило к расстрелу за участие в антисоветской организации смотрителя маяка «Йоканьга» на Кольском полуострове А.А.МАЛЫГИНА, а Тройка НКВД ЯАССР за шпионаж - старшего экономиста Якутского управления Главсевморпути М.Н.КАЙГОРОДОВА. 14 октября Тройка УНКВД Ленинградской области (видимо, Управление внутренних дел Мурманской области ещё не было сформировано) по обвинению в измене родине и участии во вредительско-диверсионной организации приговаривает к расстрелу начальника промысловой конторы Мурманского управления ГУСМП П.А.КОЗЬМИНА. 15-го октября та же Тройка выносит решение о высшей мере наказания за подготовку вооруженного восстания и участие в антисоветской организации научному сотруднику Мурманской опытной оленеводческой станции А.С.САЛАЗКИНУ. 15-го октября Тройка УНКВД Красноярского края приговаривает к десяти годам лагерей капитана парохода «Вейнбаум» Енисейского пароходства А.Д.ГОРОВЕНКО. Не приводится в исполнение решение этой Тройки от 15 октября о

расстреле начальника группы отдела эксплуатации Енисейского пароходства М.И.ДАНИЛОВА, и в конце января 1939 года дело против него прекращено и он вышел на свободу.

Но вот решение Комиссии НКВД и Прокурора СССР, принятое 19 октября - о расстреле вредителя, террориста, контрреволюционного агитатора начальника жилищно-коммунального отдела Красноярской авиагруппы ГУСМП Г.С.ДЖОХАДЗЕ было исполнено. В этот же день, но Тройкой УНКВД Красноярского края, приговорён к расстрелу ревизор-инструктор Енисейского пароходства «шпион» М.С.ИВАНОВ, но исполнение приговора опять попридержали и в январе 1939-го его с миром отпустили. 20 октября приговорён к расстрелу Тройкой УНКВД Омской области начальник Салехардской гидрометеостанции Я.Я.МАУРИН. 26 октября та же Тройка выносит смертные приговоры старшему бухгалтеру Ярсалинской станции Севморпути Н.А.АМПУЯ, помполиту Салехардской пушной конторы Н.В.КАЧКИНУ, а 26 октября - работнику фактории Севморпути «Напалково» близ Салехарда К.Х.ТУРКУЛОВУ. В Красноярске чекисты решили перевалить ответственность на суды и 29 октября краевой суд выносит приговор заведующему факторией «Боганида» на Таймыре М.П.ИГУМНОВУ: за антисоветскую агитацию он получает пять лет лагерей - наказание, немыслимо лёгкое ещё два месяца назад.

3-го ноября Тройкой УНКВД Ленинградской области приговорены к расстрелу кочегар парохода «Ястреб» Мурманского пароходства Ф.У.ПРИВАЛОВ (шпионаж) и радист Мурманской метеослужбы П.П.СОЛДАТОВ (АСА). 29 ноября Верховный Суд ЯАССР приговорил к десяти годам лагерей за АСА метеоролога полярного отдела Якутского управления Севморпути Ф.К.ШВЕЦА.

Понимали ли чекисты абсурдность подавляющего большинства придуманных ими обвинений? Арестованный после падения Ежова и впоследствии расстрелянный начальник 3-го отдела УНКВД по Московской области И.Г.Сорокин говорил на допросе: «При ведении следствия от них (арестованных. - *С.Л.*) добивались признаний в шпионской и националистической деятельности (речь идет о лицах «иностранного происхождения», но это, конечно, можно распространить на всех арестованных. - *С.Л.*), признаний часто нелепых, вроде передачи в виде шпионских сведений данных

о режиме льдов в Северном Ледовитом океане» [6]. Однако, несмотря на смену людей за следовательскими столами, поиски и обвинения «шпионов и диверсантов» продолжались.

Осенью 1938 года власть над НКВД постепенно переходит к Берия: 22 августа он назначен 1-м заместителем наркома, 29 сентября - начальником ГУГБ (Главное управление государственной безопасности), 25 ноября - наркомом, в то время как Ежов, 22 апреля 1938 года получивший, в дополнение к должности наркома внутренних дел, и должность наркома водного транспорта, с назначением Берия наркомом первую свою должность теряет. Впрочем, до его ареста остается четыре месяца [17]. Начал Берия со смягчения «ежовых рукавиц»: некоторые дела были прекращены, несколько десятков тысяч (из миллионов) были освобождены из лагерей. Это, однако, не отразилось на трагической судьбе создателя советской арктической науки, директора Всесоюзного Арктического института Р.Л.САМОЙЛОВИЧА. 4 марта 1939 года Военная Коллегия приговорила его к расстрелу по обвинению в измене родине, саботаже и участии в контрреволюционной организации, других членов которой нам установить пока не удалось. Однако был освобожден брат жены Самойловича, арестованный 5 июня 1938 года, один из первых морских арктических геологов М.М.ЕРМОЛАЕВ. Вскоре его, однако, арестовали снова и 30 декабря 1940 года Особое совещание при НКВД СССР определило ему 10-летний срок заключения в лагерях за вредительство, антисоветскую агитацию и участие в контрреволюционной организации. Похож был и путь уже в те времена известного геолога, открывателя Норильского месторождения, заместителя директора Арктического института Н.Н.УРВАНЦЕВА. Его арестовали 11 сентября 1938 года, но в феврале 1940-го дело прекратили, а ровно через два года после первого ареста он был вновь арестован (дело возобновили) и 30 декабря по 5-ти пунктам 58-й статьи (измена родине, шпионаж, диверсии, АСА, КРО) ОСО при НКВД осудило его на 8-летний лагерный срок.

И всё же что-то менялось, многие дела попросту прекращались со снятием обвинений и освобождением подследственных, часто уже проведенных под арестом многие месяцы. По Красноярскому краю, в частности, этим иногда были заняты даже судебные и надзорные органы, два года никак себя не проявлявшие. 21 ноября

1938 года Таймырский окружной суд в Дудинке прекращает дело, начатое арестом в октябре 1937 года в отношении начальника изотермической баржи Игарской рыбной конторы ГУСМП В.Д.ГОНЧАРОВА, хотя он, ссыльный, обвинялся во вредительстве и антисоветской агитации. 29 декабря прекращено, после 14-месячного следствия, дело против экономиста Красноярского управления ГУСМП Б.М.АБРАМОВОЙ, обвинённой в участии в шпионско-террористической организации и антисоветской агитации. 13 января уже 1939 года освобождён отсидевший семь месяцев под обвинением во вредительстве и агитации плановик Красноярской авиагруппы ГУСМП М.И.КУЗНЕЦОВ. 17 января прекращено дело по обвинению в АСА против С.С.БОРОВСКОГО, ответственного исполнителя треста «Северполярлес», отсидевшего под следствием тоже семь месяцев. 2 февраля освобождён арестованный всего три месяца назад капитан Енисейского пароходства В.Я.ВЕРЕТЕННИКОВ, обвинённый было в антисоветской агитации и... бандитизме (!) (ст. 59-3). 12 февраля прекращено дело против члена шпионской организации, бухгалтера-инструктора Таймырской окружной пушной конторы А.П.АЛЕКСЕЕВА, арестованного в середине октября 1938-го года. 9 марта Военным трибуналом прекращено дело против проведшего в заключении четыре месяца главного бухгалтера Красноярской авиагруппы ГУСМП И.Г.КАЙКОВА. 11 марта 336-й Военной прокуратурой прекращено дело в отношении агента по снабжению Транспортной конторы Красноярского управления ГУСМП, «террориста и диверсанта» Н.А.ДОБРОВОЛЬСКОГО (он провёл под арестом почти год), бывшего морского капитана во Владивостоке, в 1933 году высланного в Красноярск. 17 марта освобождён «вредитель и антисоветский агитатор», разоблачённый и арестованный органами ещё в ноябре 1937 года начальник морского эксплуатационного участка Красноярского управления ГУСМП Е.М.ГЕРШЕВИЧ. 22 марта Енисейская транспортная прокуратура прекращает дело по обвинению в диверсионной деятельности и антисоветской агитации механика парохода «С.Разин» Енисейского пароходства А.Ф.БАРАНЦЕВА, отсидевшего всего четыре месяца. 23 марта прекращены дела арестованных в начале ноября 1938 года членов вредительской организации старшего инженера Красноярской гидроавиабазы ГУСМП П.Ф.ТИХЛЕРА, пилота Енисейской

авиалинии ГУСМП Ф.Т.ЕРЁМЕНКО и пилота Игарской авиагруппы ГУСМП Д.И.БОГОЛЮБОВА (он арестован в августе 1938 года), причем дела прекращает заведшее их УНКВД Красноярского края. 25 марта освобождён после четырех месяцев заключения секретарь постройкома треста «Северстрой» Н.П.КРУЖАЛИН, обвинённый в АСА. 25 апреля прекращены дела против арестованных в августе 1938-го и обвинённых в участии в контрреволюционной организации механика парохода «Комсомолец» Енисейского пароходства М.А.ЖЕРЕБЦОВА и его помощника П.И.КУЗИНА. 29 апреля прокуратура Енисейского бассейна прекращает дело по обвинению в участии во вредительской организации начальника эксплуатации Енисейского пароходства Н.С.ГАВРИЛЕНКО, просидевшего после ареста девять месяцев. 9 мая после полугодового заключения освобождён «вредитель и агитатор», авиатехник аэропорта Енисейска Л.П.АДАМИЯ. 13 мая, спустя десять месяцев после ареста, прокуратура Енисейского пароходства прекратила дело в отношении члена шпионско-вредительской организации, механика парохода «Красноярский рабочий» ГУСМП и контрольного мастера на судоремонтном заводе ГУСМП в Красноярске Н.Н.ЕФРЕМОВА. 25-го мая освобожден «вредитель и агитатор», начальник группы Торговой конторы Красноярского управления ГУСМП М.Я.КОЗЛОВ, арестованный ещё 1 сентября 1937-го! Участник вредительско-шпионской организации, штурман уже не раз упомянутого парохода «Красноярский рабочий» В.С.ЕРМОЛАЕВ, вышел на свободу после семимесячного заключения 31 мая.

Освобождения продолжались в Красноярске и летом 1939 года. 2 июня прокуратура Енисейского бассейна прекращает дела против отсидевших почти полтора года начальника отдела Торговой конторы ГУСМП в Енисейском пароходстве «шпиона» В.А.КРИСТАЛЛОВИЧА и начальника Торговой конторы ГУСМП в Красноярске «шпиона и вредителя» Д.Ф.КУЛАГИНА. 14 июня Красноярский краевой суд освобождает после семи месяцев предварительного заключения «шпиона» Н.В.КАРПЕНКО - заведующего клубом треста «Северстрой» в Игарке. 15 июня прекращено дело против «вредителя» А.И.АПРЕЛКОВА, до ареста 4 ноября 1937 (!) года бывшего диспетчером Рыбной конторы ГУСМП в Игарке. В этот же день прекращено дело против аресто-

ванного 1 июня 1938 года члена шпионско-вредительской контрреволюционной организации лётчика Красноярской авиагруппы ГУСМП Н.А.ЦЕЛИБЕЕВА. 17 июня освобождён механик Енисейского гидрографического отдела ГУСМП М.В.ЕРЁМИН, отсидевший уже 14 месяцев за антисоветскую агитацию. 19 июля УНКВД Красноярского края прекращает дело на П.Ф.ЗУЕВА, «члена вредительской организации» - с августа 1935 по август 1936 года он был директором и одним из создателей Красноярского авиаремонтного завода, затем снят с работы и исключён из партии, уехал подальше, в украинский Бердянск, работал слесарем, в октябре 1938-го там арестован и этапирован для следствия в Красноярск. На следующий день прекращены дела против ещё двоих членов той же организации, работников Игарского авиагидропорта ГУСМП: его начальника П.В.ДАРИЩЕВА (см. с. 40) и авиамеханика В.С.ПОТЕЕВА, отсидевших под арестом по году. 23 июля прокуратура Енисейского бассейна реабилитирует (не член он вредительской организации) и освобождает из заключения (а он сидел с октября 1937 года!) старшего диспетчера Конторы водного транспорта Красноярского управления ГУСМП В.Г.БАГАЕВА, по совместительству он преподавал на курсах ГУСМП. 27 июля прекращено дело против капитана мотобота «Будённый» Красноярского управления ГУСМП Н.Г.БУСЫРЕВА; он был арестован в октябре 1937 (!) года и обвинён в оказании помощи мировой буржуазии (ст. 58-4), агитации и участии в КРО.

Активность освобождений вскоре стала угасать: то ли некого стало освобождать, а скорее - короткая «бериевская» оттепель шла к концу. 8 августа по решению прокуратуры Енисейского бассейна вышел на свободу после годичного заключения «член вредительской организации» технорук Красноярских судоремонтных мастерских ГУСМП Г.С.ВЫГОДЯНСКИЙ. Арестованный 4 июля 1938 года летчик Красноярской авиагруппы А.В.КИСИЛЁВ был обвинён в измене родине и участии во вредительско-диверсионной КРО, но 10 сентября 1939 года обвинения были сняты и он был освобождён. 16 октября прокуратура Красноярского края принимает решение о прекращении дела против арестованного 19 августа 1937 года (обвинение не указано) главного бухгалтера треста «Севенстрой» в Игарке В.К.КОЗЛОВА, однако освобождён он лишь 17 января 1940 года под некую «подписку». 25 октября

прекращено дело против участника вредительско-террористической организации, помощника мастера Игарского загона ГУСМП А.П.ЗЛОТНИКОВА, арестованного 2 сентября 1938 года. Ещё через месяц, 23 ноября, освобождён обвинённый в АСА и просидевший под следствием по этому обвинению с 10 октября 1937 (!) года начальник отдела эксплуатации Енисейского пароходства Н.П.ИСПОЛАТОВ. 2 декабря УНКВД Красноярского края прекращает дело против обвинённого в АСА и просидевшего двадцать месяцев начальника финансовой части Енисейского пароходства П.П.КОРОТЕНКО. 11 декабря Эвенкийский окружной суд прекращает дела (но не оправдывает) против нескольких членов контрреволюционной повстанческой организации и «антисоветских агитаторов», арестованных ещё в июле 1938 года: заведующего радиоузлом в поселке Тура (центр округа) Г.Ф.ВАГАНОВА, бухгалтера Торговой конторы ГУСМП в Туре М.В.КЛАДОВИКОВА, моториста Туринской авиабазы В.В.КУРБАТОВА, однако одного из членов организации, шкипера катера Торговой конторы ГУСМП в Туре, Г.П.ЗАВАДОВСКОГО, приговаривает всё-таки к двум годам заключения. 13 декабря УНКВД Красноярского края прекращает дело против арестованного в апреле 1938-го и обвинённого в участии в шпионской (!) организации и АСА, И.Ф.КУКУШКИНА - учителя национальной кетской школы в станке Фарково на Таймыре, кета (енисейского остяка) по национальности. Не очень-то заботилась советская власть о молодой национальной интеллигенции малых народов Севера, о чём громогласно провозглашала, одновременно отыскивая шпионов в почти безлюдной и пустынной таймырской тундре! Впрочем, эту заботу о малых народах мы ещё увидим.

Между тем 23 декабря 1939 года освобождён и реабилитирован (слово это, оказывается, «органам» известно) УНКВД Красноярского края работник магазина на фактории Суринда Эвенкийского округа Г.И.ИВАНЦОВ - через четыре дня (!) после ареста и предъявления обвинения в антисоветской агитации. В 1939 году (точная дата не указана) освобождён арестованный ещё в мае 1938-го начальник отдела кадров Енисейского пароходства А.А.ДУБИНКИН. Неизвестна и точная дата освобождения арестованного в феврале 1938 года за антисоветскую агитацию ссыльного Р.А.БАРКЕ, работавшего чертёжником в Проектном бюро ГУСМП

в Игарке.

Освобождения, однако, дождались не все: в сентябре 1939 года «за смертью подсудимого» было прекращено дело обвиненного в участии во вредительской организации и сидевшего под следствием почти два с половиной года Н.П.ЖУРАВЛЁВА - начальника торгового отдела «Севторга» в Игарке.

27 января 1940 г. УНКВД прекращает дела в отношении членов вредительской организации, арестованных в июле-августе 1938 года: директора Школы политпросвещения в Игарке Ф.С.ГАЙВОРОНСКОГО, бухгалтера Игарского затона ГУСМП Г.А.ДВОРЕЦКОГО и начальника Игарской биологической зональной станции Института полярного земледелия В.П.ЕВЛАДОВА.

Списки освобождённых в других регионах по ряду причин не столь обширны. В Красноярском крае в силу его географического положения было много организаций и предприятий Главсевморпути, активность красноярских чекистов во времена Ежова - предельна, заполненность следственных тюрем - сверхмаксимальна. Ведь ещё недавно, в разгар репрессий, начальник 2-го (оперативного) отдела УНКВД Красноярского края Анастасенко писал в донесении, что «хорошо почистил ГУСМП», арестовал 336 человек и просил увеличить лимит (!) на 200 человек [5, с. 15]. Из остальных регионов систематические сведения об освобождениях 1938-1940 гг. есть только по Мурманской [12] и Архангельской [18] областям, по остальным регионам фиксация этого в использованных источниках случайна.

В 1938 году был арестован, но вскоре освобождён из Магаданской тюрьмы начальник Омолонской геологической экспедиции С.В.НОВИКОВ. Несколько арестованных были освобождены в Архангельске: 20 августа 1938 года вышел на свободу после двухмесячного заключения и обвинения в АСА прораб Гидрографической экспедиции А.А.РУБЕ, 22 октября, через месяц после ареста, - начальник партии Северного геолого-разведочного треста С.З.БЛИНЧИК, 26-го - отсидевший в тюрьме почти год и обвинённый в АСА и участии в КРО топограф того же треста И.В.СЫТАРЬ. 17 января 1939 года вышел на свободу после восьми месяцев заключения и тех же обвинений заместитель заведующего заготснабом территориального управления Севморпути В.Е.ПОПОВ. В июле 1939 года освободился осуждённый было на

пять лет за участие в КРО старший инспектор пушной конторы ГУСМП в селе Кюсюр в низовьях Лены А.Е.КОМПАНИЕЦЕВ. 29 августа 1939 года был освобождён в Архангельске после почти двух лет заключения и обвинения в шпионаже начальник планового отдела местного управления Севморпути Л.П.ГОЛДЫЦКИЙ. Примеры пересмотра приговоров, вынесенных в Якутске, от сокращения сроков до освобождения, приведены выше, но их можно продолжить. 17 июля освобождён маячный механик Якутской гидрографии ГУСМП А.М.ВИКУЛОВ, которому было предъявлено обвинение в участии во вредительской организации. 3 сентября Верховным Судом РСФСР освобождён осуждённый в апреле за АСА начальник Мерзлотной станции Якутского управления ГУСМП Ф.Ф.СЛИНИН-КОРОБКОВ. 22 ноября снято обвинение в участии в повстанческо-вредительской организации с начальника сектора снабжения гидрографического отдела Якутского управления Севморпути Я.Д.РЬБАКОВА, а 28-го ноября - и самого начальника отдела и члена той же «организации» А.А.ПОПОВА, оба отсидели под следствием почти два года. После полугодового заключения 28 января освобождён участник такой же организации начальник сектора плавсредств Якутского управления ГУСМП С.Н.ЗУБОВ, а 27 февраля - «вредитель», начальник затона «Хатыстах» А.В.ЧУНИН.

Между тем и в период с осени 1938 года по начало 1940 г. судебные и внесудебные органы продолжали выносить обвинительные приговоры и решения. Правда, смертная казнь стала применяться значительно реже, зато длительность сроков заключения, сначала по советским понятиям небольших (два-три года), постепенно увеличивались. Распространённой практикой стала и замена смертной казни лагерным заключением, *б*ольших сроков заключения - меньшими.

Арестованный в июле 1937 года топограф Северо-Камчатской экспедиции В.Ф.ГААЗЕ был включён в списки НКВД для членов Политбюро («Сталинские расстрельные списки») по 1-й категории, что гарантировало расстрельный приговор, однако в машине штамповки приговоров ВКВС произошёл какой-то сбой, дело ушло на рассмотрение в ОСО НКВД и по новым временам Гаазе, обвинённый в измене родине и участии в контрреволюционной диверсионно-террористической организации, 23 ноября 1939

года был приговорён «всего» к пяти годам ИТЛ. Включённый же в тот же список по тем же обвинениям директор Дальневосточной краевой конторы «Союзпушнины» М.А.ПЕРЦОВИЧ 31 декабря 1939 года получил дорогой новогодний подарок - свободу.

А вот в Мурманске, подчинённом ленинградскому «Большому Дому», не было ни одного освобождения, разве что приговоры помягчили: расстрельных до самой войны не было вообще, лагерные - в основном трёх-пятiletние. Не поспела бериевская «оттепель» к решению судеб двух наблюдателей метеостанций на Кольском полуострове, осуждённых к расстрелу за шпионаж рьяными ленинградскими чекистами - Тройкой УНКВД Ленинградской области: метеостанции «Харловка» В.С.ФОМИНА (осужден 5 ноября 1938 года) и Мончегорской метеостанции Д.И.БЕРЕЗИНА (осужден 5 декабря). Менее трагична судьба двух архангельских моряков: то же ОСО 3 сентября 1938 года определило десятилетние лагерные сроки штурману ледокола И.В.КРАВЧЕНКО - за антисоветскую агитацию, а командиру спасательного судна Л.Н.КЛИХУ - за шпионаж. В том же Архангельске 1-го ноября 1938 года Тройкой областного УНКВД приговорён к расстрелу «литовский шпион» метеоролог А.Ю.АВГУСТИНАС, а на другой день «диверсант», уполномоченный по отправке грузов территориального управления ГУСМП В.И.СЫАНТОВИЧ.

В 1938 году был расстрелян авиатехник Нарьян-Марского авиаотряда В.А.КАВЕЦКИЙ и радист с острова Колгуев В.Л.КОВАЛЬЧУК (более точных данных не приводится).

В начале 1939 года Военный трибунал пограничных и внутренних войск в Архангельске приговорил к 15-летнему лагерному сроку за шпионаж диспетчера Управления Севморпути Г.И.КУГИЯ. 14 января Водно-транспортный суд в Мурманске приговорил за АСА матроса парохода «Сосновец» А.М.ФЁДОРОВА. По тому же обвинению 7 февраля Архангельский облсуд вынес приговор о десятилетнем лагерном сроке радисту метеостанции «Остров Колгуев» П.Т.ПИТЕРСУ. 3 марта Красноярский краевой суд приговорил за антисоветскую агитацию лоцмана Красноярского управления ГУСМП в поселке Байкит на Подкаменной Тунгуске С.И.ВЕРХОТУРОВА к высшей мере наказания, через месяц Верховный Суд РСФСР заменил

расстрел десятию годами лагерей. 9 марта за ту же агитацию краевой суд приговорил к десяти годам лагерей его коллегу В.Л.КАРНАУЛОВА. 16 марта в Архангельске Линейный суд водного транспорта за «сношения с иностранным государством» приговорил к семи годам лагерей капитана ледокола «Ленин» А.К.ПЕЧУРО; впрочем, в декабре его освободили «за прекращением дела». 3 апреля ОСО НКВД СССР выносит решение о лишении свободы на восемь лет командира авиагруппы Енисейской авиалинии ГУСМП А.П.МИНИНА - за участие в контрреволюционной организации. 25 апреля Военный трибунал ЛВО приговорил к шести годам лагерей за диверсионные намерения и АСА шахтера Баренцбургского рудника В.Д.ПОЛУКОЧЕВА. 21 июня ОСО НКВД приговаривает по ст. 58 (подробности обвинения неизвестны) к восьми годам заключения старшего научного сотрудника Института геологии АН СССР И.А.КОРОВЯКОВА; в 1935 году он возглавлял экспедицию в Верхоянском хребте, срок отбывал в Норильлаге, и, как там было принято, работал по специальности - главным геологом Хантайской экспедиции Норильского комбината (см. выше, с. 42). 30 июня Красноярский краевой суд по обвинению в АСА приговаривает к шести годам лагерей начальника радиостанции авиагидропорта в Туруханске Н.А.БОРИСЕНКО. В июле 1939 года был осуждён на семь лет лагерей за антисоветскую агитацию бывший моряк, а затем речник П.А.КАЛЮТА, плававший в низовьях Колымы на речных судах Дальстроя. 31 августа Красноярский краевой суд выносит приговор начальнику отдела Енисейской группы ГУСМП П.М.БЕЛЯЕВУ - пять лет заключения за участие в контрреволюционной организации. Рулевой мотобота Баренцбургского рудника А.В.ВЕТСИ решением ОСО НКВД 29 сентября приговорён за шпионаж к трём годам лагерей (год назад такое обвинение гарантировало смертный приговор). По-прежнему не давал покоя чекистам Полярный институт научного рыболовства и океанографии (ПИНРО) - его очередного заместителя директора В.В.ЗАОСТРОВСКОГО ОСО НКВД обвинило в шпионаже и приговорило к восьмилетнему лагерному заключению. А вот обвинённый в измене родине, шпионаже и участии в КРО машинист парохода «Комсомолец Арктики» П.М.ЛЕХТО 4-го декабря получил от того же ОСО три года ссылки.

Не был благодным и 1940-й год. Опубликованные данные о

репрессиях этого года имеются только по Архангельской и Мурманской областям, Красноярскому краю, Якутской АССР и отчасти - Москве, но вряд ли в Ленинграде и Салехарде чекисты были менее «бдительны». В январе-феврале было расстреляно по приговору ВКВС трое ответственных работников НКВД: 21 января - начальник Центральных управлений морского пассажирского и сухогрузного флота и морскими портами В.М.ЛАЗЕБНЫЙ, обвинение - террористические намерения и участие в контрреволюционной заговорщицкой организации, 25 января - заместитель начальника Центрального управления морского флота Т.С.ХОЗЯИНОВ (КРО) и, наконец, 2 февраля - заместитель наркома Е.Г.ЕВДОКИМОВ (терроризм, контрреволюционная заговорщицкая организация). В Мурманске 26 февраля 1940 года областной суд приговаривает за АСА старпома гидрографического судна «Масштаб» А.И.ПАТЬКОВА к трём годам заключения, а старшего механика Н.Х.ЛОБОДУ - к семи годам. 26 марта Таймырский окружной суд приговорил за АСА к двум годам лагерей старшего бухгалтера Хатангской конторы ГУСМП П.Г.КОЛЧИНА. 1-го апреля Верховный Суд ЯАССР приговаривает за «дежурную» АСА заведующего торговой системой территориального управления ГУСМП А.Н.ИВАНОВА, с учётом заключения под следствием он освобождается через полтора месяца. Зато 25 апреля Верховный Суд ЯАССР вспоминает свои прошлые «подвиги» и приговаривает к высшей мере наказания начальника Якутского территориального управления ГУСМП Г.И.ИВАНОВА. Ему при аресте в июле 1938 года был предъявлен «букет» обвинений: измена родине, участие в организации, которую даже трудно произнести - повстанческо-вредительско-террористическо-диверсионная контрреволюционная. ВКВС, поменявшая с 1938-го года ориентацию, приговор отменила, направив дело на новое рассмотрение, и страж справедливости - внесудебное ОСО НКВД - в сентябре 1941 года заменяет расстрел восьмью годами лагерей.

1 апреля 1940 года были арестованы когда-то работавшие инструкторами Политического управления ГУСМП М.И.ЕРЁМИН и А.А.ЖИЛКОВ, судя по всему - сотрудники НКВД. Первый обвинён в том, что участвовал в «заговоре Бергавинова» и не разоблачил деятельность «заговорщиков» на Мурманском заводе Севморпути, а второй - в том, что, работая после ГУСМП в

Алтайском УНКВД, «лепил» сотнями расстрельные дела. Судьба обоих неизвестна, но им явно грозили от коллег приговоры к ВМН.

3 мая 1940 г. ОСО НКВД приговорил за контрреволюционную агитацию к восьми годам лагерей механика парохода «Комсомолец» Енисейского пароходства Д.И.АФОНИНА. 14 мая 1940 г. ОСО НКВД принимает решение о ссылке на пять лет в Коми АССР из Якутской АССР научного сотрудника и библиотекаря «Общества изучения ЯАССР» Н.Н.МОСКВИНА, уже отсидевшего под следствием более полутора лет. 25 мая 1940 года Верховный Суд ЯАССР выносит приговор уже проведенному в тюрьме под следствием почти три года военному и партийному деятелю латышу К.К.БАЙКАЛОВУ, в конце 1920-х годов бывшему председателем Комитета содействия народностям северных окраин («Комитета Севера») при Президиуме ВЦИК; за участие в повстанческой антисоветской организации он приговорён к десяти годам лагерей, но вмешалось ОСО НКВД и почему-то сократило срок вдвое. 25-го же мая Мурманский облсуд за всё ту же всеобъемлющую «агитацию» выносит приговор о десятилетнем лагерном сроке капитану парохода «М-35» Д.А.СОРОКИНУ. 3 июня Особое Собрание при НКВД СССР приговаривает к десяти годам заключения по обвинению в контрреволюционной деятельности начальника Архангельского аэропорта Э.И.МИКО, при этом следствие длилось два с половиной года (вскоре уже в лагере он будет приговорён к расстрелу). Директор Якутского областного музея М.И.КОВИНИН в этот же день после двухлетнего заключения ОСО НКВД приговорён за участие в антисоветской организации к пяти годам лагерей. А вот 5 июня происходит нечто необычное. В этот день Верховный Суд ЯАССР рассматривает дело бывшего офицера царского Балтийского флота, в 1935 году высланного из Ленинграда в «порядке очищения города от чуждых элементов» Г.А.ТЕВЯШЁВА. При аресте в декабре 1937 года ему, затаившемуся на должности начальника сектора ограждения Якутского управления Севморпути, предъявлено обвинение в участии в повстанческо-вредительской антисоветской организации, но 5 июня 1940 года происходит эпохальное событие в истории высшей судебной инстанции республики - суд выносит оправдательный (!) приговор.

31 августа 1940 года Верховный Суд РСФСР отменяет очередной приговор Верховного Суда ЯАССР - об осуждении

30 июня на три года за АСА старшего бухгалтера Оленёкской торговой конторы ГУСМП А.Ф.ИСАКОВА, - но он освобождён только в июне 1941 года. 1 августа ОСО НКВД приговаривает к пяти годам лагерей члена команды парохода «Сура» Северного пароходства А.В.МАСАЛИТИНОВА. В обширном решении ОСО НКВД от 13 августа 1940 года есть и сотрудники Мурманского управления Севморпути: ответственный исполнитель отдела снабжения А.М.МИНГАЕВ и начальник группы торгового управления А.М.МИШИН: оба за АСА получают по пять лет заключения. Тем же решением за ту же агитацию, но и за измену родине приговорён к восьми годам механик танкера «Юкагир» Л.Г.ОЛОВЯННИКОВ. Ещё более обширным решением того же ОСО от 19 августа к восьми годам лагерей за шпионаж приговорён научный сотрудник Кандалакшского заповедника Г.В.КРЕЧМАН, к тому же сроку за измену родине и агитацию - начальник финансового отдела Мурманского морского арктического пароходства Г.Н.ЗОРИЧ, к трём годам за АСА капитан парохода «Сосновец» А.В.МАРЧУК, к пяти годам за шпионаж и агитацию старпом теплохода «Мария Ульянова» Д.Н.СИМБИРЦЕВ, по пять лет за ту же «агитацию» получили матрос парохода «Спартак» М.Ф.ЛЯПИЧ и матрос известного своими арктическими рейсами парохода «Сталинград» И.П.МОГУЧИЙ. 1 сентября от Архангельского облсуда получает четыре года заключения за антисоветскую агитацию, к которой присоединили хулиганские действия на предприятии, радист Амдерминского радиоузла И.К.КРЕСЦОВ. 2 сентября ОСО НКВД определяет наказание за АСА заместителю начальника Мурманской конторы «Арктикснаба» П.Я.ГОНЧАРОВУ - пять лет ссылки. 10 сентября от того же ОСО получает пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность Х.Г.ЗАЯЦ - штурман ледокола Архангельского торгового порта. 28 сентября решением опять-таки ОСО НКВД также за АСА получает те же пять лет штурман гидрографического судна «Мурман» Я.Н.ТРУДНЕНКО. 26 ноября всё от того же ОСО за ту же «агитацию», но с добавкой шпионажа приговорён к тем же пяти годам кочегар парохода «Сакко» Арктического морского пароходства К.П.СЕМЁНОВ.

28 мая 1941 года ОСО НКВД осуждён к пяти годам лагерей за антисоветскую агитацию и участие в антисоветской группе быв-

ший «челюскинец», московский пенсионер А.А.КАНЦИН.

Как видно из упоминаемых должностей репрессированных, ГУСМП к 1937 году стала разветвленной организацией с многочисленными функциями, причем значительная, если не *большая* их часть, носила хозяйственный характер в самом широком спектре этого понятия. Отсюда - большое число репрессированных работников хозяйственных и производственных предприятий ГУСМП. Это естественно - перед Управлением были поставлены задачи не столько изучения, сколько освоения северных территорий СССР «в целях социалистического строительства», т.е. выкачивания богатств этих территорий: пушнины, рыбы, морского зверя, в меньшей степени, из-за трудоемкости разведки и добычи - минеральных ресурсов. Недаром перспективные в отношении минеральных ресурсов районы передавались из ведения ГУСМП в ведение ГУЛАГа с его практически неограниченными ресурсами бесплатной рабочей силы. Так произошло с Норильским районом в 1935 году и с Чукоткой - в 1949-м.

Однако была одна сфера деятельности ГУСМП, которой придавалось большое значение, в основном - в целях пропаганды: это «приобщение к социалистическому строительству малых народов Севера». Совершалось это приобщение непродуманно и неуклюже: ломкой традиционного уклада жизни и хозяйствования этих народов, с пренебрежением к их обычаям и потребностям. Естественно, это вызывало их недовольство, вряд ли, однако, переходившее в активное сопротивление. Но и этого глухого недовольства было достаточно «органам», чтобы проводить массовые репрессии среди этих народов, о которых на словах советская власть так трогательно заботилась. Эти репрессии особенно ярко проявились на севере Красноярского края.

Первый из выявленных случаев ареста - 1 февраля 1936 года был арестован оленевод долган Д.И.БАРХАТОВ, обвинён в терроризме (!) и 2 марта 1937 года осуждён Таймырским окружным судом на пять лет заключения. Дальше аресты и суды по станкам пошли группами (*станок - временный поселок одного или нескольких родов кочевых народов Севера, одновременно - территория кочевания для обеспечения кормами оленей. - Прим. авт.*). 27-28 декабря 1937 года Тройкой УНКВД Красноярского края после месячного следствия осуждены к расстрелу (обвинение - контрре-

волюционная повстанческая деятельность) восемь человек, в основном оленеводы-долганы из разных станков Таймыра, в том числе - председатель Кочевого Совета станка Самоедская речка Г.И.БЕЗРУКИХ. Месяц следствия включал их доставку после ареста в Дудинку, само следствие, пересылку дел в Красноярск, их рассмотрение Тройкой, пересылку её решения в Дудинку - а это тысячи километров. 14 апреля той же Тройкой приговорены к расстрелу одиннадцать охотников и оленеводов: якутов, нганасанов, селькупов, эвенков из разных станков Таймырского и Эвенкийского округов и северо-западных районов Якутии, причем для некоторых из них от ареста до расстрела прошло всего девять (!) дней; обвинены они в КРО, АСА, даже в участии в повстанческой группе и в повстанческо-террористической агитации. Даже когда репрессии пошли на убыль, представителей этих народов не очень щадили. 15-17 января 1939 года некий загадочный Военный трибунал 321 рассмотрел дела четырнадцати охотников-олeneводоv эвенков, арестованных в большинстве своём в августе 1938 года, и хотя жили они в сотнях километров друг от друга, но, по мнению чекистов, составляли контрреволюционную вредительско-террористическую организацию. Трое были приговорены к расстрелу, семеро получили по десять лет лагерей, один - семь лет, один был оправдан, против двоих дела были прекращены по причине их смерти во время следствия. Дела, заведённые против арестованных якутов, эвенков и других, прекращали, несмотря на послабления, неохотно и практически только вследствие смерти подследственного: очевидно, по причинам физиологического характера они плохо переносили тюремное заключение и не выдерживали его больше года. С июня 1939 по август 1940 года под следствием умерло 15 человек: пять эвенков, четыре нганасана, три якута и три долгана. За тот же период освобождены по прекращении дел или оправданы судом семь человек, а осуждены восемь человек, все - за АСА или КРО, причем если в сентябре 1939 года сроки были «детские» (1 год 4 месяца, т.е. срок предварительного заключения, и два года), то в марте-апреле 1940 года советская Фемида по отношению к эвенкам, долганам, якутам и другим посуровела: два человека получили по пять лет лагерей, двое - по шесть, и по одному - семь и восемь лет.

Таким образом, в 1937-1940 годах репрессиям на территории

Красноярского края подверглись 53 представителя малых народов Севера, из них 14 были расстреляны, 17 - умерли во время следствия. Напоминаем, что все цифры репрессий по Красноярскому краю нужно как минимум удваивать. Ещё одна особенность репрессий против этих народностей состоит в том, что действия чекистов обрекали на голод и смерть и оставшиеся на свободе семьи арестованных, особенно когда из станка забирали почти всех мужчин. По свидетельству камчатского журналиста В.Демченко (*Архив НИИЦ «Мемориал», Ф. 2, Оп. 1, Д. 53*), при аресте коряков - охотников, оленеводов и рыбаков - изымались возможные орудия преступления: огнестрельное оружие и ножи, так что ни убить, ни разделать оленя и даже рыбу было нечем. Вряд ли красноярские чекисты, в отличие от своих камчатских коллег, эти вещдоки планировавшихся преступлений оставляли семьям.

Заканчивая обзор политических репрессий 1930-х - начала 1940-х гг. против советских полярников и работников организаций и служб, обслуживавших работы в Арктике, следует заметить, что в этот обзор не включены поименно большинство членов команд кораблей Северного и Мурманского пароходств, совершавших арктические рейсы, так как выяснение, какие именно суда их совершали и каков был состав их экипажей, требует отдельного исследования. Равно не включены в этот обзор сотрудники торговых портов Архангельска и Мурманска, судоремонтных и судостроительных предприятий. Участие в арктических плаваниях могли принимать, хотя и с меньшей вероятностью, суда Балтийского морского пароходства, но анализ репрессий по БМП, Ленинградскому порту и ленинградским судоремонтным и судостроительным заводам мы не проводили. Между тем несомненно, что все эти предприятия и организации в большей или меньшей степени причастны к изучению и освоению Арктики. То же в равной мере относится к судам и руководству Дальневосточного пароходства и владивостокским судоремонтным предприятиям, но по Владивостоку мы располагаем довольно случайным набором сведений.

Тем не менее считаем нелишним привести некоторые цифры и фамилии по Архангельску, Мурманску и Владивостоку. К расстрелу в Архангельске были приговорены 11 человек из плавсостава Северного морского пароходства, к разным срокам заключения - 45 человек, от кочегаров до капитанов. А полярные моряки,

особенно командный состав - «товар штучный», квалификация их приобретает годами, от навигации к навигации. Вот фамилии и даты арестов репрессированных капитанов морских судов Архангельского порта: Г.И.НЕУСТРОЕВ (4.12.1935, вскоре освобожден, пароход «Северянин»); И.И. ОТРЕШКОВ (2.06.1937, название п/х не указано; расстрелян); К.С.КАРТАШЁВ (5.08.1937, п/х «Песец»; расстрелян); Я.Р.МИЛОБЕДЗИНСКИЙ (дата ареста неизвестна, п/х «Л.Красин», осуждён 4.11.1937 к пяти годам заключения); И.В.КИЧЕВ (2.10.1937, название п/х не указано, семь лет заключения); М.П.ГУДИН (17.10.1937, название п/х не указано, десять лет); Я.Н.ПОРОМОНОВ (6.12.1937, название п/х не указано, десять лет); Г.П.ЧУХЧИН (26.02.1938, п/х «Революция», срок заключения не указан); И.П.БРЮХОВ (дата ареста неизвестна, осуждён 27.04.1938, расстрелян, п/х «К.Либкнехт»); С.И.БУТАКОВ (дата ареста неизвестна, название п/х не указано; осуждён 8.10.1938, расстрелян); А.А.КРАВЧЕНКО (7.04.1940, восемь лет, п/х «Желябин»); С.С. ПЕСТОВ (дата ареста не указана, осуждён 1.09.1941, п/х «С.Халтурин»; расстрелян). Среди расстрелянных был даже эмигрант из США, кочегар п/х «Мудьюг» Ли-Рой ВАШИНГТОН, обвинённый, естественно, в шпионаже.

За шесть лет (1935-1941) были арестованы 42 работника Архангельского торгового порта, в основном квалифицированные специалисты среднего звена, семеро из них были расстреляны, в том числе начальник порта Г.С.ЖАВОРОНКОВ. Особо следует отметить удар по лоцманской службе: были арестованы пять лоцманов и начальник лоцманской вахты порта Б.Ф.ЗВЯГИН. Было репрессировано 19 сотрудников Управления Северного морского пароходства, в том числе заместитель начальника А.И.РОГАТЫХ; семеро были расстреляны. Понесла серьезные потери не очень мощная и чрезвычайно загруженная судоремонтная и судостроительная промышленность Архангельска: 19 её работников, в основном квалифицированные рабочие, были арестованы, причем пик арестов пришёлся на зиму-весну 1937 года; пятеро из арестованных были расстреляны.

Репрессии в Мурманске явно превосходили архангельские, а именно в Мурманске располагались жизненно важные для организации работ в Арктике предприятия и учреждения. За шесть лет (1935-1940 гг.) было репрессировано 27 работников технического и

вспомогательного состава территориального управления Севморпути, 14 из них - квалифицированные специалисты (бухгалтеры, товароведы, строители). За тот же период было арестовано 15 работников, обслуживавших научные (ПИНРО, Биологическая станция АН СССР, Мурманская морская биостанция, Кольская база АН СССР, Лапландский заповедник) и научно-производственные (гидрографические) учреждения - бухгалтеры, завхозы, коменданты и т.п.

Невосполнимый урон был нанесен Судоремонтному заводу Севморпути в Мурманске. За время политических репрессий (1933-1958 гг.; в 1958-м в Мурманске был вынесен последний приговор за антисоветскую агитацию) было репрессировано 154 работника завода, из них 37 человек были квалифицированными специалистами, 27 человек - управленцами среднего звена. За период наиболее активного освоения Арктики (1935-1940 гг.) было репрессировано 125 работников завода; почти все репрессии против специалистов и управленцев приходятся именно на это время. Конечно, «незаменимых у нас нет», но заменить этих людей в Мурманске, всегда страдавшем от нехватки специалистов, было очень непросто. Нетрудно представить себе, как это уничтожение кадров повлияло на сроки и качество ремонта судов для полярных плаваний и какие это могло иметь и имело последствия. За пять лет (1936-1940 гг.) было арестовано 10 работников береговых служб Мурманского морского пароходства, в основном - квалифицированных рабочих (плавсостав включён в число репрессированных полярников). А вот аресты среди работников основного предприятия Мурманска - Морского торгового порта - шли практически непрерывно с 1931-го по 1953-й год, всего было репрессировано 180 человек. Это были люди самых разных профессий и квалификаций: от простых грузчиков до начальника порта Л.А.НИКОЛАЕВСКОГО, расстрелянного по решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР, принятому 14 сентября 1937 года. При этом в 1935-1940 годах было арестовано 125 человек, из них квалифицированных специалистов 35 человек, руководителей среднего звена - 12. Столь масштабные репрессии, конечно, не могли не отразиться на работе такого огромного и сложного механизма, как морской порт.

Очень неполные данные по Владивостокскому порту и Дальневосточному морскому пароходству подтверждают общую

картину. В мартовско-апрельский 1938-го года «наезд» выездной сессии ВКВС в Дальневосточный край были приговорены к расстрелу несколько руководителей Судоремонтного завода во Владивостоке во главе с главным инженером завода Н.П.АРИНИЧЕВЫМ (обвинение - антисоветская деятельность, дата приговора - 13 марта), Владивостокского торгового порта, включая начальника порта А.Н.КОРОСТЫЛЁВА (АСД, 25 апреля) и начальника планового отдела Н.И.РЫБКИНА (АСД, 13 апреля), и, наконец, Дальневосточного морского пароходства: начальника пароходства К.А.ГРИБАНОВА (АСД, 17 марта), начальника службы эксплуатации И.А.ВЕДМЕДЯ (АСД, 13 марта), начальника личного состава Б.З.ГЛАЗУНОВА (АСД, 13 марта), начальника планового отдела А.А.ЛОБОВА (АСД, 13 марта), уполномоченного пароходства на Камчатке П.П.СМОЛЯНСКОГО (АСД, 13 марта). Почти четыре года провёл в заключении под следствием директор Петропавловск-Камчатского судоремонтного завода В.М.СЛОБОДЕНЮК, обвинённый в участии в контрреволюционной диверсионной организации, пока 11 июня 1941 года не был освобождён «за отсутствием состава преступления».

О репрессиях среди вспомогательного и непрофильного персонала в местных учреждениях и территориальных управлениях Севморпути можно судить на примерах Салехардской конторы и Красноярского и Якутского территориальных управлений ГУСМП, причём, как было указано выше, по этим регионам цифры нужно как минимум удваивать. За два года (1937-1938) в Салехарде, отнюдь не богатом квалифицированными кадрами, кроме упомянутых выше четырнадцати человек, было расстреляно десять работников, из них пять специалистов и четыре администратора среднего звена (бухгалтеры, торговые работники, мастера производства).

В Красноярском крае, в силу своего географического положения ставшим одним из наиболее освоенных ГУСМП регионов, за период 1935-1940 гг., в органах управления (Красноярском территориальном и подчиненных ему управлениях) было репрессировано 39 человек, из них 23 специалиста среднего звена и 9 неквалифицированных работников. Среди сотрудников, обеспечивающих работу авиации по Енисейской авиалинии ГУСМП и Красноярскому авиаремонтному заводу ГУСМП, репрессиям подверглись 39 человек [5]: 12 руководителей и специалистов высокой квалифика-

ции, 21 работник среднего звена, 6 низкоквалифицированных рабочих. На имевшихся у ГУСМП в бассейне Енисея плавсредствах репрессировано 11 человек, в том числе 9 квалифицированных специалистов. На судоремонтных мастерских ГУСМП в Красноярске репрессированных столько же, 11: 1 руководящий работник, 7 специалистов и трое рабочих. В торговых и товарных конторах ГУСМП, разбросанных по краю (Игарка, Туруханск, Дудинка и др.) и в факториях репрессировано 29 человек, в том числе 16 квалифицированных сотрудников и 6 рабочих разных специальностей. В рыбных и пушных конторах арестовано 15 человек, из них 10 работников среднего звена и двое рабочих. В известном тресте «Севенстрой» - основной строительной организации ГУСМП в Красноярском крае, базирующемся в Игарке, было подвергнуто репрессиям 40 работников: 5 высококвалифицированных (в том числе трое сменявших друг друга главных бухгалтеров), 10 работников средней квалификации и квалифицированных рабочих и 25 разнорабочих, возчиков и т.п., причем среди них преобладала категория ссыльно- и трудопоселенцев, т.е. высланных из родных мест «кулаков». В тресте «Севполярлес» репрессировано 17 работников, в том числе 11 специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и двое работников, занятых неквалифицированным трудом. Гордостью Главсевморпути был совхоз «Полярный» в Игарке - форпост земледелия на вечной мерзлоте. В совхозе были арестованы 23 работника: 10 - среднего и 13 - нижнего звена. Один специалист среднего звена и один рабочий арестованы на графитовой фабрике ГУСМП в Красноярске, двое - на Ногинском руднике. На работавшем в тесном контакте с Красноярским управлением ГУСМП Енисейском речном пароходстве репрессиям подверглись 16 человек плавсостава (4 капитана, 9 специалистов и 3 матроса) и 12 человек из береговых служб (5 руководителей и ведущих специалистов, 6 работников среднего звена и один рабочий). Ещё раз напомним, что для истинной оценки масштабов репрессий все эти цифры нужно увеличивать как минимум в два раза.

В Якутии с её особой историей гражданской войны и установления советской власти репрессии приобрели массовый характер уже в 1933-м году. В этом же году в поселке Пеледуй в верховьях Лены была создана судоверфь Главсевморпути - здесь строились

речные и небольшие морские суда, баржи и кунгасы, которые затем по Лене выходили к северным морям, расходились на Колыму, Яну, Оленёк и Хатангу, распределялись по полярным станциям, факториям и портам ГУСМП в Центральной Арктике. В 1933-1940 годах было репрессировано 6 работников судоверфи, в том числе 4 квалифицированных специалиста. Кроме того, были репрессированы 3 работника затонов Севморпути, где суда отстаивались зимой и где проводился их текущий ремонт. Куда более масштабные потери понесло в результате репрессий Ленское речное пароходство, с которым ГУСМП тесно сотрудничало. Были репрессированы 7 капитанов судов пароходства и 4 члена команд. В береговых службах пароходства было репрессировано 6 человек, в том числе 5 руководителей среднего звена. На верфях, судоремонтных заводах и затонах пароходства было репрессировано 11 человек, в том числе 4 квалифицированных специалиста. В абсолютном выражении цифры (напоминаем, что их нужно как минимум удвоить) впечатления не производят, однако достаточно вспомнить малонаселенность Якутии и постоянный острый дефицит рабочей силы, особенно - квалифицированной, чтобы оценить урон от репрессий.

В первые недели Великой Отечественной войны чекисты провели массовые аресты тех, кто был у них «под колпаком» по донесениям сексотов об их якобы антисоветских высказываниях. Этим словам придумали новые «юридические» обоснования под всё ту же «антисоветскую агитацию»: «пораженческие разговоры», «восхваление врага», «неверие в победу», «ложные слухи» и тому подобную галиматью. Несколько месяцев потом ОСО, трибуналы и суды давали лагерные «десятки», а то и «вышки» за выражение обычного здравого смысла. Большинство из судимых в 1941 - начале 1942 годов были арестованы в период с начала 1939-го по начало 1940-го года.

6 июля 1941 года по обвинению в принадлежности к КРТО Военной Коллегией были приговорены к расстрелу управляющий Всесоюзной конторой по Камчатским нефтеразведкам М.П.БОГДАНОВИЧ (ему вменили ещё вредительство и шпионаж), начальник планово-финансового управления ГУСМП И.О.СЕРКИН, начальник отделения Колымо-Охотского аэрогеодезического предприятия В.А.ЧЕРЕШКО, начальник Западно-Сибирской экспедиции Геофизического треста А.М.ШАЙДЕРОВ,

главный инженер Всесоюзной конторы геофизических разведок С.В.ШУМИЛИН (трое последних обвинялись ещё и в шпионаже). В тот же день был приговорен к ВМН по обвинению в создании контрреволюционной вредительской организации создатель и многолетний начальник известного всей стране «Нордвикстроя» Б.В.ЛАВРОВ и, за шпионаж, двое сотрудников Управления топогеодезической службы: заместитель начальника Управления В.П.НЕСМЕЯНОВ и заместитель начальника технического сектора Н.И.ТРЕСКОВ. В основу обвинений легла «связь» с Бергавиновым, на смену которому в руководстве «контрреволюционной организацией» якобы пришел Лавров. 9 июля по тому же обвинению в участии в КРТО и в шпионаже был осуждён начальник отдела Главсеврыбпрома В.Н.ВИНАВЕР, а 13 июля (уже без шпионажа) - заведующий базой «Арктикснаба» А.А.ДУБИНИН и начальник отдела кадров ГВФ С.С.ЦАТУРОВ. Архангельским облсудом 9 июля 1941 года по четырём пунктам 58-й статьи был приговорён к расстрелу начальник планового отдела территориального управления ГУСМП Н.К.УПАДЫШЕВ. 14 августа Таймырский окружной суд продолжил начатый ВКВС разгром «Нордвикстроя», но по своему рангу судил кочегара Нордвикской нефте-разведочной экспедиции Н.А.БЕЛИКОВА и 21 августа за антисоветскую агитацию осудил его на десять лет лагерей. Через неделю, 28-го, тот же срок по тому же обвинению получает повар Хатангской конторы ГУСМП И.А.КОНОВАЛОВ. 14 сентября тот же Таймырский суд приговаривает к расстрелу арестованного уже после начала войны за антисоветскую агитацию в военное время бухгалтера промартели в Дудинке Г.Ф.ЗАЛЕССКОГО, исполнение приговора откладывается и 11 июля 1942 года Верховный Суд РСФСР заменяет расстрел на 10 лет заключения. 16 сентября 1941 года после трёх с половиной лет заключения ОСО НКВД наконец принимает решение в отношении председателя Госплана Якутской АССР Г.Т.СЕМЁНОВА - восемь лет лагерей за измену родине и участие в повстанческо-вредительской контрреволюционной организации. Г.Т.Семёнов - один из первых геологов-якутов, в 1930-х годах - начальник Якутского районного геологического управления. После освобождения из лагеря он с 1957-го года много лет был главным геологом Якутского геологического управления и получил звание Героя Социалистического Труда.

В 1941 году (точная дата не приводится) в Ненецком национальном округе расстрелян рабочий экспедиции П.С.КУБЫШКИН.

Приговоры военного времени полярникам были уже только «персональные»: вряд ли «раскрытие» организаций входило в планы чекистов, получалось бы - проглядели! 6 августа 1941 г. Военный трибунал Мурманского бассейна приговорил к десяти годам заключения за антисоветскую агитацию в военное время механика ледокола «Иосиф Сталин» К.Ф.КАРАМЫШЕВА. Радииста Мурманского пароходства С.П.СМЫСЛОВА 16 сентября по тому же обвинению судил почему-то Челябинский областной суд, но приговор был тот же - десять лет. В своих решениях о десятилетнем сроке заключения по такому же обвинению ОСО НКВД СССР не отличился оригинальностью в отношении наблюдателя Кольской гидрометеостанции А.Е.ХОМУТИННИКОВОЙ (осуждена 8 декабря), радииста Мурманского управления гидрометеослужбы В.Е.ШИРЯЕВА (осуждён 16 декабря), старшего штурмана экспедиционного судна «Мурманец» Ф.К.ЛЮДСКОВА (ОСО 5 января 1942 года), инспектора Мурманского управления Севморпути И.А.ЛУКАШЕВИЧА (осуждён 7 марта 1942 года, ему добавили ещё и измену родине).

13 декабря 1941 года за АСА в её «военной траковке» Военным трибуналом Северного бассейна приговорён к расстрелу начальник метеостанции на мысе Чёрном Кольского полуострова В.С.СЕДЯКИН. 26 декабря 1941 года Военный трибунал войск НКВД Мурманской области приговаривает за ту же «агитацию» к пяти годам лагерей старшего механика Терской авиаметеорологической станции А.Р.ЛИДМА.

В 1941 году (более точных сведений пока не найдено) за антисоветскую агитацию осуждён к десяти годам лагерей один из лучших полярных лётчиков В.М.МАХОТКИН. 30 декабря 1941 года был арестован и вскоре осуждён на десять лет заключения за антисоветскую агитацию полярный геолог К.К.ВОЛЛОСОВИЧ, сын известного арктического исследователя.

7 января 1942 года Военный трибунал Сибирского военного округа в Красноярске выносит смертный приговор за измену родине начальнику полярной станции на острове Домашний в архипелаге Северная Земля А.П.БАБИЧУ, Военная Коллегия

Верховного Суда заменяет расстрел десятью годами лагерей. Александр Бабич - один из героев «Архипелага ГУЛАГ» А.И.Солженицына, в разных местах своей книги рассказывающего об аресте Бабича (ч. 4, гл. 3), следствии (ч. 3, гл. 10 и 13), его лагерных мучениях (ч. 1, гл. 4; ч. 3, гл. 7 и 13). 7 февраля Таймырский окружной суд приговаривает рабочего аэропорта Игарки С.С.ВОХМИНА, обвинённого в антисоветской агитации, к принудительному психиатрическому лечению - вот кто, оказывается, был предтечей идей Андропова о методах борьбы с инакомыслием! В тот же день ОСО НКВД СССР приговаривает за АСА к пяти годам заключения повара порта Тикси И.Г.КОСТРИКИНА. Зато 12 февраля прекращено дело начальника производственно-технического отдела Нордвикской нефтеразведочной экспедиции ГУСМП С.Г.АЛИБЕКОВА, хотя за два месяца до этого он был арестован за шпионаж и антисоветскую агитацию. Эвенкийский окружной суд 25 февраля провозглашает приговор всё за ту же «агитацию» гидрологу Управления Гидрометеослужбы по Эвенкийскому округу Б.И.БОДЗИНСКОМУ - десять лет лагерей. 26 февраля ОСО НКВД за шпионаж и «агитацию» приговаривает к пятилетнему лагерному сроку штурмана Мурманского пароходства С.И.ТОМУШКИНА. 14 марта ОСО выносит решение о пятилетнем сроке заключения капитану парохода «Аргунь» Мурманского пароходства Ф.И.ВОРОНИНУ, арестованному ещё 30 мая 1941 года; однако в решении ОСО к «пяти годам» добавлено - «условно», что для таких обвинений и для того времени совершенно необычно. Видно, легендарный полярный капитан В.И.Воронин обил пороги кабинетов своих высокопоставленных знакомых, добиваясь смягчения участи односельчанина (он родом тоже из Сумского Посада) и, наверное, родственника.

19 апреля 1942 года Военным трибуналом Мурманского бассейна приговорён за «агитацию» к семи годам лагерей матрос парохода «Правда» Я.У.ПАУТОВ. Примером патологической «бдительности» было дело геофизика Усть-Енисейской нефтяной экспедиции М.В.АБРАШКЕВИЧА. Таймырский окружной суд 22 мая 1942 года осудил его на семь лет заключения за шпионаж: орудием преступления был радиоприёмник, нужный ему для работы. 29 мая Эвенкийский окружной суд приговорил к десяти годам за АСА зоотехника ветеринарного участка фактории Ессей

Н.С.ЗАЧЁСОВА. 1-го августа 1942 года Военный трибунал Мурманского бассейна приговорил к десяти годам («агитация») старпома парохода «Субботник» Ф.В.СМИРНОВА. 21 августа направлен на принудительное психиатрическое лечение обвиненный в антисоветской агитации заведующий складом Енисейского пароходства А.М.КУРБАТОВ. 22 августа Эвенкийский окружной суд приговаривает к десяти годам за столь распространённую в военные годы антисоветскую агитацию начальника радиостанции в Туре А.З.ГИМАТУДИНОВА. 19-го сентября продолжавшее «работать» ОСО НКВД СССР приняло решение о расстреле начальника пристани треста «Севполярлеса» в Красноярске М.Г.ИЕРУСАЛИМСКОГО, обвинённого в контрреволюционной деятельности.

13 января 1943 года к восьми годам заключения за антисоветскую деятельность ОСО НКВД приговаривает бухгалтера сельпо в пос. Усть-Коминское эвенка В.С.ГАЛКОВСКОГО. 1 апреля Таймырский окружной суд выносит приговоры к восьми годам заключения рабочему нефтеразведочной экспедиции в поселке Усть-Порт А.И.АНИКУЛИНУ и грузчику такой же экспедиции в поселке Малая Хета Ф.Г.АТЛЕТОВУ. 12 апреля тот же суд приговорил к десяти годам лагерей (обвинение не указано) взрывника нефтеразведочной экспедиции в Усть-Порте Ф.Н.АНАШКИНА. 16 июня всё тот же Таймырский окружной суд приговаривает к десяти годам за антисоветскую агитацию десятника «Диксонстроя» Д.И.КОРЫТОВА. 16 июля 1943 года ОСО НКВД принимает решение о пятилетнем заключении («агитация») старшего научного сотрудника Мурманской опытной оленеводческой станции Э.И.САВУСКАНА. 10 сентября Таймырский окружной суд приговорил к десяти годам лагерей за антисоветскую агитацию десятника строительства рыбного завода ГУСМП в Дудинке Р.Г.ВЕБЕРСА. 11 сентября 1943 года за АСА Военным трибуналом Ленского бассейна приговорён к пяти годам лагерей радист полярной станции на острове Мостах Б.Н.КОЧЕТКОВ, но в феврале 1944 года Военно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР приговор отменяет «за отсутствием состава преступления». 9 октября 1943 года к семи годам заключения Таймырским окружным судом осуждён инженер-механик рыбоконсервного завода в Усть-Порте А.П.ГАЛЛЕР, немец, в августе 1941-го высланный из Республики

немцев Поволжья. 6 декабря УНКГБ Енисейского бассейна прекращает дело об измене родине Л.В.БАТЫРЕВОЙ и после трёх месяцев заключения восемнадцатилетняя ученица радиостанции на острове Диксон выходит на свободу.

4-6 апреля 1944 года Таймырский окружной суд выносит приговоры рабочим рыбзавода ГУСМП в Хатанге, в основном это женщины, депортированные из Республики немцев Поволжья и Прибалтики и обвинённые в антисоветской агитации: А.И.БЕРКЕНФЕЛЬД (10 лет заключения), Т.Б.ВОЙТИШКО (8 лет), Х.А.ДУНДУРС (8 лет), К.П.КОРБИЕ (8 лет), Г.А.БЕХТЕРЕВ (10 лет). 30 мая Военный трибунал Енисейского бассейна приговаривает всё за ту же АСА к десяти годам лагерей капитана парохода «Белоруссия» Енисейского пароходства Е.И.ВОРОНИНА. 4 августа от Таймырского окружного суда за контрреволюционную агитацию десятилетний лагерный срок получает корректор игарского издательства «Большевик Заполярья» Л.Г.БОГОЛЕПОВА.

17 февраля 1945 года Военный трибунал приговаривает к десяти годам слесаря Нордвикской экспедиции ГУСМП М.П.АУЛОВА, 21-го - к пяти годам бойца ВОХР экспедиции Г.С.БЯКОВА, 6 марта - рабочего экспедиции А.Д.КУЦЕВА, всех - за антисоветскую агитацию. 7 марта 1945 года Военным трибуналом Мурманского гарнизона приговорён к восьми годам лагерей капитан парохода «М-73» И.Ф.ГУКАЧЁВ. 14 января 1945 года был арестован машинист электростанции поселка Тикси Я.С.КАЛУГИН - за порчу имущества, вскоре обвинение переквалифицировано на ст. 58-9 («диверсия»), но 6 сентября 1945 года Военным трибуналом Ленского бассейна он был оправдан. 10 июля 1945 года Военный трибунал Енисейского бассейна приговаривает к четырём годам за контрреволюционную агитацию капитана парохода «Иртыш» Енисейского пароходства Н.В.ЕВГОРОВИЧА.

В конце 1940-х - начале 1950-х годов в СССР началась новая волна государственного политического террора, грозившая перехлестнуть по масштабам 1937-й. Объектами его стали не только т.н. «повторники», т.е. уже отбывшие свои сроки после осуждения в 1930-х, но и новый «контингент», среди которого были бывшие советские военнопленные. Таким был, например, геофизик НИИ Геологии Арктики И.Е.БЕЛЕЦКИЙ, арестованный летом 1952 года. Однако хватало и «обычных» первичных арестов и осужде-

ний. 27 июня 1947 года Таймырский окружной суд приговаривает к семи годам лагерей всё за ту же безотказную антисоветскую агитацию мастера Рыбконсервного завода ГУСМП в Усть-Порте А.Л.БЕХМАНИСА. 15 июля тот же суд по тому же обвинению «даёт» восемь лет рыбаку Ошмарского рыбного завода в устье Енисея П.И.КРЮКОВУ. 26 июля Военный трибунал Мурманского бассейна приговорил к десяти годам лагерей за измену родине матроса парохода «Петровский» В.А.ОРЛОВА. 30 июня 1948 года Мурманский облсуд за АСА приговаривает к десяти годам капитана парохода «М-36» А.Д.УДОВИЦКОГО. 12 ноября того же года восьмилетний срок за ту же АСА получает от Линейного суда Мурманского бассейна старший механик парохода «Софья Перовская» О.В.КУНИЦЫН. 13 января 1949 года Мурманский облсуд выносит приговор старшему мотористу Мурманского управления гидрометеослужбы Ф.Д.ПАНФИЛОВУ - десять лет за «агитацию». 13 мая арестован слесарь Нордвикской экспедиции Е.С.ИГНАТЬЕВ, в 1943 году закончивший десятилетний лагерный срок за участие в повстанческо-вредительской организации; ему предъявлены обвинения по тем же статьям, что и в 1933-м году, но 3 ноября 1949 года Особый отдел УМГБ Енисейского бассейна дело неожиданно прекращает. 15 июня 1949 года ОСО МГБ по обвинению в участии во вредительско-террористической организации приговаривает к восьми годам лагерей научного сотрудника Кольской базы АН СССР И.А.КОРОВЯКОВА (см. с. 53). 17 июня 1949 года к 25 годам заключения за намерение к терроризму и АСА был приговорён работавший в Туруханске лётчик ГУСМП А.П.ЧЕБОНЕНКО.

21 апреля 1950 года ВКВС выносит смертный приговор за шпионаж и АСА штурману Северного (Архангельск) морского пароходства Ю.Ф.ЕГОРОВУ. 19 июня к десяти годам за антисоветскую агитацию приговорён командир авиаотряда геологического управления «Енисейстрой» В.А.ВАЛЕНТЕЙ, его судил почему-то суд Управления лагерей Красноярского края. 20 сентября «всего» к пяти годам ссылки ОСО МГБ приговаривает как «социально-опасного элемента» директора Мурманского областного краеведческого музея А.П.ПОПОВА. Менее удачлив был его однофамилец К.В.ПОПОВ, старпом парохода «Ловать» - Линейный суд Мурманского бассейна приговорил его 3 марта 1951 года за АСА к десяти

годам лагерей. 25-го апреля 1951 года тот же суд за ту же АСА приговорил к восьми годам заключения второго механика парохода «Софья Перовская» А.Н.ЛОБОДУ. 17 августа Таймырский окружной суд приговаривает к шестилетнему лагерному сроку за АСА электросварщика «Диксонстрой» Ф.З.КАРПЕНКО. 21 мая 1952 года ОСО МГБ определило пять лет ссылки известному полярному зоологу, «сибиряковцу» и «челюскинцу» Л.О.БЕЛОПОЛЬСКОМУ, вся вина которого заключалась в том, что он был братом расстрелянного по «ленинградскому делу» 1950-го года «врага народа». 18 ноября 1952 года Таймырский окружной суд приговаривает к десяти годам за антисоветскую агитацию столяра Нордвикской экспедиции Н.М.ЗОЛОТОВА, в «хрущевскую оттепель» в июле 1955 года Верховный Суд РСФСР сокращает срок вдвое.

В это же время травля приобретала изощренные формы и подвергались ей люди, известные всей стране. «Папанинец», Герой Советского Союза, член-корреспондент АН СССР генерал Е.К.ФЁДОРОВ по указанию Сталина за «потерю политической бдительности» (устроил американским коллегам пикник) был неким «судом чести» разжалован в рядовые и смещён с поста начальника Гидрометеослужбы СССР (в 1960 г. будет избран академиком АН СССР). В ад была превращена жизнь другого «папанинца», тоже Героя Советского Союза, академика АН СССР, создателя (в 1946 году) и директора Института океанологии АН СССР, наркома и министра Морского Флота СССР в 1942-48 гг. П.П.ШИРШОВА: в 1947 году была арестована его жена, актриса и мать грудного ребенка Е.Гаркуша, и живший в постоянном стрессе Ширшов умер, не дожив до 50-ти лет, в 1953 году.

А считать ли подвергшихся политическим репрессиям людей, обласканных властью и «народной любовью», которые до того, как стать первыми Героями Советского Союза, по настоящению политорганов, особых отделов и командиров были выгнаны со службы в ВВС РККА «как политически и морально неустойчивые и несоответствующие службе в РККА»? Начальник ВВС РККА А.И.Алкнис в своем докладе К.Е.Ворошилову перечисляет эти всемирно известные фамилии: А.В.ЛЯПИДЕВСКИЙ, М.Т.СЛЕПНЁВ, И.В.ДОРONIN, В.С.МОЛОКОВ, С.А.ЛЕВАНЕВСКИЙ [7].

Достаточно попробовать установить масштаб репрессий,

затронувших участников одной полярной экспедиции, чтобы убедиться, что репрессиям подвергались люди разных специальностей, служебного положения, национальности. Нам довелось заниматься этим в отношении одной из первых и самых знаменитых советских полярных экспедиций - похода ледокола «Красин» для спасения членов экспедиции У.Нобиле на дирижабле «Италия» в 1928 году (см. статью «Судьбы участников знаменитой экспедиции» в настоящем сборнике). Удалось выяснить, что из 134-х участников экспедиции, граждан СССР, было репрессировано не менее восемнадцати человек - каждый седьмой. Помимо уже упомянутых начальника экспедиции Р.Л.Самойловича и 3-го помощника капитана «Красина» Ю.К.Петрова, репрессированы: комиссар экспедиции П.Ю.ОРАС (1940 г., обвинение - участник вредительской антисоветской организации, приговор - десять лет заключения); 2-й помощник капитана Б.М.БАЧМАНОВ (1938 г., обвинение - террористические акты, контрреволюционная пропаганда, участие в КРО; расстрел); старший радиотелеграфист И.Г.ЭКШТЕЙН (1938 г., вредительство, диверсии, участие в КРО; расстрел); старший электрик М.К.ЛЕМАН (1936 г., принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции; высылка в Туркмению), 3-й помощник механика А.Н.СОКОЛЕНКОВ (1936 г., шпионаж, контрреволюционная пропаганда, участие в КРО; восемь лет заключения, по второму, лагерному приговору - расстрел); старшие машинисты Г.Я.ВЕСКЕ (1938 г., контрреволюционная пропаганда; расстрел) и Г.П.МАЙЕР (1938 г., шпионаж; расстрел); машинист П.А.КРАСТИН (1938 г., шпионаж, КРО; расстрел); повар И.П.ПАНОВ (1938 г., шпионаж; расстрел); кочегары А.Т.АЛИМОВ (1941 г., контрреволюционная агитация и пропаганда; расстрел), Ф.Г.ГАВРИЛОВ (1931 г., шпионаж; пять лет заключения), А.Я.НИКОЛАЕВ (1937 г., контрреволюционная агитация; пять лет заключения), К.К.РОЗЕНТАЛЬ (1938 г., шпионаж; расстрел), В.Х.ФИНКЕНФУС (1938 г., шпионаж, диверсии, КРО; расстрел) и Э.Я.ЧАНОВ (1937 г., шпионаж; расстрел); журналист Д.Е.ЮЖИН (1936 г., контрреволюционная пропаганда, участие в КРО; восемь лет заключения).

Другой пример: только среди состава кораблей Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода 1932 года и Колымской особой экспедиции 1933 года (десять грузовых судов экспеди-

ций доставляли грузы и заключённых из Владивостока в порт Амбарчик - колымские морские ворота треста «Дальстрой» - см. статью «Законвоированные полярники» в настоящем сборнике) были расстреляны: старпом «Севера» В.А.РАДЗИЕВСКИЙ (1937 г., обвинение - шпионаж), капитан «Красного партизана» А.Д.РЯБОКОНЬ (1938 г., шпионаж), капитан «Микояна» В.П.СИДНЕВ (1938 г., АСА), капитан «Лейтенанта Шмидта» Ф.К.СНЕЖКО (1938 г., шпионаж), капитан «Анадыря» В.М.СТЕХОВ (1937 г., АСА).

В профессиональной среде об арестах коллег, конечно, знали, о расстрелах, однако, вряд ли, но о лагерном заключении, от родственников, почти наверняка. Одни - выдирали из книг личных библиотек портреты «врагов народа», замазывали их фамилии и перечёркивали фотографии. Были и другие. Владимир Юльевич Визе в своем фундаментальном труде [8], вышедшем в свет в 1948 (!) году, упомянул полтора десятка имен репрессированных коллег - поступок по тем временам более чем мужественный! Одни - писали доносы. Другие, как эксперты по «делу» Гидрографического управления, - на суде в 1938 году отказывались от выбитых угрозами и угодных чекистам экспертных заключений.

Нельзя не упомянуть единственного пока выявленного человека из интересующих нас групп, осужденного по новому (1960-го года) Уголовному кодексу РСФСР, по «диссидентской» 70-й статье («антисоветская агитация и пропаганда»): это приговорённый к трём годам (меньше минимального срока, предусмотренного статьей) штурман парохода «Садко» Енисейского пароходства Г.С.БОЛЬШАКОВ, он осуждён Красноярским краевым судом 27 ноября 1963 года, но до окончания срока заключения, 17 февраля 1965 года реабилитирован Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Как видно из всего вышесказанного, собственно полярников в классическом, «романтическом» значении этого слова в списке репрессированных сравнительно немного, однако вряд ли из этого можно сделать вывод о том, что репрессии против них были невелики. Особенности этой группы профессий таковы, что выяснить масштаб репрессий против неё крайне трудно. Во время пребывания на полярной станции, на зимовке, в арктическом рейсе, на заполярном аэродроме арестовать человека весьма сложно. Значи-

тельная часть работников, привлекавшихся к работам в Заполярье, не были постоянными сотрудниками арктических организаций и предприятий, а выполняли работы в них по трудовому договору, имевшему фиксированный срок действия (от года до пяти). После прекращения работ (истечения срока действия договора) полярник либо продлевал его, либо возвращался к месту своей постоянной работы. По кратким справкам об аресте и обвинении, приводимом в использованных источниках, нельзя догадаться, что арестованный, например, начальник метеостанции в Воронежской или Орловской областях только недавно провёл пять лет на Земле Франца-Иосифа или Северной Земле. Выяснить это можно лишь при знакомстве с архивным следственным делом, проведение же такой проверки для сотен, а то и тысяч людей десятков профессий, потенциально работавших в Заполярье, практически невозможно. То же, хотя и в меньшей степени, относится к лётному, техническому и аэродромному составу полярной авиации. Экипажи ледоколов и, тем более, грузовых кораблей, особенно машинных команд, также часто менялись.

Так, из девяти репрессированных членов машинной команды «Красина» в экспедиции 1928-го года оставался на время ареста на полярном флоте лишь один, шестеро служили на торговых судах Балтийского пароходства, двое работали «на берегу». Установить их по использованным источникам было бы попросту невозможно (перешедший на «Ермак» кочегар «Красина» К.К.Розенталь был расстрелян в 1938 году и не вошел еще в списки «Ленинградского мартиролога»). Строго говоря, в этих источниках ни для одного из репрессированных участников экспедиции «Красина» нет указаний на то, что он в этой экспедиции участвовал. То же относится и к знаменитой экспедиции «Челюскина» - все репрессированные челюскинцы были выявлены в ходе целенаправленных поисков, а включённые в «Расстрельные списки» И.Л.Баевский и А.Н.Бобров не обозначены в них как участники этой «героической эпопеи».

Другой пример. Полярный лётчик М.Слепнёв в своих воспоминаниях [8] упоминает начальника технической части сибирских авиалиний в 1929 году Притулюка, причем из контекста понятно, что он активно способствовал освоению авиацией севера Сибири. В той же книге бортмеханик экипажа И.Доронина Я.Савин

вспоминает о встрече с Притулюком в 1934 году в Нагаево. И.Е.ПРИТУЛЮК, к моменту ареста - начальник Управления автотранспорта «Дальстроя», 20 июня 1938 года ВКВС был приговорён к расстрелу за участие в КРО. Включать ли человека, весьма недолгое время по занимаемой должности участвовавшего в освоении Севера, в список репрессированных полярников?

28 июля 1938 года по приговору ВКВС с «букетом» обвинений (создание КРО, шпионаж, подготовка террористических актов) был расстрелян видный советский военный и государственный деятель И.С.УНШЛИХТ. В 1928 году он возглавлял Комиссию ВЦИК по спасению экипажа дирижабля «Италия», в 1934-м был членом Правительственной комиссии по спасению челюскинцев. Может ли этот человек быть включен в скорбный список потерь советской полярной науки и «покорителей Арктики» от политического террора?

Таким образом, выяснение действительных масштабов репрессий против полярников - задача чрезвычайно трудоёмкая, и единственная, по-видимому, возможность её решения следующая: выявление персонального состава (с максимумом биографических сведений) полярных станций разных лет, поименных списков экипажей экспедиционных судов, ледоколов, торговых кораблей, отрядов и групп полярной авиации, работников факторий, «красных чумов» и т.п. учреждений, наконец, - списков сотрудников научных учреждений, геологических, гидрографических и иных экспедиций и - при подозрении на репрессии - персональная проверка по Центральному архиву ФСБ РФ, архивам региональных управлений ФСБ, запрос сведений в Главном информационно-аналитическом центре МВД РФ и Информационных центрах УВД регионов. Методика таких поисков разработана в Научно-информационном и просветительском центре «Мемориал» и результативно используется в наших исследованиях.

Литература

1. *Аветисов Г.* Имена на карте Российской Арктики. СПб.: Наука, 2003.
2. Бутовский полигон. 1937-1938. Книга памяти жертв политических репрессий: Вып. 1-7. М., 1997-2003.
3. Ваганьковское кладбище. 1926-1936. Расстрельные списки: Вып. 2, М.: Мемориал, 1995.
4. *Визе Ю.В.* Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.; Л., 1948.
5. *Волкова М.* Несостоявшееся покушение // Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Кн. 3. Красноярск: Изд-во «Издательские проекты», 2005.
6. *Дойков Ю.* Печорский уезд - Ненецкий национальный округ. Красный террор. 1918-1942. Архангельск, 2003.
7. Донское кладбище: Расстрельные списки. Москва. 1935-1953. Книга памяти жертв политических репрессий. О-во «Мемориал». М: Изд-во «Звенья», 2005.
8. Жертвы политического террора в СССР: (Компакт-диски). 3-е изд. М: Изд-во «Звенья», 2004. Диск 1 «База данных о жертвах политического террора в СССР»; Диск 2 «Сталинские расстрельные списки».
9. За нами придут корабли. Магадан: Кн. изд-во, 1999.
10. Как мы спасали челюскинцев: Сборник/ *Под ред. О.Ю.Шмидта, И.Л.Баевского, Л.З.Мехлиса.* М.: Изд. редакции газеты «Правда», 1934.
11. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Красноярск: Изд-во «Издательские проекты». Кн. 1, 2004; Кн. 2, 2005; Кн. 3, 2005; Кн. 4, 2006.
12. Книга памяти жертв политических репрессий Мурманской области. Мурманск, 1997.
13. Книга памяти. Книга-мемориал о реабилитированных жертвах политических репрессий 1920- 1950-х годов. [Республика Саха (Якутия)]. Т. 1. Якутск, 2002.
14. Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от рук НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Т. 2, Тюмень, 1999.
15. «Коммунарка», Бутово: Расстрельные списки. Москва.

1937-1941. Книга памяти жертв политических репрессий. О-во «Мемориал». М: Изд-во «Звенья». 2000.

16. Ленинградский мартиролог. 1937-1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1-5. СПб., 1995-2002.

17. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934-1941: Справочник. М.: Изд-во «Звенья», 1999.

18. Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1-3. Архангельск, 1999-2001.

19. Репрессии в Красной Армии (30-е годы): Сборник документов из фондов Государственного Военного Архива / Сост. А.Кристиани, В.М.Михалева. Неаполь, 1996. - Итал., рус.

20. Репрессированные геологи. 3-е изд. М.; СПб.: изд-во ВСЕГЕИ, 1999.

21. Сталинские расстрельные списки. - См. «Жертвы политического террора в СССР» (см. № 8).

Список упомянутых жертв репрессий (страница текста и источник сведений)

Абрамова Б.М.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Абрамович С.И.	33	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Абрашкевич М.В.	67	«Репрессированные геологи»
Августинас А.Ю.	52	«Поморский мемориал», т. 2
Аверин В.К.	33	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Адамия Л.П.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Аккерман Е.А.	36	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Алейников Ю.Т.	22	«Донское кладбище»
Алексеев А.П.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Алексеев С.В.	31	«Коммунарка»
Алибеков С.Г.	67	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Алимов А.Т.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Альхимович Г.В.	25	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Альянов А.И.	40	М.Волкова
Аммосов М.К.	41	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Ампуя Н.А.	44	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Амстбихтер Ю.И.	36	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Анашкин М.Н.	33	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Анашкин Ф.Н.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Андеев П.В.	20	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Андреев Н.И.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Андреевский К.И.	14	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Андросов А.Н.	28	«Поморский мемориал», т. 1

Аникулин А.И.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Антик Л.В.	40	М.Волкова
Аншмидт А.П.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Апрелков А.И.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Ариничев Н.П.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Аристов С.Ф.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Арнольд Г.Г.	30	«Поморский мемориал», т. 1
Арнольдов А.В.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Ароновский А.И.	19	«Донское кладбище»
Артари-Калумб Г.Н.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Артеев А.С.	29	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Артемов Б.Н.	20	«Репрессированные геологи»
Артемов М.А.	29	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Архангельский В.П.	24	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Архипов Ф.К.	30	«Книга памяти Мурманской области»
Асеев А.Ф.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Атлетов Ф.Г.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Аулов М.П.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Афонин Д.И.	55	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Афонский Е.И.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бабаев М.И.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Бабанаков Н.Ф.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бабахан С.Я.	19	«Донское кладбище»
Бабич А.П.	66	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Багаев В.Г.	48	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Баевский И.Л.	30	«Коммунарка»
Байкалов К.К.	55	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Бакин В.Н.	14	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бакулин С.С.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Балабин Ф.И.	38	«Коммунарка»
Балагул М.Л.	38	«Коммунарка»
Баранцев А.Ф.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Барке Р.А.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бархатов Д.И.	57	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Барышников М.В.	24	«Донское кладбище»
Батырева Л.В.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бах В.В.	22	«Книга памяти Мурманской области»
Бачинский М.А.	23	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1.
Бачманов Б.М.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Башнин Н.П.	18	«Репрессированные геологи»
Безбоков А.И.	28	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Безруких Г.И.	58	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Безуглов Л.И.	24	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бекетов П.А.	24	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Белецкий И.Е.	69	«Репрессированные геологи»

Беликов Н.А.	65	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Белов Ф.Е.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Белопольский Л.О.	71	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Белых А.А.	38	«Коммунарка»
Беляев П.М.	53	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бергавинов С.А.	28	«Поморский Мемориал», т. 1
Березин Д.И.	52	«Книга памяти Мурманской области»
Беркенфельд А.И.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бехманис А.Л.	70	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бехтерев Г.А.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бикмухамедов Р.Х.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Блинчик С.З.	50	«Поморский мемориал», т. 1
Блюменталь В.А.	18	«Книга памяти Мурманской области»
Бобров А.Н.	30	«Коммунарка»
Бовин П.Я.	21	«Донское кладбище»
Богачёв А.С.	33	«Сталинские расстрельные списки»
Богданович М.П.	64	«Коммунарка»
Боголепов Л.Г.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Боголюбов Д.И.	47	«Жертвы политического террора в СССР»
Бодзинский Б.И.	67	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Большаков В.А.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Большаков Г.С.	73	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Борисенко Н.А.	53	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Борисов Е.И.	18	«Книга памяти Мурманской области»
Борисов П.П.	42	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Боровский В.В.	14	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Боровский С.С.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бочачер М.Н.	33	«Донское кладбище»
Бражниченко И.П.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Браницкий Я.С.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бредис Я.Я.	41	«Поморский мемориал», т. 1
Брезин Я.В.	41	«Бутовский полигон», вып. 1
Бродников М.М.	11	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Брозинский Н.Г.	40	М.Волкова
Бронштейн Б.А.	11	«Донское кладбище»
Бруштейн М.Я.	19	«Книга памяти Мурманской области»
Брюхов И.П.	60	«Поморский мемориал», т. 1
Буланов А.Г.	25	«Жертвы политического террора в СССР»
Бульбяк В.А.	32	«Поморский мемориал», т. 1
Бусырев Н.Г.	48	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бутаков С.И.	60	«Поморский мемориал», т. 1
Буткевич Ю.П.	36	М.Волкова
Бычковский Ф.Н.	41	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бяков Г.С.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 1
Бялыницкий-Бируля А.А.	16	Г.Аветисов

Ваганов Г.Ф.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Вакутин Я.В.	20	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Валентей В.А.	70	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Ван И.А.	42	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Ванюшин С.П.	41	М.Волкова
Варнаков Н.А.	18	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Варников А.П.	27	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Васильева В.Н.	30	«Поморский мемориал», т. 1
Васнецов В.А.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Васюков Г.В.	19	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Вашингтон Л-Р.	60	«Поморский мемориал», т. 1
Веберс Р.Г.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Ведмедь И.А.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Венгеров Я.С.	35	«Сталинские расстрельные списки»
Веретенников В.Я.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Верхотуров С.И.	52	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Веске Г.Я.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Ветси А.В.	53	«Книга памяти Мурманской области»
Видякин Д.П.	29	«Поморский мемориал», т. 1
Викулов А.М.	51	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Виленчик И.С.	40	М.Волкова
Вилькицкий Б.А.	14	Г.Аветисов
Винавер В.Н.	65	«Коммунарка»
Вирский С.С.	43	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Виттенбург П.В.	16	«Репрессированные геологи»
Вихерт Г.О.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Войтишко Т.Б.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Волков П.И.	18	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Воллосович К.К.	66	«Репрессированные геологи»
Волосюк В.Д.	40	М.Волкова
Воробьев А.В.	30	«Коммунарка»
Воробьев В.К.	24	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Воронин Е.И.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Воронин Ф.И.	67	«Книга памяти Мурманской области»
Вохмин С.С.	67	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Выгодянский Г.С.	48	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гаазе В.Ф.	51	«Сталинские расстрельные списки»
Габелев А.М.	36	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гавриленко Д.Н.	14	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гавриленко Н.С.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гаврилов Н.П.	33	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гаврилов Ф.Г.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Гадилло С.И.	24	«Книга памяти Мурманской области»
Гайворонский Ф.С.	50	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гайдук В.А.	40	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гакен Н.Н.	24	«Жертвы политического террора в СССР»

Галковский В.С.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Галлер А.П.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Галушко П.И.	42	«Коммунарка»
Гамалицкий А.В.	29	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Генин К.А.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Геринг Д.Э.	28	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гернет Е.С.	26	Архив НИЦ «Мемориал» (С.-Петербург)
Герпст П.Ф.	29	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Гершевич Е.М.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Геци Р.Р.	32	«Донское кладбище»
Гидлевский К.И.	19	«Донское кладбище»
Гиматудинов А.З.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Глазунов Б.З.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Глущенко С.В.	25	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гневушев В.А.	16	«Репрессированные геологи»
Голдыцкий Л.П.	51	«Поморский мемориал», т. 1
Голуб Г.И.	33	«Донское кладбище»
Голубков А.П.	42	«Коммунарка»
Гомалюк Т.П.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Гончаров В.Д.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гончаров П.Я.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Гордеев И.Н.	19	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Горев А.С.	43	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Горовенко А.Д.	43	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Горовой С.М.	16	«Книга памяти Мурманской области»
Горохов В.В.	20	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Грачёв А.Р.	22	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Греве Г.Р.	25	«Ленинградский мартиролог», т. 3
Грибанов К.А.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Григорьев А.И.	42	«Коммунарка»
Григорьев И.Ф.	40	М.Волкова
Гриншпан Б.И.	38	«Коммунарка»
Гробовский К.И.	40	М.Волкова
Грудин С.Е.	29	«Поморский мемориал», т. 3
Грудницкий Н.Н.	35	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Губанов К.Ф.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Губанов П.М.	41	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гудин М.П.	60	«Поморский мемориал», т. 1
Гуз И.П.	29	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гуляев Г.И.	29	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Гурари Г.Н.	30	«Коммунарка»
Гурович Э.Я.	29	«Коммунарка»
Гуровская С.И.	18	«Книга памяти Красноярского края», кн. 2
Гурьевский М.И.	33	«Поморский мемориал», т. 3
Давыдов И.П.	20	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3

Давыдов С.Л.	42	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Данилов М.И.	44	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дарищев П.В.	40, 48	М. Волкова
Дворецкий Г.А.	50	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дементьев М.И.	41	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Демидов В.Л.	18	«Репрессированные геологи»
Джохадзе Г.С.	44	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дзерве Т.М.	30	«Репрессированные геологи»
Лидковский В.Э.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дисс Д.Г.	22	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дмитриев П.Н.	20	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Добровольский В.А.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Добровольский И.А.	42	«Коммунарка»
Добровольский Н.А.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Догмаров А.А.	42	«Коммунарка»
Долгов Т.В.	25	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Долгополов Г.Н.	40	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Доронин И.В.	71	«Репрессии в Красной Армии...»
Драневич М.Ф.	37	«Бутовский полигон», вып. 4
Друговейко Т.К.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дубинин А.А.	65	«Коммунарка»
Дубинин И.И.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дубинкин А.А.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дудкин В.В.	38	«Коммунарка»
Дунайский Я.Ф.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дундурс Х.А.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Дуплицкий Д.С.	32	«Коммунарка»
Дымский С.М.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Евгенов Н.И.	26	Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), Г.Аветисов
Евгорович Н.В.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Евдокимов Г.Г.	20	«Поморский мемориал», т. 1
Евдокимов Е.Г.	54	«Донское кладбище»
Евладов В.П.	50	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Евсеев Л.В.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Егоров Ю.Ф.	70	«Донское кладбище»
Елистратов В.И.	22	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Ерёмин М.В.	48	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Ерёмин М.И.	54	«Сталинские расстрельные списки»
Еременко Ф.Т.	47	М.Волкова
Ермолаев В.С.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Ермолаев М.М.	45	«Репрессированные геологи», Г.Аветисов
Ефремов Н.Н.	22	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Ефремов Н.Н.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Жаворонков Г.С.	60	«Поморский мемориал», т. 1

Жданов Л.Г.	43	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Жданов Ф.И.	24	М.Волкова
Желтов И.С.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Жеребцов А.А.	14	«Жертвы политического террора в СССР»
Жеребцов М.А.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Живилов П.А.	31	«Коммунарка»
Жигалев Н.А.	30	«Коммунарка»
Жилков А.А.	54	«Сталинские расстрельные списки»
Жодтак М.И.	40	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Жоссан А.В.	43	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Жуйков М.П.	20	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Журавлёв Н.П.	50	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Забродин С.В.	33	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Завадьё В.З.	20	«Донское кладбище»
Завадовский Г.П.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Завертайлюк И.Е.	23	«Книга памяти Мурманской области»
Заводовский П.И.	42	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Зайцев Г.А.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Зайцев Г.Н.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Залесский Г.Ф.	65	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Залётов И.Я.	36	«Коммунарка»
Залознов М.А.	33	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Замараев К.С.	33	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Замятин В.Д.	32	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Замяткин И.Н.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Заостровский В.В.	53	«Книга памяти Мурманской области»
Захаров М.Г.	24	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Захваткин Н.А.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Захваткин В.Н.	25	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Зачёсов Н.С.	67	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Зашибаев А.С.	41	«Коммунарка»
Заяц Х.Г.	56	«Поморский мемориал», т. 1
Зверев Д.П.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Звягин Б.Ф.	60	«Поморский мемориал», т. 1
Зенкевич Л.А.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Зерезенко П.П.	15	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Зингер М.А.	19	«Донское кладбище»
Злотников А.П.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Зологов Н.М.	71	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Зорич Г.Н.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Зотов-Вануйто А.С.	23	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Зубов С.Н.	51	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Зув П.Ф.	48	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Зяблов М.Ф.	30	«Коммунарка»

Иванов А.Н.	54	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Иванов В.И.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Иванов Г.И.	54	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Иванов М.С.	44	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Иванов Н.Н.	30	«Коммунарка»
Иванцов Г.И.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Ивачёв В.Е.	24	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Игнатъев Е.С.	70	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Игнатъев П.И.	41	«Книга памяти Мурманской области»
Игумнов М.П.	44	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Идельсон М.С.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Иерусалимский М.Г.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Изнаирский Н.К.	16	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Изоитко М.А.	16	«Книга памяти Мурманской области»
Иорданский А.П.	27	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Иоффе С.С.	38	«Коммунарка»
Исаков А.Ф.	56	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Исполатов Н.П.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Иценко М.Б.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 3
Кавецкий В.А.	52	Ю.Дойков
Казанцев А.Е.	27	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Казаринов Д.В.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Казлас А.П.	18	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кайгородов М.Н.	43	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Кайков И.Г.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Калиновский В.В.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Калугин Я.С.	69	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Калюта П.А.	53	«Репрессированные геологи»
Каминский В.А.	23	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Канев И.А.	34	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Кандин А.А.	56	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Карамышев К.Ф.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Каратыгин П.М.	19	«Репрессированные геологи», «Ленинградский мартиролог», т. 3
Карепов А.Ф.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Карлов С.М.	40	М.Волкова
Карнаулов В.Л.	53	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Карпенко Н.В.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Карпенко Ф.З.	71	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Каргашёв К.С.	60	«Поморский мемориал», т. 1
Карыгин Н.Р.	36	«Коммунарка»
Качкин Н.В.	44	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Кисилёв А.В.	48	«Жертвы политического террора в СССР»
Кислицын А.И.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кичев И.В.	60	«Поморский мемориал», т. 1

Клавдеев А.В.	16	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Кладовиков М.В.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Клименко А.В.	30	«Книга памяти Мурманской области»
Климовский К.П.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Климчак Л.Я.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Клинов Я.М.	30	«Поморский мемориал», т. 3
Клих Л.Н.	52	«Поморский мемориал», т. 1
Клюге Г.А.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Клюге Н.Э.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Клюпфель В.А.	30	«Поморский мемориал», т. 1
Ковалев А.И.	25	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Ковальчук В.Л.	52	Ю. Дойков
Ковинин М.И.	55	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Козин С.Г.	33	«Сталинские расстрельные списки»
Козлов А.В.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Козлов В.К.	48	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Козлов М.С.	31	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Козлов М.Я.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Козлов Я.П.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Козловский А.В.	32	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Козулин И.А.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Козьмин Д.Д.	38	«Коммунарка»
Козьмин П.А.	43	«Книга памяти Мурманской области»
Коломейцев Н.Н.	13	Г. Аветисов
Колчак А.В.	14	многочисленные источники
Колчин П.Г.	54	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Колюда Б.Б.	36	«Бутовский полигон», вып. 1
Компанейцев А.Е.	51	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Кондратьев В.И.	20	«Репрессированные геологи»
Кондрук Д.М.	27	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Коннов М.Л.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Коновалов И.А.	65	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Константинов В.А.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Корбие К.П.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Корельский П.С.	28	«Поморский мемориал», т. 3
Коробкина Р.С.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Коровяков И.А.	53, 70	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4, «Книга памяти Мурманской области»
Королёв С.С.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Корольков И.В.	24	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Коростылёв А.Н.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Коротенко П.П.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Корытов Д.И.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Косованов В.П.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Косович Т.Ф.	23	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Косоруков Е.И.	22	«Сталинские расстрельные списки»

Костин А.А.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кострикин И.Г.	67	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Котков И.А.	32	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Котович О.-А.В.	24	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Котульский В.К.	15	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кочетков Б.Н.	68	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Кошкин А.К.	14	«Книга памяти Мурманской области»
Кравченко А.А.	60	«Поморский мемориал», т. 1
Кравченко И.В.	52	«Поморский мемориал», т. 1
Краснопеев Г.П.	40	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Краснопеев Н.К.	35	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Крастин П.А.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Крембе А.Я.	20	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кресцов И.К.	56	«Поморский мемориал», т. 1
Кречман Г.В.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Крживатский Н.С.	39	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кривдун Г.Т.	21	«Жертвы политического террора в СССР»
Кристаллович В.А.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Крогов А.М.	33	«Сталинские расстрельные списки»
Крогов В.Л.	34	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кружалин Н.П.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Круль С.С.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Крумлинг И.И.	32	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Крутский Б.Г.	40	М.Волкова
Крылатов П.И.	37	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Крылов М.Я.	32	«Коммунарка»
Крылов П.Г.	43	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Крюков П.И.	70	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Ксенофонтов Г.В.	41	«Коммунарка»
Кубышкин П.С.	66	Ю.Дойков
Кугий Г.И.	52	«Поморский мемориал», т. 1
Кузин П.И.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кузнецов В.И.	32	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кузнецов М.И.	46	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кузьмин И.В.	40	М.Волкова
Кузьмин Л.Н.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Кукушкин И.Ф.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кулагин Д.Ф.	47	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кулаков И.П.	29	«Поморский мемориал», т. 1
Кулакович Ф.П.	27	«Книга памяти Мурманской области», «Репрессированные геологи»
Куницын О.В.	70	«Книга памяти Мурманской области»
Курбатов А.М.	68	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Курбатов В.В.	49	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Куркин Д.Е.	18	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Куцев А.Д.	69	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Кучеров Г.Г.	41	«Коммунарка»

Кучинский В.И.	40	М.Волкова
Кучинский С.Б.	28	«Книга памяти Красноярского края», кн. 4
Лавров Б.В.	65	«Коммунарка»
Лазебный В.М.	54	«Донское кладбище»
Ламанский В.П.	38	«Коммунарка»
Ландин И.А.	30	«Коммунарка»
Лантурев Ю.Ф.	37	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Леваневский С.А.	71	«Репрессии в Красной Армии...»
Лейбсон Р.Г.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Леман М.К.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Леонтьев С.М.	24	«Бутовский полигон», вып. 2
Лехто П.М.	53	«Книга памяти Мурманской области»
Либман Е.Г.	19	«Ленинградский мартиролог», т. 3
Лигер А.Я.	14	«Книга памяти Мурманской области»
Лидм А.Р.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Лисс (Гетерман) Ю.М.	36	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Лобов А.А.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Лобода А.Н.	71	«Книга памяти Мурманской области»
Лобода Н.Х.	54	«Книга памяти Мурманской области»
Ломакин И.И.	38	«Коммунарка»
Лукашевич И.А.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Лукин А.К.	20	«Книга памяти Мурманской области»
Людсков Ф.К.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Ляпидевский А.В.	71	«Репрессии в Красной Армии...»
Ляпич М.Ф.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Майер Г.П.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Максимов М.Н.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Максимов П.А.	16	«Книга памяти Мурманской области»
Мальгин В.А.	43	«Книга памяти Мурманской области»
Мальт М.З.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Мамошкин С.Н.	29	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Манциводо Л.Ф.	21	«Донское кладбище»
Мартинсон И.А.	14	«Книга памяти Мурманской области»
Марчук А.В.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Масалитинов А.В.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Матушевский Б.Ф.	43	«Книга памяти Мурманской области»
Маурин Я.Я.	44	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Махоткин В.М.	66	«Жертвы политического террора в СССР»
Медведев Н.А.	22	«Сталинские расстрельные списки»
Мецайло А.А.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Мещерский К.М.	24	«Ленинградский мартиролог», т. 3
Мико Э.И.	55	«Поморский мемориал», т. 2
Милобедзинский Я.Р.	60	«Поморский мемориал», т. 2
Мингаев А.М.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Минин А.П.	53	М.Волкова

Минин Ф.И.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Мирмильштейн М.С.	31	«Коммунарка»
Мишин А.М.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Младенцева Е.Д.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Мовсесян Б.И.	36	«Коммунарка»
Мовсесян Н.И.	36	«Коммунарка»
Могучий И.П.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Можайко Т.М.	38	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Молодых И.Ф.	28	«Репрессированные геологи», «Жертвы политического террора в СССР»
Молоков В.С.	71	«Репрессии в Красной Армии...»
Москвин Н.Н.	55	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Москвитин Н.Н.	17	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Мостовлянский С.Н.	38	«Коммунарка»
Муценек Я.Я.	22	«Донское кладбище»
Мыслин Н.В.	38	«Коммунарка»
Мюрисен И.М.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Мяконых Р.С.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Мякшин С.Т.	35	«Сталинские расстрельные списки»
Нагель А.Ю.	14	«Жертвы политического террора в СССР»
Натонек С.Д.	35	«Коммунарка»
Нацареус С.П.	29	«Коммунарка»
Невинский А.Ф.	22	«Ленинградский мартиролог», т. 1
Незнахин П.И.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Несмеянов В.Н.	65	«Коммунарка»
Неустроев Г.И.	60	«Поморский мемориал», т. 2
Нехаев В.А.	43	«Книга памяти Мурманской области»
Ника-Бунцельман Н.Л.	42	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Никифоров В.В.	14	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Никифоров П.В.	16	«Книга памяти Мурманской области»
Николаев М.С.	23	«Донское кладбище»
Николаев А.Я.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Николаевский Л.А.	61	«Книга памяти Мурманской области»
Новиков С.В.	50	«Репрессированные геологи»
Носов Н.А.	23	«Поморский мемориал», т. 2
Нукк Р.Я.	30	«Книга памяти Мурманской области»
Оборин М.А.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Обухова Н.С.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Оловянников Л.Г.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Онуфриев А.П.	21	«Донское кладбище»
Орас П.Ю.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Орлов В.А.	70	«Книга памяти Мурманской области»
Орловский П.В.	26	Архив НИЦ «Мемориал» (С.-Петербург)
Осадчих М.П.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Остапенко К.А.	22	«Сталинские расстрельные списки»

Островский И.С.	36	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Отрешков И.И.	60	«Поморский мемориал», т. 2
Павлов М.А.	16	«Репрессированные геологи»
Панов А.Д.	35	«Поморский мемориал», т. 2
Панов И.П.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Панфилов Ф.Д.	70	«Книга памяти Мурманской области»
Патьков А.И.	54	«Книга памяти Мурманской области»
Паутов Я.У.	67	«Книга памяти Мурманской области»
Пачковский В.В.	31	«Поморский мемориал», т. 2
Перцович М.А.	52	«Сталинские расстрельные списки»
Пестов С.С.	60	«Поморский мемориал», т. 2
Петров Ю.К.	26	Архивы НИПЦ «Мемориал» (Москва), НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)
Петросян Г.Г.	42	«Коммунарка»
Петрушанский М.Е.	21	«Донское кладбище»
Печуро А.К.	53	«Поморский мемориал», т. 2
Питерс П.Т.	52	«Поморский мемориал», т. 2
Плисецкий М.Э.	29	«Коммунарка»
Полукочев В.Д.	53	«Книга памяти Мурманской области»
Поляков Д.И.	31	«Коммунарка»
Попов А.А.	51	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Попов А.П.	70	«Книга памяти Мурманской области»
Попов В.Е.	50	«Поморский мемориал», т. 2
Попов И.Н.	15	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Попов К.В.	70	«Книга памяти Мурманской области»
Попов Я.П.	30	«Поморский мемориал», т. 2
Поромонов Я.Н.	60	«Поморский мемориал», т. 2
Постольник П.А.	18	«Книга памяти Мурманской области»
Потеев В.С.	48	М.Волкова
Пошеманский Я.С.	34	«Сталинские расстрельные списки»
Привалов Ф.У.	44	«Книга памяти Мурманской области»
Притулок И.Е.	75	«Коммунарка»
Пшеничников В.Е.	18	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Радзиевский В.А.	73	«Жертвы политического террора в СССР»
Резник И.Я.	31	«Коммунарка»
Рейхерт А.А.	39	«Поморский мемориал», т. 2
Реговский Л.О.	12	«Ленинградский мартиролог», т. 3
Робуш А.Г.	40	М.Волкова
Рогатых А.И.	60	«Поморский мемориал», т. 2
Рожков Б.Н.	20	«Репрессированные геологи»
Розенберг Л.Д.	42	«Книга памяти Мурманской области»
Розенталь К.К.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Розенталь Э.Ф.	38	«Коммунарка»
Ростовский Г.В.	23	«Книга памяти Мурманской области»
Ротштейн Г.Е.	38	«Коммунарка»

Рубе А.А.	50	«Поморский мемориал», т. 2
Руднев Г.Г.	40	М.Волкова
Рыбаков К.Я.	33	«Сталинские расстрельные списки»
Рыбаков Я.Д.	51	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Рыбкин Н.И.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Рябконь А.Д.	73	«Жертвы политического террора в СССР»
Савускан Э.И.	68	«Книга памяти Мурманской области»
Салазкин А.С.	43	«Книга памяти Мурманской области»
Салов Ф.С.	42	«Книга памяти Мурманской области»
Самойлов Ф.Д.	42	«Коммунарка»
Самойлович Р.Л.	45	«Донское кладбище», «Репрессированные геологи»
Сафронов Н.И.	27	«Репрессированные геологи»
Седакин В.С.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Селезнёв С.С.	18	«Книга памяти Мурманской области»
Семёнов Г.Т.	65	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Семёнов К.П.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Семикоз Г.Н.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Серкин И.О.	64	«Коммунарка»
Сиднев В.П.	73	«Жертвы политического террора в СССР»
Симаков С.А.	38	«Коммунарка»
Симбирцев Д.Н.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Следь Е.М.	34	«Сталинские расстрельные списки»
Слепнёв М.Т.	71	«Репрессии в Красной Армии...»
Слинин-Коробков Ф.Ф.	51	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Слободенюк В.М.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Смирнов Ф.В.	68	«Книга памяти Мурманской области»
Смолянский П.П.	62	«Сталинские расстрельные списки»
Смыслов С.П.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Снежко Ф.К.	73	«Жертвы политического террора в СССР»
Соколенков А.Н.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Соколов А.В.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Соколов Б.П.	21	«Книга памяти Мурманской области»
Соколовский Г.В.	37	«Сталинские расстрельные списки»
Сокольский С.А.	35	«Книга памяти Мурманской области»
Солдатов П.П.	44	«Книга памяти Мурманской области»
Соловей В.Г.	35	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Сорокин Д.А.	55	«Книга памяти Мурманской области»
Спиридонов Н.И.	29	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Ставронский Э.С.	28	«Донское кладбище»
Степанов В.П.	27	«Коммунарка»
Стехов В.М.	73	«Жертвы политического террора в СССР»
Стильве И.И.	34	«Книга памяти Мурманской области»
Стукатер А.А.	31	«Коммунарка»
Суровицкий А.Н.	40	М.Волкова
Сутто А.М.	35	«Книга памяти Мурманской области»

Сушинский В.В.	29	Ю.Дойков
Сыантович В.И.	52	«Поморский мемориал», т. 3
Сытарь И.В.	50	«Поморский мемориал», т. 3
Сычёв М.Ф.	24	М.Волкова
Танасейчук Н.П.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Тевяшёв Г.А.	55	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Тихлер П.Ф.	46	М.Волкова
Ткачёв И.Ф.	41	«Книга памяти Мурманской области»
Томушкин С.И.	67	«Книга памяти Мурманской области»
Тресков Н.И.	65	«Коммунарка»
Третьяков П.Г.	29	«Поморский мемориал», т. 3
Трудненко Я.Н.	56	«Книга памяти Мурманской области»
Тукачёв И.Ф.	69	«Книга памяти Мурманской области»
Туркулов К.Х.	44	«Книга расстрелянных. Тюмень»
Удовицкий А.Д.	70	«Книга памяти Мурманской области»
Уншлихт И.С.	75	«Коммунарка»
Упадышев Н.К.	65	«Поморский мемориал», т. 3
Урванцев Н.Н.	45	«Репрессированные геологи», Г.Аветисов
Фалеев Н.К.	25	«Книга памяти Мурманской области»
Феш А.Е.	16	«Коммунарка»
Фёдоров А.М.	52	«Книга памяти Мурманской области»
Фёдоров Г.Ф.	19	«Донское кладбище»
Фёдоров Е.К.	71	Г.Аветисов
Фингериус А.П.	16	«Книга памяти Мурманской области»
Финкенфус В.Х.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Фомин В.С.	52	«Книга памяти Мурманской области»
Халдеев В.Д.	16	«Ваганьковское кладбище»
Харик В.А.	42	«Коммунарка»
Харитонов П.К.	36	«Поморский мемориал», т. 3
Хлудов П.А.	38	«Коммунарка»
Хлыновский Г.И.	27	«Книга памяти Мурманской области»
Хмелевский И.В.	19	«Ленинградский мартиролог», т. 4
Хмызников П.К.	26	Архив НИЦ «Мемориал» (С.-Петербург)
Хозяинов Т.С.	54	«Донское кладбище»
Хомутинникова А.Е.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Цатуров С.С.	65	«Коммунарка»
Целибеев Н.А.	48	«Жертвы политического террора в СССР»
Цирель-Спрингсон С.Д.	18	«Репрессированные геологи»
Чанов Э.Я.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Чаплыгин И.А.	35	«Сталинские расстрельные списки»
Чебоненко А.П.	70	«Жертвы политического террора в СССР»

Чевердин А.Ф.	21	«Донское кладбище»
Чекан Н.М.	30	«Книга памяти Мурманской области»
Черешко В.А.	64	«Коммунарка»
Черкесов В.Ю.	32	«Репрессированные геологи»
Чернышёв-Холмов Ф.Д.	20	«Донское кладбище»
Чиковани А.Б.	31	«Коммунарка»
Чистяков Н.А.	38	«Коммунарка»
Чмыхов Б.П.	16	«Коммунарка»
Чуева С.В.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Чунин А.В.	51	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Чухчин Г.П.	60	«Поморский мемориал», т. 3
Шайдеров А.М.	64	«Коммунарка»
Шастин И.К.	34	«Сталинские расстрельные списки»
Шатилов С.А.	19	«Репрессированные геологи»
Швалев И.Р.	37	«Сталинские расстрельные списки»
Швец Ф.К.	44	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»
Шилкин П.Т.	38	«Коммунарка»
Шимкович Г.Я.	22	«Ленинградский мартиролог», т. 2
Ширшов П.П.	71	Г.Аветисов
Ширяев В.Е.	66	«Книга памяти Мурманской области»
Шифурко Т.Н.	32	«Поморский мемориал», т. 3
Шишляников Р.А.	38	«Коммунарка»
Шмидт В.Ф.	28	«Книга памяти Мурманской области»
Шмидт Н.В.	32	«Донское кладбище»
Штейнберг Ж.Г.	32	«Бутовский полигон», вып. 3
Штерн Н.А.	15	«Репрессированные геологи»
Шумилин С.В.	65	«Коммунарка», «Репрессированные геологи»
Шумский Г.Д.	31	«Коммунарка»
Эглит Р.А.	36	«Коммунарка»
Эзау В.К.	35	«Книга памяти Мурманской области»
Экштейн И.Г.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Энштейн В.М.	42	«Поморский мемориал», т. 3
Эрман Г.А.	16	«Коммунарка»
Южин Д.Е.	72	Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва)
Юрьев Н.А.	17	«Книга памяти Мурманской области»
Янсон Н.М.	38	«Коммунарка»
Ярушин С.Ф.	25	«Книга памяти Республики Саха (Якутия)»

СУДЬБЫ УЧАСТНИКОВ ЗНАМЕНИТОЙ ЭКСПЕДИЦИИ *
(по старым книгам и недавно открытым архивам)

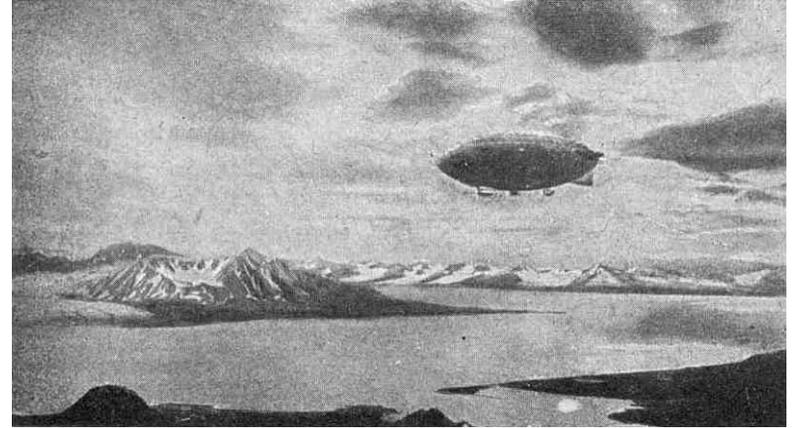
Самым юным свидетелям этого события, семьдесят пять лет назад всколыхнувшего весь мир, сейчас уже под и за восемьдесят. В 1969 году память о нем оживил кинофильм «Красная палатка». Режиссер М.Калатозов собрал «звездную» международную команду актеров (Ш.Коннери, К.Кардинале, П.Финч, Д.Банионис, В.Соломин). Фильм, снятый в романтической стилистике, был достаточно далек от событийной достоверности и подлинной проблематики полного драматизма эпизода освоения Севера, однако воскресил ненадолго массовый интерес к этому давнему событию.

Рубеж 1920-1930-х годов был во всем мире временем поклонения новому богу - техническому прогрессу, одним из воплощений которого было покорение воздушного океана. По-разному сейчас вспоминают и воспринимают те времена, но, среди прочего, было в них и что-то героико-романтическое. «Молодёжь - на самолёт!» - с подобными мыслями и лозунгами жили не только в СССР, но и почти во всем мире (наверное, лишь менее экзальтированно). Покоряли «пятый океан» не только самолётами - в моде были дирижабли. Одним из лучших их конструкторов и пилотов был итальянский генерал Умберто Нобиле. В мае 1928 года его дирижабль «Италия» отправился от бухты Кигсбей на Шпицбергене (сейчас здесь стоит норвежский городок Нью-Олесунн) к Гренландии, оттуда - на Северный полюс. Амбициозный полёт был приурочен к годовщине вступления Италии в первую мировую

* В сокращенном виде под названием «Продолжение легенды» опубликована в газете «30 октября» (Москва, «Московский Мемориал») №№ 20-21, 2001, в полном виде - в альманахе «Предлог», 2003 г., № 8; перепечатано (без ведома автора и редакции «Предлога») под названием «Красная палатка. Судьбы участников знаменитой экспедиции») в сборнике «Неизвестный Север», М., изд-во «Литературная Россия», 2005 г. В настоящий текст внесены небольшие, но весьма важные дополнения: судьба П.Ю.Ораса и имена экспертов по «делу Гидрографического управления»

войну - дате, чтимой почему-то фашистской властью. Одной из целей экспедиции было обнаружение какого-нибудь, пусть самого малого, но неизвестного острова, для которого уже было придумано название - «Земля Муссолини». В половине первого ночи 24 мая дирижабль достиг Полюса: сесть на лёд не позволила погода, и команда сбросила на условную географическую точку флаг Италии и освящённый римским папой крест. Возвращение на Шпицберген стало утомительной борьбой со встречным ветром и обледенением, пока около полудня 25 мая отяжелевший дирижабль не ударился о торосы. С оторвавшейся частью гондолы на лёд выбросило девять человек, в основном офицеров. Некоторые из них были ранены, и наиболее тяжело - сам Нобиле. Остальные члены экипажа (шесть человек, т.н. «группа Алессандрини») были унесены облегчённым, потерявшим управление и двигатели дирижаблем и вскоре ещё не пришедшие в себя люди на льдине увидели в той стороне столб густого дыма. Ещё через час в торосах был найден труп погибшего при катастрофе моториста Винченцо Памеллы. К счастью, на льду оказались и рация, и аварийный запас продовольствия. Нашлась и палатка, которую, для контраста с белым льдом и черными полыньями, облили красной краской из найденной же банки. Однако связь с внешним миром не налаживалась: ответом на непрерывно посылаемый неунывающим радистом Джузеппе Бьянджи SOS было молчание. 30 мая трое - офицеры-итальянцы Адальберто Марианно и Филиппо Цаппи и геофизик швед Финн Мальгрём вышли из лагеря к Шпицбергену за помощью. Против этого похода возражали и Нобиле, и опытный полярник Мальгрём, но офицеры настояли на своём, хотя полёт «Италии» был их первым знакомством с Арктикой. Понимая полную безнадёжность такого похода абсолютно неготовых к нему итальянцев, Мальгрём посчитал себя обязанным присоединиться к ним, несмотря на сломанную руку.

Неожиданно 3 июня слабенькая радиостанция в «Красной палатке» получила подтверждение получения сигнала SOS. Он был услышан в затерянной в лесах костромской деревне Вознесенье-Вохма 22-летним Николаем Шмидтом, трактористом и киномехаником по должности и радистом-коротковолновиком по призванию (как сюда занесло немца, уроженца Киева - !). Телеграммой, отправленной в долг из-за отсутствия денег, он известил Общество друзей радио СССР, то - Совнарком, он - правительство

Дирижабль «Италия» над Шпицбергенем [21]

Италии. К этому времени экспедицию Нобиле уже искали корабли и самолёты пяти стран. Созданную Совнаркомом и ВЦИКом Комиссию помощи «Италии» возглавил человек решительный - заместитель наркома обороны, заместитель председателя Осоавиахима Иосиф Станиславович Уншлихт, его же заместителем по экспедиции и фактическим её руководителем стал «хозяин Арктики», создатель Арктического института, опытнейший полярник профессор Рудольф Лазаревич Самойлович. С большевистской решимостью было принято предложение Самойловича: «Отправить на поиски два ледокола с самолётами». В Архангельске под парами стоял слабенький «Малыгин», в Ленинграде - полузаконсервированный, почти без команды «Красин», самый мощный ледокол страны.

Задача перед «Красиным» была поставлена простая и ясная - выйти в море через 104 часа. Только что назначенные капитан ледокола К.П.Эгге и комиссар экспедиции военно-морской инженер и дипломат П.Ю.Орас сформировали команду: каждое советское судно, оказавшееся в Ленинграде, получило разнарядку командировать на «Красин» такое-то число таких-то специалистов. Руководитель экспедиции Самойлович взял на себя обеспечение продуктами и снаряжением. Самое удивительное, что в срок уложились, вышли 16 июня даже на 13 минут раньше. Правда, и за Кронштадтом продолжали принимать на борт с барж грузы, и до самой Норвегии их разбирали, отделяя наваленный на палубе уголь

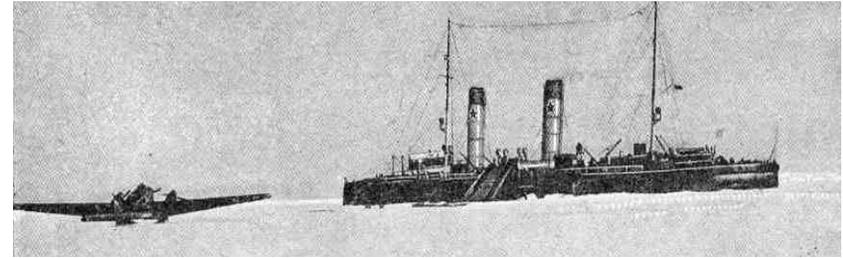

Карта района действий ледокола «Красин» [21]

от капусты, запчастей к самолёту и многого прочего. Море, к счастью, было спокойно - ведь даже небольшая качка могла бы и перевернуть хаотично нагруженный корабль. 1 июля «Красин» подошёл к району поисков к северу от Шпицбергена и вступил в борьбу с тяжёлыми прибрежными льдами. Доставалось всем, но сущим адом была «машина» - кочегаров и машинистов после вахты выносили на палубу полуживыми.

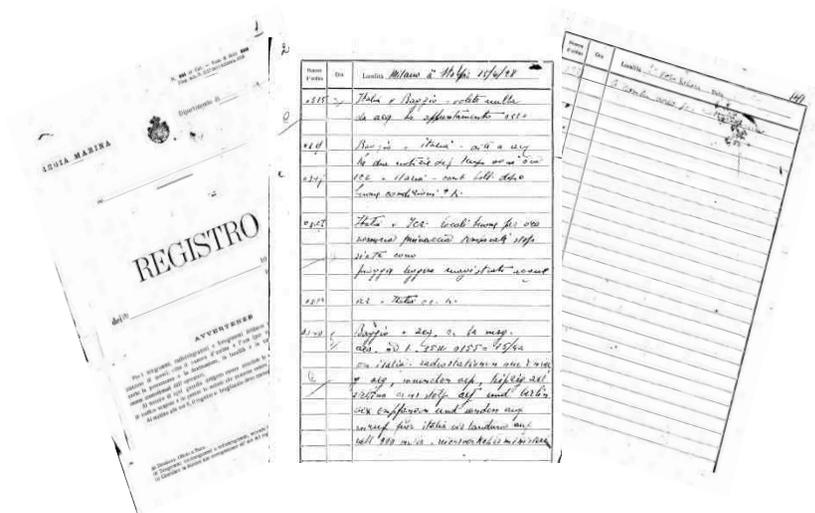
10 июля экипаж «Юнкерса» пилота Бориса Чухновского обнаружил на льду «группу Мальгрема». Тогда ещё не было известно о том, что в группе не трое, а двое; до сих пор загадка смерти или пропажи шведа волнует историков арктических путешествий. В кинофильме изображена версия его спутников: Мальгрем, поняв безнадежность своего положения (во время похода он обморозил ноги) и не желая быть обузой для товарищей,

добровольно остаётся в ледяной пещере, передав товарищам свою долю кончающихся продуктов и одежду. Так и не была опровергнута, однако, и весьма популярная версия о том, что спутники попросту бросили его умирать, предварительно раздев; самые экстравагантные историки намекают и на каннибализм.

Ледокол «Красин» и самолет Б. Чухновского [21]

На обратном пути к «Красину» самолёт потерпел аварию, но Чухновский отказался от помощи и послал облетевшую весь мир радиограмму с требованием к Самойловичу сначала идти к Мальгрену и «Красной палатке». Ранним утром 12 июля «Красин» снял с таявшей на глазах льдины Цаппи и Марианно, а еще через 15 часов - остальных членов экспедиции Нобиле, без него самого - за 17 дней до этого генерал был вывезен из ледового лагеря шведским лётчиком Эйнарсом Лумборгом (когда уже в Кингсбее Лумборга, в своё время добровольцем воевавшего за независимость Эстонии от Советской России, пригласили на «Красин», он отказался, опасаясь быть арестованным). «Красинцы» по распоряжению Самойловича собрали со льда и погрузили на ледокол всё, кроме откровенного мусора, передав это в Кингсбее на базовый корабль экспедиции Нобиле. Через шестьдесят лет, разбирая архив Самойловича, сотрудники Российского государственного архива экономики (РГАЭ) обнаружили бортовой радиожурнал «Италии». Как и почему этот важнейший документ попал к Самойловичу - так и остается загадкой, как и его содержание: на его расшифровку, перевод и анализ у архива нет средств.

Радиожурнал «Италии»: обложка, первая и последняя страницы (фонды РГАЭ)

Спасатели и спасённые: 1. Ф.Трояни, 2. А.Вальери, 3. Ф.Бегоунек, 4. Р.Самойлович, 5. К.Эгге, 6. М.Ершов, 7. Э.Миндлин, 8. Н.Шпанов [21]

«Сдав» в Кингсбее спасённых на итальянское судно, «Красин» ушёл на ремонт в Норвегию, по пути успев выручить получивший во льдах пробоины немецкий туристический лайнер «Монте-Сервантес» с 1500-ми пассажирами и 318-ю членами экипажа. После ремонта ещё около месяца ледокол безуспешно искал севернее Шпицбергена «группу Алессандрини» и самолёт Руальда Амундсена, бросившегося на поиски друга-соперника Нобиле и пропавшего у острова Медвежий. Амундсен, самый известный полярный исследователь, покоритель Северо-Западного прохода вдоль арктического побережья Северной Америки и Южного полюса, вместе с Нобиле в 1926 году на дирижабле «Норвегия» совершил первый трансарктический перелёт, во время которого отношения между этими двумя сильными, но безмерно честолюбивыми людьми были безнадежно испорчены. Однако, узнав о катастрофе «Италии», живший на покое 66-летний полярник бросился на выручку.

В шкафу висят забытые одежды:
Комбинезоны, спальные мешки...
Он никогда бы не подумал прежде,
Что могут так заржаветь все крючки...

Как трудно их застегивать с отвычки!
Дождь бьёт по стёклам мокрою листвой,
В резиновый карман - табак и спички,
Револьвер - в задний, компас - в боковой.
- писал Константин Симонов [25, с. 42].

Двухмоторный «Латам» Амундсена перестал выходить на радиосвязь через два часа после взлёта. Осенью в районе острова Медвежий, лежащего на полпути между Норвегией и Шпицбергом, был обнаружен обломок фюзеляжа «Латама».

Под осень, накануне ледостава,
Рыбачий бот, уйдя на промысла,
Нашел кусок его бессмертной славы -
Обломок обгоревшего крыла.

В 2002 г., однако, нашлись свидетели того, что «Латам» потерпел крушение гораздо ближе - у берегов самой Норвегии, и

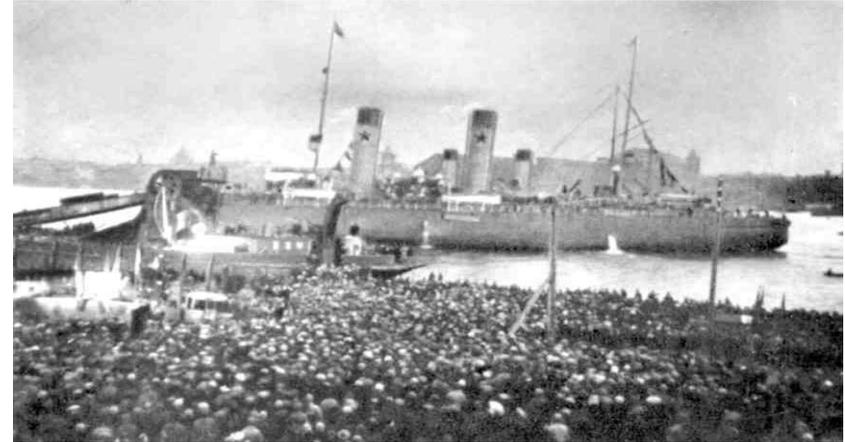
есть надежда, что загадка гибели Амундсена скоро будет разгадана - правительство Норвегии собирается организовать в предполагаемый район крушения хорошо оснащённую экспедицию [26].

«Красин» лишь в октябре вернулся в Ленинград, где на набережных его встречали 250 тысяч человек. Поход его стал, как сейчас бы сказали, событием знаковым - СССР утвердился как полноценная арктическая держава, а энтузиазм советских людей сравним, наверное, лишь с более памятным большинству ликованием по поводу полёта Юрия Гагарина. Уже и тогда пропаганде уделялось значение первостепенное: на борту было семь советских журналистов, в Бергене подсел итальянский: Самойловича заставили взять журналистов взамен подготовленной им научной группы. В московских и ленинградских газетах регулярно печатались репортажи о ходе экспедиции, в 1929-1933 годах вышли массовым тиражом несколько книг о походе «Красина» [2; 5; 16; 17; 21; 22; 23; 28; 29], наибольшую ценность для исследователей представляют книги Самойловича [22; 23] и сборник воспоминаний участников экспедиции «Поход «Красина» [21]. Не меньше «Красина» потрудившийся, но менее удачливый «Малыгин» был быстро забыт.

Экспедиция «Красина» в полной мере была использована партийной пропагандой, стала победой коммунистической идеологии. Но рядом с этим праздником были идеологические будни, будни борьбы с врагами, и вели её, наращивая удары, всё больше не идеологи и журналисты, а чекисты. Но позвольте, разве участие в экспедиции, доказавшей преимущества социализма, поднявшей престиж страны, не гарантировало от подозрений этих борцов?! Посмотрим...

Р.Л.Самойлович в своей книге приводит список участников экспедиции: 116 человек судовой команды и 20 человек «прикомандированных» (руководство экспедиции, лётный отряд, журналисты, два иностранных гостя), всего - 134 гражданина СССР, с указанием фамилии, имени и занимаемой в экспедиции должности или судовой роли. На нашу просьбу проверить, не подверглись ли участники экспедиции политическим репрессиям, Информационный центр ГУВД Санкт-Петербурга добросовестно проверил список и дал соответствующую справку. Ответы на запросы в петербургское УФСБ и в другие архивы дополнили эти краткие

сведения. Поскольку большинство участников экспедиции были ленинградцами, то сведения, полученные из Санкт-Петербурга, в сочетании с другими источниками (большую работу, обобщённую в книге «Загадки и трагедии Арктики» [12], проделал З.М.Каневский), можно считать близкими к окончательным. На сегодняшний день точно известно, что из участников экспедиции по политичес-

Встреча «Красина» в Ленинграде [23]

ким обвинениям было репрессировано не менее восемнадцати человек, т.е. почти каждый седьмой.

Трагична была судьба руководителя экспедиции, основателя советской арктической науки Р.Л.Самойловича. Сын купца из Азова, окончивший Саксонскую горную академию, примыкавший к РСДРП и за то сосланный в Архангельскую губернию, Самойлович бросил политику и посвятил себя изучению Арктики. Начальник Северной научно-промысловой экспедиции при ВСНХ, директор её преемников - Института по изучению Севера и Всесоюзного Арктического института, в 1937-м, тяжелейшем для Главсевморпути году он координировал проводку караванов в Центральном секторе Арктики. Сложнейшая ледовая обстановка, слабая обеспеченность ледовой авиаразведки (полярная авиация была отвлечена на поиски пропавшего самолета С.Леваневского, совершавшего санкционированный Сталиным амбициозный, но плохо подготовленный трансарктический перелёт) привели к тому,

что множество караванов не дошли до портов назначения, лучшие тогдашние ледоколы не могли пробиться через тяжёлые льды. Многими десятками опытнейших полярных капитанов, лётчиков, учёных, на которых НКВД «навесил» саботаж, вредительство и диверсии, расплатился Главсевморпуть и арктическая наука за этот год. Ледоколы «Садко», «Малыгин» и «Г.Седов» не смогли вырваться из ледового плена, и Самойлович возглавил зимовку («Лагерь трех кораблей») и подготовку к выходу при малейшем улучшении обстановки («Г.Седов» из-за ошибки при ремонте рулевого управления не смог выйти из льдов и совершил беспрецедентный трёхгодичный дрейф, но в книге его капитана К.Бадигина [1] о Самойловиче нет ни слова). В мае 1938 года Самойлович самолётом был вывезен на «материк» (командиром самолёта был А.Д.Алексеев из экипажа Чухновского) и уехал отдыхать в Кисловодск. Там, в санатории, он, житель Ленинграда, был арестован в конце июня и привезен на Лубянку. В чекистской машине прои-

*Р.Л.Самойлович. На столе - подаренный ему компас «Италии» [23].
Лицо на фотографии перечеркнуто каким-то бдительным читателем
Государственной публичной исторической библиотеки*

зошёл сбой: обыск на квартире Самойловича был проведён, когда его коллеги уже успели вывезти и спрятать богатейший научный архив профессора. После многих злоключений он лишь недавно «осел» в Российском государственном архиве экономики в Москве.

Дальше крестный путь Самойловича был, как ни цинично это звучит, «обычным»: шестимесячное следствие, «букет» из трёх пунктов 58-й статьи («измена родине», «вредительство», «контрреволюционная организационная деятельность») и расстрельный приговор. В 1957-м году родственники получили справку КГБ о том, что Рудольф Лазаревич умер 15 мая 1940 года. Тогда ещё не было известно секретное указание ЦК КПСС и КГБ о том, чтобы сообщать родственникам расстрелянных ложные даты и причины их гибели: слишком опасны оказались для советской правящей верхушки того времени истинные масштабы репрессий 1930-х годов. Эта дата до сих пор кочует из справочника в справочник, из книги в книгу. На самом деле, как следует из более поздней справки ФСБ, Р.Л.Самойлович был расстрелян 4 марта 1939 года, когда профессору было 58 лет. Более двадцати лет было в забвении имя великого учёного, лишь в 1961 году, через четыре года после реабилитации, о нём упомянул в своей книге [18] Эм.Миндлин («Давно нет в живых начальника экспедиции Самойловича...»), через год статья о нём появилась в «Вестнике Всесоюзного географического общества» [14]. В 1967 году Гидрометеоздат переиздал книгу Самойловича 1930-го года, но из скудных биографических сведений о её авторе никак нельзя было догадаться о его судьбе [24]. Еще через несколько лет З.Каневский издал несколько книг о «директоре Арктики», тоже не имея возможности рассказать правду о трагическом конце его жизни [10; 11; 12].

Участников похода «Красина» начали «награждать» задолго до зловещего тридцать седьмого. В 1931 году бывший кочегар «Красина», из псковских крестьян, 38-летний Федор Гаврилович Гаврилов был осуждён на 5 лет по 6-му пункту 58-й статьи («шпионаж»). Дальнейшей его судьбы выяснить не удалось.

1 января 1936 года арестован и 3 июня Военным трибуналом Ленинградского военного округа по трём пунктам 58-й статьи («шпионаж», «контрреволюционная пропаганда», «участие в контрреволюционной организации») приговорён к восьми годам 3-й механик парохода «Аргунь» (на «Красине» - старший маши-

нист) Александр Николаевич Соколенков, 43-х лет, тоже из псковской крестьянской семьи. Побыв короткое время в Сиблаге (тогда - Новосибирская область и Красноярский край), он летом 1937 года был переведён в Ухтпечлаг (Ухто-Печорский ИТЛ). 15 ноября 1937 года он уже в лагере был арестован и 16 декабря за антисоветскую агитацию осуждён к расстрелу (в учетных документах Главного информационно-аналитического центра МВД он значится умершим в лагере в 1941 году).

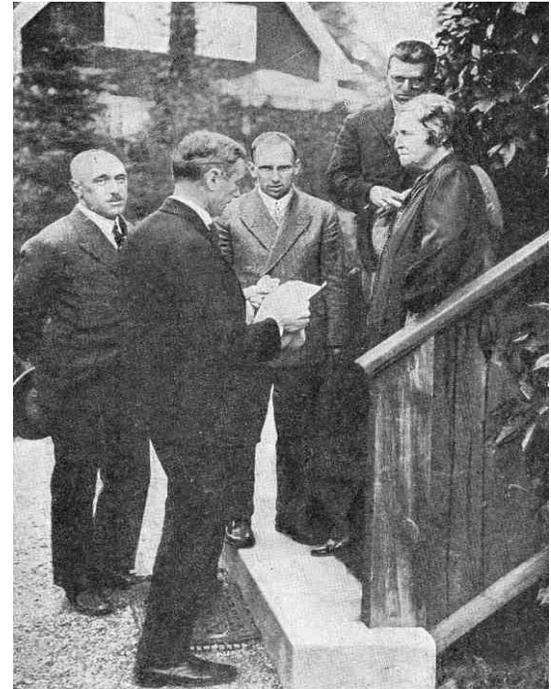
К тому же 8-летнему сроку за ту же «пропаганду» с «участием в контрреволюционной организации», но без «шпионажа», 28 декабря 1936 года Военной Коллегией ВС СССР приговорён 44-летний журналист Давид Ефремович Южин (Рахмилович-Южин), уроженец Феодосии, командированный на «Красин» ленинградской «Красной газетой». Это он с корреспондентом «Вечерней Москвы» Э.Миндлиным нарисовал на крыльях новенького «Юнкерса» Чухновского красные звезды, он прославился на «Красине» исполнением по несколько раз в день под собственный аккомпанемент на пианино песни «Я на лодочке каталась...», своим неизменным ответом на любое недовольство, претензию, замечание, даже о собственном нерегулярном бритье: «Но ведь экспедиция на "Красине" из-за этого не расстроится!», он поражал всех своей способностью «с талмудической невозмутимостью» читать всегда и везде какую-нибудь книгу, он, с Миндлиным и корреспондентом «Рабочей Москвы» В.Сухановым, был послан к матери Мальгрема выразить ей сочувствие от команды «Красина», он первым из журналистов опубликовал книгу об экспедиции [29]. 3 ноября 1939 года Давид Ефремович умер в Норильлаге. Сохранился ли после чекистских «шмонов» сувенир, подаренный ему лейтенантом Вальери, - кусок обшивки «Италии»?

В 1936 году всего лишь исключён из ВКП(б) «за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции, за обман парторганизации» 54-летний ветеран латвийской социал-демократии, участник революции 1905 года Мартин Кришевич Леман. По «этому факту» решением УНКВД по Ленинградской области от 3 августа 1937 года он с женой выслан в административном порядке в туркменский Калининск. На «Красине» Леман был старшим электриком и в этом качестве выступал от имени экипажа на митинге перед отплытием ледокола, а по окончании экспедиции

награждён ЦК профсоюза рабочих водного транспорта Почётной грамотой, в сборнике «Поход "Красина"» [21] напечатана его большая статья «Мои воспоминания и приключения во время похода "Красина"».

Жатва тридцать седьмого - тридцать восьмого обильно покосила героев «Красина».

К пяти годам лагерей за «контрреволюционную агитацию» Военно-транспортным судом Балтийского моря приговорен арестованный 2 апреля 1937 года кочегар «Красина», ставший ме-

Посещение матери Ф.Мальгрема. Слева направо: Южин, шведский журналист Поллин, Суханов, Миндлин и г-жа Мальгрем [21]

механиком, Алексей Яковлевич Николаев, 29-летний ленинградец. 5 сентября 1937 года на пароходе-«зековозе» Дальстроя «Кулу» он прибыл в Магадан. Почти точно по истечении срока (с «пересид-

кой» в три месяца) Николаев был освобождён из колымских лагерей, но, как было «положено», остался там на бессрочном поселении. В 1945 году он уже жил в Магадане, работал механиком на портовых буксирах, а в 1946-1947 годах сумел даже (вот извивы судьбы!) сделать несколько рейсов механиком в Ванинский порт на другом «зековозе» Дальстроя - пароходе «Джурма». В 1947 году Николаев уволился с «дальстроевского» флота, видимо, наконец получив разрешение на возвращение к семье в Ленинград.

Судьба коренного петербуржца, окончившего Морской корпус ещё в 1907 году, Юрия Константиновича Петрова, третьего помощника капитана «Красина», награждённого за поход Грамотой ЦИКа, - пример «лёгкой» судьбы человека, попавшего в жернова НКВД. На «Красине» Петров отвечал за штурманскую часть и хозяйство, «неутомимым нашим штурманом» называл его Самойлович. Участники экспедиции были влюблены в прекрасного собеседника и остролова, фанатика секстана, создававшего «математическую поэму о курсе ледокола», вдохновенно говорившего об эстетике математических формул [21; 23]. С 1928 года он связал свою судьбу с полярными морями, ходил на «Ермаке» и «Мальгине», изучал гидрографию Карского моря. К аресту (30 апреля 1938 года) ему было 52 года, он имел звание капитана дальнего плавания и занимал должность начальника сектора Гидрографического управления Главсевморпути. Его обвинили по двум пунктам 58-й («вредительство» и «участие в контрреволюционной организации», каковой был много лет не дававший покоя чекистам «Российский Общевоинский Союз»). Не выдержав следствия, Юрий Константинович оговорил себя и сослуживцев, но на заседании Военного трибунала Ленинградского военного округа в мае 1939 года он и его «подельники» от своих признательных показаний отказались как «данных под физическим воздействием», то есть под пытками. Дело было направлено на доследование - случай в те времена редчайший! Этому странному по тем временам решению суда способствовал и уникальный поступок экспертов - от своих выводов по экспертизам они отказались, заявив, что заключения, якобы подтверждающие вредительскую деятельность обвиняемых, построены на их личных предположениях и домыслах и необъективны. Поступок экспертов по тем временам иначе как героическим посчитать нельзя, и мне хотелось бы назвать их имена,

установленные исследователями НИЦ «Мемориал» Санкт-Петербурга: инженер-экономист И.Н.Шишкин, инженер-геодезист А.А.Грошев, инженер-механик Е.А.Вайханский, инженер аэрофотосъёмки Д.И.Аронов, штурман дальнего плавания В.С.Гинцберг, картограф О.К.Чоглакова. «Органам» с этими упрямыми гидрографами возиться надоело, и чекисты, конечно, нашли способ их «укоротить». Под новый, 1940-й год Петров получил, уже без всякого суда, от ОСО УНКВД «всега» пять лет ссылки в Казахстан.

Командный состав «Красина». Слева направо: механик Мок, пом. капитана Петров, механик Ермолаев, ст. механик Еришов, капитан Эгги, пом. капитана Бачманов, механик Бычков, пом. капитана Бреннкопф [29]

Освобождён Петров из ссылки был в селе Владимирка Кустанайской области был с двухмесячной задержкой в июне 1943 года «с минусами», т.е. с запрещением жить в крупных городах. Не раз он тщетно просился на фронт, так и оставаясь в месте ссылки (и это - «освобождение»?!) и работая сапожным мастером. В мае 1944-го переехал в Кустанай, на берег даже не судоходного Тобола, работал кладовщиком-учётчиком подсобного хозяйства городской больницы. Осенью 1946 года Юрий Константинович обращается с просьбой о снятии судимости, о разрешении работать по своей морской специальности: «несмотря на возраст и здоровье, я считаю себя способным работать по водному транспорту» - как же он, полярный моряк, тосковал в этих степях! Не разрешили, конечно. В

новые времена, в 1957 году, он просит о реабилитации, из того же Кустаная, от которого до знакомого как дом Карского моря почти 3000 километров. В феврале 1958 года, через 20 лет после сломавшего ему жизнь ареста, 72-летний морской капитан был реабилитирован.

З.Каневский писал [12], что в 1937 году «сгинул» заместитель Самойловича, комиссар экспедиции военный морской инженер эстонец Пауль Юрьевич Орас. Найти документальных подтверждений ареста долго не удавалось, пока не вышли в свет «Сталинские расстрельные списки» [8]. 12 сентября 1938 года Сталин, Молотов и Жданов визируют представленный НКВД «Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР» по Ленинградской области. Под номером 87 в списке из 137-ми фамилий, отнесенных к 1-й категории, значится Пауль Юрьевич Орас. Отнесение к 1-й категории означало приговор к расстрелу, но «ежовщина» сменилась «бериевщиной» и на её первых порах разгул репрессий немного поутих. Выездная сессия ВКВС в Ленинграде рассмотрела дело П.Ю.Ораса и других членов «вредительской антисоветской организации, существовавшей в оборонной промышленности, ... которая проводила подрывную работу в области строительства Военно-Морского Флота» лишь 30 мая 1940 года, когда бывший «красинский» комиссар отсидел в «Большом доме» почти три года, в самом начале заключения встретив в нём своё сорокалетие. На момент ареста он был начальником отдела Главка Наркомоборонпрома, успев за девять лет, с 1928 по 1937 годы, побыть председателем Научно-технического комитета Военно-Морских Сил РККА и военно-морским атташе в Италии и США, а до экспедиции на «Красине» успел покомандовать крейсером «Адмирал Макаров» и послужить военно-морским атташе в Швеции. Впрочем, хорошо знакомые с западными источниками Д.Вронская и В.Чугуев [6] пишут, что должность военно-морского атташе (в Турции, Швеции, Норвегии и Греции) была для П.Ю.Ораса, кадрового сотрудника иностранного отдела ОГПУ-НКВД, прикрытием, главной же его задачей в этих странах было создание шпионской сети, но везде он был разоблачён и объявлялся «персона нон грата». Похоже, его участие в экспедиции на «Красине» было своеобразным отдыхом от шпионских занятий, который предоставило ему руководство Иностранного отдела ОГПУ. Он, как уже

стало положено политработникам, написал предисловие к первой «официальной» книге об экспедиции [22], вышедшей в свет через несколько месяцев после возвращения ледокола в Ленинград. Естественно, его большая статья есть и в сборнике статей участников экспедиции [21]. А в начале 1960-х годов в архиве почему-то Министерства внешней торговли СССР был обнаружен «красинский» дневник П.Ю.Ораса и в 1963 году частично опубликован в журнале «Вокруг света» [13]. Публикаторы не могли знать о судьбе автора дневника, а в 1940 году то ли ослабление репрессий, то ли нежелание «разбазаривать» сильно прореженные расстрелами ряды квалифицированных специалистов привело к тому, что Военная Коллегия приговорила его не к предусмотренному расстрелу, а к десяти годам заключения. Инженер Орас был перевезён на другой берег Невы, в тюрьму «Кресты», и влился в коллектив коллег - заключённых Специального конструкторского бюро Военно-Морского Флота, в просторечии - «шарашки». С началом войны СКБ было эвакуировано в город Зеленодольск близ Казани, а затем - в Москву, где, как позже сообщили жене Пауля Юрьевича, он умер в 1943 году. Его коллеги завершили вскоре важную конструкторскую разработку, были досрочно освобождены и получили Сталинские премии.

П.Ю.Орас [23]

Девять участников легендарного рейса «Красина» (кроме Самойловича) были в кровавой чехарде 1937-1938 годов расстреляны.

Эдуард Янович Чанов (Чаун), 52-х лет, уроженец Латвии, кочегар (пока «Красин» ходил на ремонт в Норвегию, был оставлен в Кингсбее помогать экипажу Чухновского в ремонте самолёта), стал четвёртым помощником капитана пароходства, осуждён за «шпионаж», расстрелян 29 декабря 1937 г.

Вильгельм Христофорович Финкенфус, 45-ти лет, уроженец Латвии, тоже «красинский» кочегар, и в 1937 году - кочегар на заводе, за «шпионаж», «диверсии» и «участие в контрреволюционной организации» расстрелян 4 января 1938 г.

Павел Андреевич Крастин, 40-ка лет, уроженец Латвии, машинист «Красина», стал судовым механиком, обвинён в «шпионаже» и «участии в контрреволюционной организации», 17 января 1938 г. приговорён к расстрелу, дата приведения приговора в исполнение неизвестна.

Кристиан Касперович Розенталь, 42-х лет, уроженец Курляндской губ. (Эстония), кочегар «Красина», в 1937 году - кочегар «Ермака», тоже 17 января 1938 года приговорён за «шпионаж» к высшей мере наказания, дата расстрела неизвестна.

Иван Георгиевич Экштейн, 41-го года, уроженец Латвии, старший радиотелеграфист, красинский «маркони», владевший несколькими языками, блестяще организовавший работу его старенькой судовой радиостанции, все два месяца экспедиции читавший «Робинзона Крузо», а все дни пути от «Красной палатки» до Кингсбея поивший коллегу Бьянджи спиртом с клюквенным сиропом, к 1937 году стал инженером по радиосвязи. Наверное, к тому времени он привёл в порядок свой фирменный китель, с которого девять лет назад падали на сувениры туристы с «Монте-Сервантеса» оборвали все пуговицы и нашивки [27]. За «вредительство», «диверсии», «участие в контрреволюционной организации» осуждён к расстрелу, приговор приведён в исполнение 18 января 1938 г. (совпадение даты трех последних приговоров может навести на мысль о групповом «деле», направленном именно против «красинцев», но, судя по номерам дел, каждый из них проходил «персонально»).

Ганс Яковлевич Веске, 57-ми лет, уроженец Эстонии, старший машинист «Красина», в 1938 году - слесарь, обвинение - «контрреволюционная пропаганда», расстрелян 28 июля 1938 года.

Гуго Петрович Майер, 40-ка лет, уроженец Лифляндской

губернии (Латвия), старший машинист «Красина», в 1938 году - судовой механик, обвинение - «шпионаж», 28 августа 1938 г. приговорён к высшей мере, дата расстрела неизвестна.

Борис Михайлович Бачманов, 45-ти лет, потомственный моряк из Кронштадта, второй помощник капитана и ревизор «Красина», по мнению Самойловича [23] - один из лучших моряков Ленинградского порта, «добрый и симпатичный, но всегда небритый», к аресту - штурман дальнего плавания. Обвинён в «подстрекательстве и пособничестве», «совершении террористических актов», «контрреволюционной пропаганде», «участии в контрреволюционной организации», расстрелян 6 сентября 1938 года.

Все эти люди были осуждены даже не ОСО или «тройкой», а просто по «Протоколу НКВД СССР». Разумеется, все упоминаемые нами здесь люди были реабилитированы в 1955-1995 годах.

Иван Павлович Панов, 53-х лет, повар на «Красине», в 1938 году - «руководящий повар» (так в деле) Ленинградского Военно-Морского учебного пункта, обвинение - «шпионаж» («с 1923 года являлся агентом немецкой разведки»). Вообще у автора блюд, которыми отъедались изголодавшиеся итальянцы, судьба бурная: крестьянский сын из Тверской губернии, он дважды - в 1923 и 1933 годах - исключался из партии, в 1933-м был арестован по обвинению в растрате трёх тысяч рублей (при этом обвинён по статье 58-7: «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения...») и дело вел Особый отдел ОГПУ Морских сил Балтийского моря, через месяц, впрочем, его прекративший. В 1936 году Панов все-таки осуждён «за растрату» на два года и арестован почти сразу после освобождения, 14 июня 1938 года. 27 октября Особой Тройкой (были и такие) УНКВД Ленинградской области приговорён к расстрелу, приговор приведён в исполнение 31 октября.

Уже «в условиях военного времени» замечен был в «контрреволюционной агитации и пропаганде» 49-летний уроженец Тульской губернии, бывший кочегар «Красина» Аким Тихонович Алимов и трибуналом Ленинградского морского гарнизона 25 сентября 1941 года приговорён к расстрелу.

Сделаем попытку анализа скорбного «красинского» списка, тем более, что по хронологии репрессий он весьма характерен

(1931-1941 гг.), а социальный состав экспедиции близок к социальному составу промышленной части советского общества, лишь в силу специфики «производства» завышен процент «интеллигенции» (руководство экспедиции, лётчики, журналисты, комсостав корабля). «Интеллигентов» на «Красине» 24 человека, специалистов среднего звена - 40 человек, «пролетариата» (матросы, кочегары, уборщики) - 70 человек. По странному совпадению, в каждой группе репрессировано по шесть человек, но среди интеллиген-

Команда «Красина» [22]

тов» это каждый четвёртый, среди «техников» - каждый седьмой, среди «пролетариата» - каждый двенадцатый, десятеро из репрессированных - члены машинной команды, своим непосильным трудом обеспечившие успех экспедиции. Национальный состав репрессированных - семь русских, два еврея и неожиданно много - девять - выходцев из стран Прибалтики, что отражает не только состав команд кораблей Ленинградского порта, но и направлен-

ность тогдашних репрессий против уроженцев соседних балтийских стран. По возрастному составу: к моменту репрессии в возрастном интервале 21-30 лет - один человек, 31-40 - трое, 41-50 - восьмеро и 51-60 лет - шестеро. Из восемнадцати человек, приговоры которым известны, расстреляны одиннадцать, один приговорён к десяти годам заключения, двое - к восьми, двое - к пяти, двое были сосланы.

И ещё судьбы, имеющие к «Красину» и «Италии» прямое отношение. Радист-любитель Николай Рейнгольдович Шмидт осуществил свою мечту - стал инженером-радиостом и жил только любимым делом - в Ташкенте руководил мастерскими связи. 5 декабря 1941 года по доносам соседей он был арестован и обвинён в антисоветской агитации в военное время (ст. 66, ч. II УК Узбекской ССР): «высказывал пораженческие взгляды, клеветал по адресу вождя народов, распространял провокационные сообщения фашистских радиостанций». Кстати, документы об аресте и осуждении подписаны тогдашним наркомом внутренних дел Узбекистана А.З.Кобуловым, расстрелянным в 1953 году вместе с Берия. Н.Р.Шмидт виновным себя не признал, но через девять месяцев следствия, 1 августа 1942 года, Постановлением ОСО приговорён к расстрелу и 26 августа - расстрелян. В Постановлении ОСО есть пункт: «Лично принадлежащее имущество конфисковать». К кому попали золотые часы, в 1928 году торжественно вручённые радисту-любителю в Большом театре в Москве? В 1983 году, в не лучшие для таких обращений времена, редакция журнала «Радио» выступила с ходатайством перед Генеральным прокурором СССР о пересмотре дела Н.Р.Шмидта, предварительно на свой страх и риск опубликовав о нём статью [7]. После четырёхмесячного расследования Верховный Суд Узбекской ССР Постановление ОСО отменил и дело прекратил «за отсутствием состава преступления».

А за четыре года до расстрела Н.Р.Шмидта, 29 августа 1938 года, по обвинению «в создании контрреволюционной организации, шпионаже и подготовке террористических актов» был расстрелян большевик с дореволюционным стажем И.С.Уншлихт. Членами его Комиссии по спасению «Италии» были журналист М.Е.Кольцов и лётчик Я.И.Алкснис, тоже расстрелянные.

А главный герой - ледокол «Красин», до 1927-го года «Свято-

гор», спущенный с английских стапелей 1 января 1917-го года, в 1918 году затопленный «красными Нахимовыми» в устье Северной Двины, чтобы не дать англичанам подойти к Архангельску?

Н.Р.Шмидт [29]

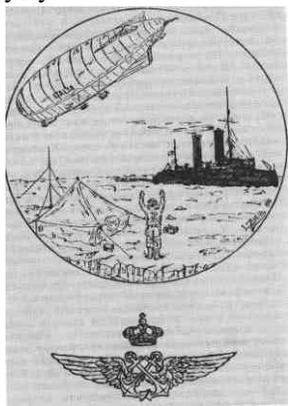
Англичане его подняли и отремонтировали, в 1922 году стараниями торгпреда в Англии Л.Б.Красина он был выкуплен Советской Россией. До войны «Красин», улучшенный двойник «Ермака», был одним из линейных ледоколов Главсевморпути, участвовал в проводке караванов и в гидрографических экспедициях. Впрочем, есть в его биографии и не лучшие страницы: он возил заключённых на Вайгач и пробивал путь караванам дальстроя «зековозов» в Охотском море. В 1941 году «Красин» ремонтировался в США, был заодно переоборудован под лёгкий крейсер, в 1942-м увёл от немецкого рейдера большой караван судов в недоступные «Адмиралу Шееру» льды пролива Вилькицкого [15]. Избежав гибели в северных конвоях 1942 года, "Красин", считавшийся самым мощным ледоколом Арктики, продолжал быть «рабочей лошадкой», в начале 1950-х - реконструирован: угольные котлы переделаны под мазут, поставлено современное навигационное оборудование, вместо двух прямых «самоварных» труб появилась одна, наклонная, заменена обшивка корпуса, но палуба, каюты, кубрики остались прежними. Когда на смену детищам адмирала

Макарова пришли ледоколы нового поколения, атомные, «Красин» ещё несколько лет работал как электростанция на приколе для геологов на Шпицбергене и наконец в 1989 году отправлен гнить на задворки ленинградского порта. С приходом в Россию «рынка» - куплен за бесценок какой-то фирмой и был уже почти отправлен на металлолом в США, как вдруг «общественность» проснулась. Питерцы хорошо помнят битву за «Красина» в 1991-1993 годах, его возвращение в собственность нищего города, ремонт на Адмиралтейском заводе благодаря энтузиазму его работников. «Красин» стал уникальным музеем-ледоколом, готовым к плаванию - это при его-то столь почтенном возрасте! Правда, выйти в море он не может - нет денег на топливо, хотя те же итальянцы, пригласившие его в Неаполь в 1998 году, готовы были оплатить портовые сборы и топливо на обратный рейс - только дойдите до нас! Сейчас, после недавней кончины капитана и директора музея «Красина» Льва Юльевича Бурака, энтузиазмом которого «Красин» и стал сегодняшним «Красиным», перспективы стали ещё менее радужными. Любой желающий может посетить легендарный ледокол, добравшись до нижнего конца набережной Невы на Васильевском острове. В 2001 году «Красин» (вместе с крейсером «Аврора») принят в Ассоциацию исторических морских кораблей, став 157-м его членом из девятой страны. Вокруг ледокола-музея кипели и политические страстишки: в поисках «общенациональной идеи» его планировали было поставить на место «Авроры» - и фигурально, и фактически.

Судьбы героев - людей оказались куда менее счастливыми, и их скорбный список ещё, наверное, не полон, судьба многих не выяснена. Благополучных судеб известно не много. Спокойно и безвестно дожил свой век в Москве «самый знаменитый в мире человек 1928-го года» орденосец Чухновский, в Ленинграде - хозяин «Красина» боцман Игнатий Кудзелько, в Эстонии - второй помощник капитана, спокойный и добродушный Август Бренккопф. Стал одним из лучших полярных летчиков и Героем Советского Союза лётчик-наблюдатель Чухновского А.Д.Алексеев, а вот 2-й пилот «Юнкерса» Георгий (Джонни) Страубе, человек удивительного обаяния, умер от голода в блокадном Ленинграде. Капитан Эгге сдал «Красин» своему старпому Павлу Пономареву, который им и командовал пять лет. В 1959 году П.А.Пономарев, опытной-

ший полярный капитан, принял командование над только что сошедшим со стапелей первым в мире атомным ледоколом «Ленин». Среди вышедших после экспедиции книг журналистов была и небольшая книга корреспондента ТАСС и «Известий» Николая Шпанова [28]. К началу 1940-х он стал широко известен книгами о грядущих быстрых победах Красной Армии, через десять лет он был официально объявлен «известным советским писателем», и люди старших поколений помнят, наверное, его «Поджигателей», «Заговорщиков» - про происки американского империализма. Известным писателем стал и Эмиль Миндлин, в 1929 году издавший о походе «Красина» две книги, одну из них - для малышей [16; 17]. Снова к этой теме он вернулся в 1961 году, глава о походе «Красина» вошла в книгу его интересных литературных воспоминаний «Необыкновенные собеседники» [18]. В 1928 году газета «Батрак» издала маленькую книжечку Л.А.Воронцовой (она была командирована на «Красин» газетой «Труд» под видом радиста-стажёра, хотя ничего в радиоделе не понимала), на следующий год вышла ещё одна её книга о путешествии [5]. Она продолжила свою литературную деятельность: в 1959 году в серии «ЖЗЛ» вышла её книга о Софье Ковалевской. Судьба же большинства «простых» героев-«красинцев» - неизвестна.

Это - судьбы спасателей. А каковы судьбы спасённых - членов экипажа «Италии», участников экспедиции, отнюдь не прибавившей престижа режиму дуче?

*Почтовая открытка, выпущенная в Италии
в честь спасения экипажа «Италии» [4]*

Генерал Умберто Нобиле после провала пропагандистской экспедиции и тёмной истории с вылетом со льдины стал власти неинтересен, тем более, что особым поклонником фашизма никогда не был. Его «дело» долго разбирала специальная комиссия, так и не принявшая однозначного решения («поступок генерала имеет объяснение, но не оправдание»). Отправленного в отставку обиженного тщеславного генерала, действительно талантливого конструктора и организатора, приютил Советский Союз, принявший амбициозную программу строительства армады дирижаблей: 425(!) за пять лет. В стране был голод, но начальник Дирижаблестроя Пурмаль заверил Нобиле: «За деньгами дело не станет. Сколько понадобится, столько достанем!». Под Москвой, в Долгопрудном, был создан институт и завод, которыми Нобиле, числившийся консультантом Дирижаблестроя, и руководил до конца 1936 года, сконструировав, между прочим, дирижабль «Осоавиахим», установивший мировой рекорд длительности полёта (130,5 часа).

У.Нобиле с любимой Тинтиной в 1928 г. [4]

Поначалу генерал был обихожен властью - в РГАЭ хранятся удивительные свидетельства ухаживания коммунистов за недавним фашистским генералом - но потом дело по ряду причин, прежде всего потому, что «лучший друг советских лётчиков» в дирижаблях разочаровался, постепенно хирело, и Нобиле остался не у дел. Понимания у дуче он не нашёл и в 1939 году уехал в США, откуда

снова вернулся на родину после падения Муссолини. Недолго был депутатом парламента, избранным по списку коммунистической партии, но так в неё и не вступил. Политическая его карьера не удалась, написанные им книги о принципах конституции и о будущем человечества остались незамеченными, и он ушёл на преподавательскую работу. С 1954 года посвятил себя литературе, в основном - написанию воспоминаний об экспедиции 1928-го года, всё больше становившейся историей [19; 20]. Генерал скончался в Риме в 1978 году, 92-х лет от роду, прожив интересную, непростую, но в общем благополучную жизнь.

Геофизик экспедиции, чех Франтишек Бегоунк был первым её летописцем, его книга увидела свет (в том числе в русском переводе) уже в 1928 году [2], новую и более полную книгу о той же экспедиции он написал уже на склоне лет [3]. Он же обобщил научные результаты злосчастной экспедиции и уже в социалистической Чехословакии стал вице-президентом Академии наук и скончался 1-го января 1973 года. Заместитель Нобиле капитан Марианно, которому ещё на Шпицбергене пришлось ампутировать обмороженную ногу, сразу после возвращения на родину был назначен префектом столицы Сицилии Палермо, честно служил режиму и ушёл в отставку после высадки на остров союзников летом 1943 года в адмиральском чине. Всю жизнь его мучили журналисты и историки, уговаривая открыть «тайну» гибели Мальгрема, но безуспешно. Его напарник по безрассудному походу коммодор Цаппи, высокомерие и надменность которого поражала его спасителей, а некоторые детали поведения вызывали в отношении него серьёзные подозрения в обстоятельствах гибели Мальгрема и в плачевном состоянии Марианно, был назначен консулом в Китай, дослужился до посла и умер в 1961 году. Радист Бьянджи вскоре после возвращения из Арктики написал искреннюю бесхитростную книгу о полёте «Италии», быстро изъятую из продажи фашистскими властями (не правда ли, что-то знакомое?). Во время войны несколько партизанских отрядов в Италии носили имя Бьянджи и Шмидта; кому же здесь могло прийти в голову, что Шмидт - «пособник фашизма». Бьянджи же умудрился попасть в плен к англичанам, которые увезли его в Индию; вернувшись на родину, бывший сержант подрабатывал к скромной пенсии на бензоколонке под Римом и умер в 1965 году. Написал воспоминания

об экспедиции и лейтенант Альфредо Вальери, ставший в «Красной палатке» после отлета Нобиле старшим и дослужившийся до контр-адмирала. Выйдя в отставку, он стал президентом всемирно известного Океанографического института в Монако. В 1950-х годах ещё одна книга была написана инженером Феличе Трояни, который работал с Нобиле в СССР, руководя проектированием уже советских дирижаблей, побывал в эмиграции в Бразилии и вернулся доживать свой век на родину (книги Бьянджи, Вальери и Трояни на русском языке не изданы). Механик Натали Чечони кончил свои дни фермером в окрестностях Рима.

Ежегодно в начале марта в Музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге собираются ветераны «Ермака», «Красина» и «Таймыра». Вспоминают ли они у палатки бывшего крымского чекиста И.Папанина о своих друзьях, погибших не в море, а в подвалах НКВД и на островах архипелага ГУЛАГ?

Литература

1. *Бадигин К.* Три зимовки во льдах Арктики. М.: Мол. гвардия, 1950.
2. *Бегоунек Ф.* 7 недель в полярных льдах. Л.: Красная газета, 1928.
3. *Бегоунек Ф.* Трагедия в Ледовитом океане. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
4. *Броуде Б.Т.* Умберто Нобиле (1885-1978). СПб.: Наука, 1992.
5. *Воронцова Л.* На 81 градусе северной широты. Л.: Красная газета, 1929.
6. *Вронская Д., Чугуев В.* Кто есть кто в России и бывшем СССР. М.: Терра, 1994.
7. *Григорьева Н.* О нём говорил весь мир // Радио. 1983. № 9.
8. Жертвы политического террора в СССР. М.: Звенья, 2004. (Электрон. изд. на компакт-дисках).
9. История открытия и освоения Северного морского пути: Т. 3, Л.: Гидрометеоиздат, 1969.
10. *Каневский З.М.* Директор Арктики. М.: Политиздат, 1977.
11. *Каневский З.М.* Вся жизнь - экспедиция. М.: Мысль, 1982.
12. *Каневский З.* Загадки и трагедии Арктики. М.: Знание,

1991.

13. Красный флаг в Арктике» / Подгот. *Н.Баринов, Б.Герасимов*// Вокруг света. 1963. № 11.

14. *Лактионов Ф.Ф. Р.Л.Самойлович* - выдающийся арктический исследователь //Известия Всесоюзного Географического общества. 1962. № 6.

15. *Мерт Н.А.* «Красин» в боевом походе. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976.

16. *Миндлин Эм.* «Красин» во льдах: Рассказал для малышей участник похода «Красина» Эм.Миндлин. М.: Госиздат, 1929.

17. *Миндлин Эм.* На «Красине»: Повесть о днях красинского похода. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929.

18. *Миндлин Эм.* Необыкновенные собеседники. М.: Сов. писатель, 1961.

19. *Нобиле У.* Красная палатка: Воспоминания о снеге и огне. М.: Прогресс, 1979.

20. *Нобиле У.* Крылья над полюсом: История покорения Арктики воздушным путем. М.: Мысль, 1984.

21. Поход «Красина»: Сб. статей участников экспедиции / Под ред. *Р.Л.Самойловича*. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930.

22. *Самойлович Р.Л.* Первый поход «Красина». М.: Изд-во Осоавиахима, 1928.

23. *Самойлович Р.Л.* Во льдах Арктики: Поход «Красина» летом 1928 года, Л.: Прибой, 1930; Переизд.: SOS в Арктике. Экспедиция «Красина», Берлин: Петрополис, 1930; Во льдах Арктики: Поход «Красина» летом 1928 года. Л.: ВАИ, 1934.

24. *Самойлович Р.Л.* На спасение экспедиции Нобиле: Поход «Красина» летом 1928 г. Л.: Гидрометеиздат, 1967.

25. *Симонов К.* Стихи и поэмы. 1936-1954. М.: Гослитиздат, 1955.

26. *Смирнов А.* Старая норвежка знает тайну гибели Амундсена// Новые известия. 9 августа 2002 г.

27. *Ходов В.В., Григорьева Н.А.* Дороги за горизонт. М.: Мысль, 1981.

28. *Шпанов Н.* Во льды за «Италией». М.; Л., 1929.

29. *Южин Д.* С «Красиным» на спасение «Италии». Л.: Красная газета, 1928.

Сведения о репрессиях получены по запросам НИПЦ «Мемориал» (Москва) из Центрального архива ФСБ РФ, из архивов Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, Информационных центров МВД Республики Карелия, ГУВД г. Санкт-Петербурга и УВД Магаданской области, Центра правовой статистики и информации при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Службы национальной безопасности Республики Узбекистан. Используются материалы фондов Российского Государственного архива экономики (Москва), Роскомгидромета (Магадан), ОАО «Магаданский морской порт» и Архива НИПЦ «Мемориал» (Москва). Всем этим организациям и их сотрудникам автор выражает свою искреннюю признательность и глубокую благодарность.

**ЧЕЛЮСКИНСКАЯ ЭПОПЕЯ - ИСТОРИЧЕСКАЯ
МИФОЛОГИЯ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИИ ***
(версии и трактовки некоторых событий)

Челюскинская эпопея - одно из немногих событий советской истории, оставшееся нетронутым её критиками и «ниспровергателями». Она и сейчас воспринимается такой, какой была создана в умах и настроении современников 70 лет назад советской пропагандой. Исторические мифотворцы сумели лишь косвенно использовать её в создании легенды о пароходе «Пижма», якобы шедшем вместе с «Челюскиным» с двумя тысячами заключённых на борту, которых Сталин лично приказал утопить вместе с кораблём. Легенда была создана абсолютно безграмотно, что не помешало СМИ насытить юбилейные (к 70-летию «Челюскинской эпопеи» в 2004 году) статьи и передачи новомодными теперь «историческими тайнами». Второй лейтмотив юбилея был столь же новомоден: патриотизм («нам есть чем гордиться в своей истории!»).

Между тем «эпопея» продолжает, за очень редким исключением (см., например, статью В.Корякина - [16]), изучаться и трактоваться как событие изолированное, вырванное из исторического контекста, из многообразия исторических событий того времени в СССР и в мире. Но по прошествии времени, при изменении восприятия советской истории, особенно бросается в глаза та пропагандистская, выходящая за рамки разумного, кампания, развернутая вокруг этого, пусть и неординарного события. Впрочем, удивляла она и современников. Свидетельства этого удивления наших соотечественников, да ещё с критическим оттенком, по понятным причинам вряд ли будут найдены, мнение же иностранцев в собственном ему ироническом тоне хорошо выразил Бернард Шоу, сказавший послу СССР в Лондоне Ивану Майскому: «Что вы за страна! Полярную трагедию вы превратили в национальное торжество, на роль главного героя ледовой драмы нашли настоящего Деда Мороза с большой бородой. Уверяю Вас, что борода Шмид-

* В сокращённом виде опубликовано в альманахе «Предлог» (Москва, 2006 г., № 12).

та завоевала вам тысячи новых друзей» (*цит. по* [8, с. 505]) . Это часто цитируемое высказывание обычно трактуется как восхищение, однако достаточно вспомнить исторический фон в СССР начала 1930-х годов, чтобы обратить внимание на оттенок язвительности высказывания известного своим жёлчным юмором писателя. Напомним, что всего два года назад завершился «великий перелом» в деревне - коллективизация, сопровождавшаяся невиданным в человеческой истории насилием, жертвами которого были миллионы. Только в начале того самого 1933-го года, в котором была организована экспедиция «Челюскина», завершился голодомор на Украине, унёсший миллионы жизней. Отнюдь не единичными были и политические репрессии, не говоря уже о наказаниях по таким актам, как знаменитый указ «семь восьмых» 1932 года («указ о колосках») (*Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 года. Оно было прежде всего направлено на борьбу с миллионами голодавших на юге России и в Украине, против их попыток добыть хоть какое-то пропитание, в том числе собирая оставшиеся на полях после жатвы колоски пшеницы и других зерновых, что и дало народное название этой драконовской мере. -Прим. автора и редактора).*

В стране и в мире росло понимание того, что человеческая жизнь в стране трудящихся имеет нулевую цену. Если мнение советских граждан уже мало волновало партийно-государственную верхушку (через четыре года, в разгар террора, самой официально-популярной песней станет «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» - слова В.Лебедева-Кумача, музыка И.Дунаевского), то мнение зарубежной общественности и правительств советское руководство всё же волновало - памятно было европейское эмбарго на советский лес, введённое после появления первых сведений о рабском труде заключённых расползшихся по Беломорью Соловецких лагерей. Несомненно, лозунг, под которым шла организация спасения челюскинцев: «Советская родина не оставит в беде своих сыновей и дочерей!», объективно «работал» на опровержение нараставших сомнений в гуманности первого в мире государства рабочих и крестьян. Вряд ли подобная пропагандистская установка была зафиксирована в документах, хотя материа-

лы ЦК партии, связанные с деятельностью комиссии В.В.Куйбышева по спасению челюскинцев, как и документы самой комиссии, насколько известно, в архивах не искались и не анализировались. Ироничное «Борода Шмидта завоевала Вам тысячи новых друзей!» отражало реальность: успех беспрецедентной пропагандистской компании.

Плакат 1934 г. Худож. П.Соколов-Скаля

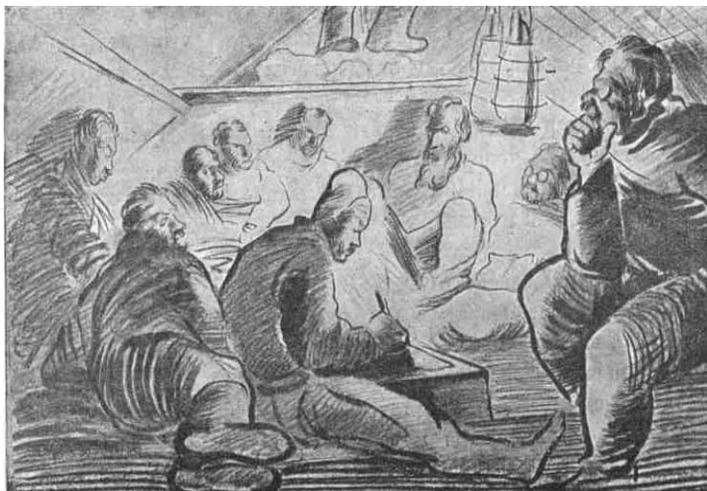
Между тем даже весьма поверхностное знакомство с архивными делами, касающимися экспедиции на «Челюскине», более внимательный анализ многочисленных публикаций 1930-х годов о «челюскинской эпопее» и хронологически близких ей событий в Восточной Арктике [1, 6, 16, 18], наконец, изучение архивов некоторых государственных учреждений (Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел) убеждает в том, что если не тайн, то неясностей и недоговорённостей в этой истории более чем достаточно. Уже сейчас есть возможность обратить внимание на некоторые из этих неточностей и недоговорённостей и наметить пути дальнейшего объективного изучения истории «челюскинской эпопеи».

* * *

Некоторые её черты носят характер исторических анекдотов. Корабль, ставший одним из символов истории СССР, как выясняется, на момент гибели формально не имел права на ношение государственного флага страны. Пароход «Лена», сразу после постройки переданный недавно созданному Главному управлению Северного морского пути, одновременно со сменой названия на «Челюскин», получил и порт приписки - Владивосток. Однако первым советским портом, куда пришел из Копенгагена «Челюскин», был Ленинград. Именно Ленинградский порт в соответствии с законом выдал кораблю «Временное свидетельство на право плавания под флагом С.С.С.Р.» сроком на шесть месяцев, который истекал 11 января 1934 года. Согласно этому документу, «... до истечения указанного срока пароход должен явиться во Владивостокский порт для выполнения законного порядка регистрации и получения свидетельства на право плавания под флагом С.С.С.Р. В случае неявки судна «Челюскин» до истечения указанного срока во Владивостокский порт судно лишается права на дальнейшее плавание под флагом С.С.С.Р.» (этот документ хранится в фондах Музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге). Значит, 11 января 1934 года капитан В.И.Воронин был обязан спустить советский флаг, ибо теоретически с 12 января ему могло быть предъявлено обвинение по статье 93 Уголовного кодекса - «Подъем на морском торговом судне флага Союза ССР без права на этот флаг по закону» [32, с. 37]. Видимо, борьба за жизнь людей и судна напрочь вытеснила из головы капитана вопрос о государственной принадлежности корабля. Во всяком случае, среди сотен радиограмм с «Челюскина» радиограммы с просьбой продлить «Свидетельство» и разрешающей это радиограммы обнаружено не было. Кроме того, выдача такого свидетельства говорит об абсолютной уверенности руководства Главсевморпути и экспедиции в её успехе - уверенности мало обоснованной на стадии подготовки «сквозного плавания Северо-Восточным проходом» (так чаще всего именовалась экспедиция в документах Главсевморпути).

Героизм, сплочённость челюскинцев, понимание ими своей миссии стали общими местами, даже банальностями в челюскинской истории. Теперь практически не упоминается резкий конф-

ликт, возникший в ледовом лагере в первые дни его существования, когда большая часть оказавшихся в экстремальной ситуации сугубо сухопутных людей, с Арктикой совершенно не знакомых, прежде всего - строителей, стали настаивать на походе к материку. Видимо, конфликт достиг столь острой формы, что Отто Юльевичу Шмидту пришлось взять в руки винтовку и пригрозить пустить пулю в того, кто сделает попытку покинуть лагерь. Потом уже, когда все более или менее успокоились, удалось, проведя расчёты такого похода, убедить людей в его нецелесообразности. Тем не менее, первое заседание бюро партийной ячейки экспедиции после катастрофы было посвящено обсуждению «угнетённого состояния» членов экспедиции и способов его преодоления - «личным примером коммунистов» и контролем настроения в каждой палатке и в бараке «партийными информаторами» (в наше время их бы сгоряча называли «стукачами»).

Заседание бюро ячейки ВКП(б). Рис. Ф.Решетникова [22, т. 2]

Среди «Анкет награждённых» (а заполняли их челюскинцы «задним числом», на другой день после церемонии награждения в Кремле), после некоторых усилий обнаруженных в фондах наградного сектора ЦИК, есть и анкета плотника Фёдора Скворцова. В поезде по дороге в Москву он подает в партиячку «Челюскина» заявление о приёме в партию, написанное соответствующим

участнику героического события языком: «Я окончательно понял, что такое партия и как она руководит», и решением бюро ячейки рекомендован в кандидаты по высокой 2-й категории, как и секретарь комсомольской ячейки Погосов (в те времена категории для кандидатов определяли срок кандидатского стажа и, следовательно, очерёдность приёма в партию, в определённой степени - уровень политического доверия кандидату). И вот один из лучших, надо полагать, челюскинцев в графе анкеты «Место работы и должность» пишет буквально следующее: «В экспедиции на «Челюскине» (для постройки дачи Врангеля)». Честно говоря, неясно, как трактовать такую запись: то ли некоторые челюскинцы более чем смутно представляли себе цели экспедиции, то ли 28-летний ивановский крестьянин обладал незаурядным, но и весьма рискованным чувством юмора. Совсем по-другому тогда прочитывается и фраза из его заявления. Во всяком случае, этот маленький мазок несколько изменяет оттенки в групповом портрете челюскинцев.

* * *

В последнее время часто ставится вопрос о пригодности «Челюскина» для плавания в тяжёлых условиях Арктики. Известно мнение капитана «Челюскина» В.И.Воронина о непригодности судна для таких плаваний, столь категоричное, что он даже отказывался принять командование над ним и стал капитаном «Челюскина» лишь в результате нехитрой, но и - этически сомнительной интриги руководителя экспедиции О.Ю.Шмидта, который уже прошёл с Ворониным Северный морской путь на «Сибирякове» в 1932 году и, конечно, хотел видеть на мостике самого опытного в то время полярного капитана (Воронин согласился провести корабль только до Мурманска, поверив обещанию Шмидта найти ему замену, чего Шмидт даже не пытался сделать [18]). Однако скольнибудь квалифицированной оценки пригодности «Челюскина» до сих пор не сделано. Между тем среди архивных дел экспедиции хранится «Акт приёмки парохода», составленный 17 июля 1933 года, когда «Челюскин» уже вышел из Ленинграда в Мурманск. Он содержит 66 замечаний по доводке корабля (корпус и такелаж) и 70 замечаний - по машине. Разумеется, необходима профессиональная экспертиза инженеров-кораблестроителей серьёзности выявленных недоделок и брака, оценка возможности их устранения во

время плавания. Любопытна и разная классификация типа судна «Челюскина» в официальных изданиях (энциклопедиях) разных лет, хотя нигде он не именуется ледоколом, как его упорно называют многие нынешние журналисты, однако - вслед за первыми руководителями Севморпути. В 1-м издании БСЭ (её главным редактором был О.Ю.Шмидт, том вышел в свет в январе 1934 года - [2]) о «Челюскине» говорится как о пароходе, построенном в Дании по заказу Морфлота СССР специально для обслуживания Чукотско-Анадырского побережья, т.е. для районов со сложной ледовой обстановкой. Во 2-м издании 1957 года [3] о «Челюскине» говорится как о пароходе неледокольного типа, а в 3-м, 1978 года [4] - как просто о пароходе. Просто как о пароходе говорится о «Челюскине» в «Краткой географической энциклопедии» 1964 года [17] и в «Советском Энциклопедическом словаре» 1983 года [30].

* * *

Как ни удивительно, пришлось столкнуться с тем, что каноническая цифра - 104 «героя-челюскинца» - неверна. В том же 1-м издании БСЭ [2] указана цифра 176 человек, «в т.ч. 51 член экипажа, остальные - научный и корреспондентский состав, смена зимовщиков для острова Врангеля и обслуживающий персонал». Однако Воронин в «Рейсовом донесении» [18], а за ним и все последующие публикации, говорят о наличии на борту при выходе из Мурманска 111-ти человек: «52 члена команды, 29 человек экспедиционного состава, 29 человек зимовщиков и плотников для острова Врангеля и девочка Алла (Буйко)». Как видим, разночтения в численности команды практически нет, а вот разница в количестве экспедиционных работников и зимовщиков - 66 человек. При изучении документов по подготовке экспедиции, хранящихся в Российском Государственном архиве экономики в фонде Главсевморпути (фонд 9570, оп. 2, всего 12 дел) обнаружилось, что общего списка членов экспедиции, зимовщиков и строителей попросту не существует, есть бессистемный набор списков, предложений, решений. Видимо, делопроизводство в молодом ещё Управлении не было отлажено, а в БСЭ указано планировавшееся на какой-то стадии подготовки рейса количество экспедиционного состава, явно завышенное, ибо для такого количества людей на «Челюскине» попросту не было места.

новский, тем не менее подключившийся в Москве к своему помощнику, оставшемуся на «Челюскине» Аркадию Шафрану, в создании фильма о челюскинской эпопее «Герои Арктики», который получил в 1935 году приз Венецианского международного кинофестиваля. Таким образом, к началу дрейфа на «Челюскине» было 105 человек, в том числе двое детей.

Естественно, что Постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1934 года «О награждении орденом Красной Звезды участников полярного похода «Челюскина» в 1933-1934 гг.» (опубликовано в главных советских газетах 21 апреля) должно включать 103 фамилии, т.е. всех, кроме детей, в том числе погибшего Б.Могилевича. Тем не менее в постановлении их 104, под номером 75 - «Шульман И.П. - студент-исследователь». Нигде больше ни в документах, ни в публикациях, в том числе в списке челюскинцев в 1-м томе известной книги «Поход “Челюскина”» 1934 года издания, этот человек не упоминается. Нет его анкеты и среди анкет награждённых участников экспедиции. Нами даже был запрошен Центральный архив ФСБ, сообщивший, однако, что «в списках личного состава ОГПУ 1933-1934 гг. Шульман И.П. не значится». Лишь при полистном изучении 300-страничного архивного дела удалось обнаружить четвертушку серой бумаги, но с типографской «шапкой» Президиума Центрального Исполнительного Комитета с текстом: «Выписка из протокола № 13 заседания Президиума ЦИК СССР от 31 июля 1935 г. *(т.е. через 15 месяцев после Постановления о награждении и 13 месяцев после самого награждения - Прим. авт.)*. Об исключении из списка награждённых орденом Красной Звезды участников полярной экспедиции на «Челюскине» тов. Шульмана. // Исключить тов. Шульмана как ошибочно включённого в этот список. Подпись: Секретарь ЦИК Акулов». Документ этот был адресован О.Ю.Шмидту. Кто такой был И.П.Шульман и в результате какой и чьей «ошибки» он попал в список, так и осталось загадкой.

Одно из постановлений ЦИК: «О возведении монумента в память полярного похода “Челюскина”» от того же 20 апреля 1934 года так до сих пор и не выполнено. Монумент решено было воздвигнуть в Москве, в Правительственную комиссию по разработке проекта вошли Куйбышев, Енукидзе и Булганин. Куйбышев вскоре умер естественной смертью, Енукидзе - насильственной, а

проживший ещё 40 лет Булганин, даже став Председателем Совета Министров СССР, так и не удосужился исполнить задание высшего органа власти. Единственным памятником эпохе был просуществовавший несколько месяцев макет «Лагеря челюскинцев» на площади перед Казанским собором в Ленинграде.

* * *

Если вернуться к тезису о необходимости рассмотрения челюскинской истории на фоне происходивших в стране процессов, невольно должен возникнуть вопрос: были ли в составе экспедиции люди, так или иначе затронутые уже политическими репрессиями? Этот вопрос стал особенно актуален в связи с возникновением истории злополучной «Пижмы», которой не было, но, предполагая хотя бы некоторую добросовестность мифотворцев, могли же быть заключённые и на самом «Челюскине», вероятнее всего - строители. Как раз в это время ГУЛАГ стал расползаться по стране, прежде всего - по её северным окраинам, и если была Вайгачская экспедиция ОГПУ (Вайгачлаг), то почему не предположить, что начинался и Врангельлаг? Должен признаться, что на первых этапах розысков были основания думать, что так оно и есть и «Челюскин» стал очередным кораблем-«зековозом». Однако, к счастью, эта версия не получила дальнейшего развития. Все приводимые ниже сведения излагаются по материалам архивов ФСБ и МВД, полученным НИПЦ «Мемориал», с привлечением материалов архивных дел, связанных с экспедицией «Челюскина», в фонде Управления Главсевморпути, архива наградного сектора ЦИК СССР в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, фонд 3316), материалов архива НИПЦ «Мемориал», и, естественно, опубликованных материалов. Мы, разумеется, оставляем в стороне как нерешаемый пока вопрос о том, были ли на «Челюскине» тайные сотрудники ОГПУ.

К моменту отплытия на борту «Челюскина» было три человека, в разной степени затронутых развёртывающимися политическими репрессиями. Хорошо известный, доживший почти до наших дней, инженер Ибраим Гафурович Факидов происходил из зажиточной крымско-татарской семьи из Алушты. Он рано лишился отца, только 16-ти лет, в 1922 году выучился грамоте. Через четыре года он порывает с семьёй, едва не попадает в консерваторию по

комсомольской разрядке, но всё же становится физиком. Свои детские годы он провел под надзором старшего (на 6 лет) брата Ибриша. В январе 1929 года Ибриш Гафур Факидов арестован по обвинению в членстве в буржуазно-националистической контрреволюционной организации и призывах к восстанию против Советской власти. Постановлением ОСО ОГПУ от 5 июля 1929 года по трём пунктам 58-й статьи приговорён к высылке в Сибирь сроком на три года. Надо ли говорить о том, что через пять лет по этим пунктам этой статьи однозначно выносился расстрельный приговор? Знал ли младший брат о судьбе старшего, теперь уже вряд ли можно выяснить. Тремя годами высылки в Сибирь дело не обошлось, ибо Ибриш освобожден из мест лишения свободы только в мае 1958 (!) года. Было ли это сплошное 29-летнее заключение, были ли в нём перерывы, какие обвинения и когда ему предъявлялись, выяснить не удалось. Челюскинца же Факидова, ставшего «оборонным физиком», трагический для крымских татар 1944 год застал в Свердловске, и его, одного из немногих представителей этого народа, не коснулась депортация и последующая трагическая судьба.

Заместителями начальника экспедиции О.Ю.Шмидта во всех материалах по подготовке экспедиции значатся И.Л.Баевский и И.А.Копусов. Фамилия заместителя Шмидта по политчасти, Алексея Николаевича Боброва, значит - первого заместителя (что и было зафиксировано фактом его назначения начальником вместо заболевшего и вывезенного Отто Юльевича; впрочем, пробыл он им, как известно, недолго, всего два дня, после чего командовать раскиданными по всей Чукотке челюскинцами стало невозможно, да и сам Бобров заболел), появилась в последние дни перед отплытием. Зачем к О.Ю.Шмидту, коммунисту с 15-летним стажем, советскому учёному новой формации, в помощь которому был назначен практически освобожденный парторг Владимир Задоров, числившийся то ли кочегаром, то ли машинистом, было приставлять замполита, совершенно непонятно. Шмидт был знаком с Бобровым с 1919-го года, со времён совместной работы в Наркомате продовольствия. Не исключено, как станет ясно из последующего, что скорее Боброва послали под надзор Шмидта и Задорова. Уроженец г. Осташкова Тверской губернии (в изданиях о «Челюскине» он назван уроженцем Ленинграда), учился, но не закончил

гимназию, в Санкт-Петербурге. В 19-летнем возрасте, в 1905 году в Нижнем Новгороде Бобров вступает в РСДРП(б) (по другим данным - в 1909 году в эмиграции), состоит в подпольной военной организации (значит - участвует в «эксах», сейчас бы его назвали «террористом»), эмигрирует - типичная жизнь профессионального революционера! Правда, в материалах архива ФСБ есть сведения о перерыве партийного стажа в 1913-1917 годах, т.е. со времени возвращения из эмиграции до революции. В своей «Анкетe награждённого» Бобров образование указывает как незаконченное высшее, специальность - экономист, а вместо производственного стажа немудряще указывает - «профпартработа», стажа, очевидно, не имеющая. Из его биографии в газете «Правда» [23]: «Партия поручает Боброву самую разнообразную работу: он - председатель Орловского губисполкома, советник советского посольства в Персии, зав. иностранным отделом Наркомпути, зам. председателя Всесоюзного объединения “Союзсельмаш”».

5 января 1931 года А.Н.Бобров был арестован ОГПУ «по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пунктом 13 статьи 58 УК», а через месяц по тому же обвинению арестована и его жена Елизавета Ивановна. Нечасто встречающийся 13-й пункт гласит: «Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны влекут за собой меры социальной защиты вплоть до расстрела» [32, с. 22]. Детали обвинения, несмотря на нашу просьбу, ФСБ не сообщило. Однако решением коллегии ОГПУ сначала, 4 декабря 1931 года, после 10-месячного заключения в ленинградском «Большом доме», освобождена Елизавета Ивановна, а еще через три с половиной месяца, 17 марта 1932 года, и сам Алексей Николаевич. Обоснования освобождения в архивной справке ФСБ не приводится. Через год с небольшим несостоявшийся «враг народа» назначается в очень важную, пропагандистски ориентированную экспедицию комиссаром. И вот на первом заседании партячейки после гибели корабля О.Ю.Шмидт «с большой гордостью отмечает величайшую организованность, дисциплину, выдержку и мужество, проявленные всем челюскинским коллективом в момент катастрофы. Очень разнородный по своему составу коллек-

тив челюскинцев тем не менее показал себя единым и сплочённым в ответственный момент экспедиции. Эти блестящие качества челюскинского коллектива в целом - результат семимесячной политической работы, планомерно проводимой во время похода ячейкой ВКП(б), судкомом и прочими общественными организациями челюскинцев. Много сил отдал этой работе А.Н.Бобров», - то есть начальник экспедиции в духе и на языке времени отдаёт положенную дань своему комиссару, а комиссар потом поделился опытом в статье «Воспитание боевого коллектива» [22, т. 2].

Между тем в Москве что-то происходило. В деле № 650 фонда Главсевморпути в ГАРФ обнаружилась датированная 24 января 1934 года радиограмма, резко отличающаяся по адресату и содержанию от остальных: «Москва Кремль Михаилу Ивановичу Калининну // Взволнован сообщением из дома тчк Не рецидив ли болезни 1930 года Убедительно прошу выяснить зпт телеграфировать п/х Челюскин Бобров». На бланке телеграммы надпись чернилами, без подписи: «Семья с телеграммой ознакомлена 26.I.34 г. Ответ послан, согласован с семьёй». Совершенно очевидно, что к председателю ЦИКа его старый партийный товарищ обращается не по медицинскому вопросу, речь явно идет о каких-то делах, окончившихся арестом Алексея Николаевича. Каким образом дошли известия о неприятностях до Боброва, как сообщили ему о них радисты Кренкель или Иванов - непонятно, но телеграмму Калининну Кренкель от второго человека в экспедиции вынужден был принять. На третий день, 27 января, на «Челюскин» поступает ответная радиограмма: «Семья крайне удивлена телеграммой на имя Калининна тчк Дома все здоровы шлют привет тчк (и почти умо-

А.Н.Бобров. С акварели худож. В.Сварога [22, т. 1]

ляюще - Авт.) Дальнейшем радируйте через наши рации тчк Главсевморпуть Фёдоров» (Н.Ф.Фёдоров - заведующий секретариатом ГУСМП. - Авт.). Тут открываются большие просторы для фантазии, например, о том, в частности, сколько было радиостанций на «Челюскине», не было ли кроме судовой и предназначенной для зимовки, ещё одной, своеобразной «вертушки». Любопытно, что Бобров был вывезен со льдины, в соответствии с эвакуационным списком, вместе с обоими радистами: Э.Кренкелем и С.Ивановым. Участие в челюскинской эпопее чуть не закончилось для Боброва трагедией: уэленский врач Леонтьев практически в последний час спас его от смерти от перитонита, ставшего результатом банального аппендицита.

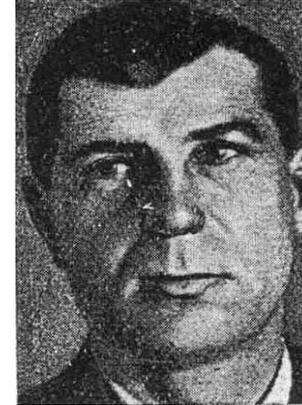
Обнаружился и ещё один любопытный документ. Это подписанное секретарем начальника Главсевморпути Мухановым (он, кстати, покинул «Челюскин» у острова Колочин) удостоверение: «Выдано Главным Управлением Северного морского пути при СНК СССР т. Бобровой Е.И. в том, что она действительно является женой Заместителя Начальника Экспедиции п/х «Челюскин» А.Н.Боброва и направляется из Москвы во Владивосток для встречи мужа. Просьба ко всем партийным, профессиональным и общественным организациям оказывать т. Бобровой всяческое содействие». Такой привилегии была удостоена лишь семья Бобровых, во всяком случае, других подобных документов не обнаружено.

Совершенно удивительна, даже фантастична судьба ещё одного челюскинца, печника из бригады строителей, Дмитрия Ильича Березина. На борт «Челюскина» он поднялся осуждённым на 10 лет заключения с конфискацией имущества по обвинению в преступлениях, предусмотренных пунктом 7 ст. 58 УК - «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, совершённый в контрреволюционных целях», в чекистском просторечии - «вредительство». Предыстория этого обвинения, половины слов из которого 38-летний крестьянин из глухого восточного угла Новгородской (тогда - Ленинградской) области вряд ли понимал, такова. В октябре 1932-го Дмитрий Березин, два года (1918-1920) провоевавший в Красной Армии, числился крестьянином-единоличником. Он, невероятным трудом кормившийся с семьёй от несколь-

ких десятих бедной, очищенной от мокрых лесов земли, как мог сопротивлялся вступлению в колхоз, крестьянским чутьём чувствуя, что ничего хорошего это не принесёт. Доламывавшее за партией «великий перелом» Объединённое Главное Политическое Управление 24 октября в затерянной в лесах деревеньке Гусево арестовывает Дмитрия Березина и предъявляет ему обвинение в том, что «он состоял в контрреволюционной группировке, которая систематически вела разлагательную работу в колхозе, агитировала против проводимых мероприятий... сорвала весенний сев... организованно расхитили колхозную рожь» (*стиль документа. - Авт.*). В конце ноября 1932 года Березин с «подельниками» привезен в Ленинград, на Детскосельский (в прошлом - Царскосельский, ныне - Витебский) вокзал, где он... бежит из-под стражи и 3 декабря объявлен в розыск. Через 20 дней Тройка Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе рассматривает дело Березина и принимает упомянутое решение. Статья 82 УК («Побег арестованного из-под стражи») в приговоре не фигурирует, и можно подумать, что арестованный ждёт своей участи в «Крестах» или на Литейном проспекте, где недавно разместилось Ленинградское ГПУ. Он, однако, на свободе, наверное, где-то близко от дома и, возможно, с опушки леса наблюдает, как местные милиционеры в северную российскую зиму оставляют в пустой избе и с пустыми хлевами его жену Устинью с четырьмя сыновьями на руках, старшему из которых - двенадцать, а младший - десятимесячный сосунок. Паспортов у крестьян тогда не было, и Дмитрию Ильичу удалось, наверное, с помощью односельчан и родственников, «выправить» какую-то справку и вместе с 20-летним братом Михаилом, тоже печником, завербоваться, как тогда говорили, «на Север» и так оказаться на «Челюскине». Наверное, братья не менее чем за год рассчитывали подзаработать на восстановление разорённого хозяйства, а Дмитрий - отсидеться подальше от оперов ГПУ - авось, забудут. В одном из архивных дел экспедиции хранится «Список рабочих и ИТР, находящихся на пароходе «Челюскин», семьям которых полагается красноармейский паёк». Список составлен 2 октября 1933 года, когда «Челюскин» стоял у острова Колючин. В списке и неженатый Михаил, и отец четырёх детей Дмитрий указывают, что иждивенцев они не имеют, а в графе «Адрес иждивенцев», естественно, прочерк. Осторожность явно не

лишняя, хотя паёк голодающей семье Дмитрия не помешал бы, но тут бы и выяснилось, что он - «государственный преступник».

В остальном же Дмитрий Березин вёл себя в плавании и дрейфе весьма активно. Бригаду строителей решено было «образовать» (в ней были даже неграмотные), и комиссар экспедиции Бобров отмечает: «Особенно выделялся в учёбе и работе печник

Д.И.Березин. Фотография [22, т. 1]

Дмитрий Ильич Березин. Начал он обучаться с азов, но в скором времени перегнал своих товарищей. Березин <...> заинтересовался литературной деятельностью и часто обращался к нашим писателям и журналистам за указаниями, как описывать события. На льдине его дневник случайно попал к Баевскому, и он поместил в нашей стенгазете ряд очерков Дмитрия Ильича, написанных очень живо, красочно и интересно» [22, т. 2, с. 112]. Дмитрий Березин был активным сторонником похода к материку, но подчинился решению начальства ждать самолёты.

Имя объявленного в розыск противника линии партии в селе появилось в газетах и в передачах радио вместе с именами других челюскинцев не позже декабря 1933 года. Видимо, оперативники ОГПУ не сразу связали это имя с именем беглого арестанта, а связав, долго ничего не предпринимали, очевидно, надеясь, что «само рассосётся». Не рассосалось, и 9 июня 1934 года, когда поезд с челюскинцами уже ехал с торжеством по стране, Новгородский оперсектор ОГПУ посылает в Москву извещение о том, что Д.И.Березин еще 17 месяцев назад объявлен в розыск. Задача перед

чекистами стояла непростая: арестовывать беглеца, как того требует закон, или нет? Если арестовывать, то где? - не на Красной же площади, из рук «всесоюзного старосты»? А прекратить дело - значит признать, что враг народа и народный герой - одно и то же? Решение, судя по всему, было принято по-своему мудрое - не обращать внимания. Никаких документов о прекращении уголовного дела, об отмене решения Тройки в архивном деле Д.И.Березина в Новгородском УФСБ нет: сразу за «Извещением» 1934 года подшито «Заключение Прокуратуры Новгородской области от 10 октября 1989 года о реабилитации Березина Д.И.». Отрывок из дневника Дмитрия Ильича был опубликован в 1-м томе «Похода “Челюскина”». Крестьянски предприимчивые братья Березины, внезапно превратившиеся из беглого арестанта и его пособника в редких для тех времён орденосцев, где-то по дороге из Ванкарема в Москву с кем-то очень влиятельным поговорили о том, что хотят изменить свою жизнь - Дмитрия Ильича высоко ценили и комиссар экспедиции Бобров, и заместитель её начальника Баевский. Результатом стало то, что уже в июне 1934 года жители захолустной новгородской деревеньки указывают свои новые домашние адреса - ленинградские, и служебный - ул. Халтурина, 15, т.е. адрес Ленинградского Управления ГУСМП. НКВД, видимо, решило забыть о Березиных накрепко - их минует и «кировская чистка» Ленинграда 1935-го года, и повальные ленинградские аресты 1937-1938 годов. Более того, в семье Дмитрия Ильича в 1937 году появляется пятый сын, в 1939-м - шестой. В 1941 году семья живёт уже в престижном, как бы сейчас сказали, районе на улице Чайковского у Таврического дворца, её глава работает на одном из ленинградских заводов. В августе 1941 года, за несколько дней до начала блокады Ленинграда, Дмитрию Ильичу удаётся отправить семью в родное Гусево. Сам он остаётся при заводе на казарменном положении. В первую блокадную зиму дом разбомбило, а сам Дмитрий Ильич либо умер от голода, либо погиб под бомбами. Все попытки семьи выяснить обстоятельства его смерти были безуспешны. В 2002 году в живых оставались два сына челюскинца Дмитрия Березина, человека с редкой судьбой. Анатолий Дмитриевич, которому в момент ареста отца не было и года, живет в Гусево, самый младший, Борис Дмитриевич - в Санкт-Петербурге. Брат Дмитрия Ильича Михаил умер в Узбекистане в 1950 году, не дожив и до 40 лет (об истории Д.И.Бере-

зина более подробно - [31]).

Как видно, состав экспедиции на «Челюскине» был слепком с тогдашнего советского общества, так как в то время у любого жителя СССР кто-то из знакомых и родственников или уже «отси-дел», либо «сидел», либо, как будет видно дальше, - «ещё сядет».

* * *

В.Корякин [16] впервые, пожалуй, обратил внимание на причинную связь обстоятельств попадания «Челюскина» в роковой дрейф и событиями, разворачивавшимися осенью 1933 года с судами двух особых экспедиций для нужд треста «Дальстрой» и Северо-Восточных (Колымских) лагерей [1]. Суда сопровождал ледорез «Литке», на помощь которого рассчитывали инициаторы экспедиции на «Челюскине». Суда Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода в 1932 году под проводкой «Литке» с трудом дошли до бухты Амбарчик, доставив туда заключённых для строительства перевалочного порта и грузы для колымских приисков Дальстроя. В Амбарчике они встретились с «Сибиряковым», который привёл из Тикси два речных парохода и несколько барж для того же Дальстроя - как видим, «Сибиряков» удачно совмещал выполнение научных задач с содействием гуглаговской колонизации Советского Севера. Суда экспедиции вынуждены были встать на зимовку в 150-ти милях от Амбарчика, в Чаунской губе, при этом «Литке» уже имел повреждения.

В 1933 году к шести судам этой экспедиции присоединились четыре судна Колымской особой экспедиции, которых от Берингова пролива до Амбарчика вёл всё тот же «Литке». Они доставили новые грузы и новых заключённых и порознь, по мере разгрузки, уходили на восток. Впервые в истории полярного судоходства в восточном секторе Арктики находилось столько судов, а помочь им мог только ледорез, что он и делал, получая всё новые повреждения. В эти же дни здесь же идет на восток «Челюскин» и В.Воронин фиксирует в «Рейсовом донесении» [18] визуальные и радиоконтакты с судами экспедиций: 8 сентября от «Литке» становится известно о положении судов к западу и востоку от пролива Лонга, перспективах их проводки и состоянии ледореза. 13 сентября «Челюскин» проходит мимо стоящих на бункеровке с «Севера» у острова Шелаурова изба «Анадыря» и «Хабаровска». Из обмена

радиограммами с «Литке», ведущим три судна особых экспедиций в ста милях восточнее, у мыса Шелагского, Воронин первым на борту «Челюскина» понимает, что на помощь «Литке» рассчитывать не приходится. Вскоре отставшие «Хабаровск», «Анадырь» и «Север» были остановлены льдами у мыса Биллингса. Их положение усугублялось тем, что на «Хабаровске» и «Анадыре» было 168 пассажиров, причём большая часть числилась в документах «пассажирами Дальстроя», т.е. были вывозимыми из Амбарчика заключёнными. И совсем уж критическим положение делало то, что более половины пассажиров были больны цингой, а на кораблях не было, в отличие от «Челюскина», запасов продовольствия и тёплой одежды. «Литке» по распоряжению начальника Колымской особой экспедиции Д.Н.Сергиевского («оставление пассажиров Дальстроя на зимовку допустить нельзя по известным соображениям») предпринял невероятные усилия, чтобы пробиться к трём кораблям, но вынужден был отступить, сам чудом выскочив из ледовой западни у острова Колючин. Результатами были потеря лопасти винта, серьёзное повреждение руля и течи в корпусе. Руководитель экспедиции на «Литке» А.П.Бочек и капитан ледореза Н.М.Николаев вынуждены были ответить отказом на просьбу «Челюскина» о помощи.

Кое-как залатав пробойны и, насколько это было возможно не в заводских условиях поправив руль, «Литке» через две недели сам предложил помощь дрейфовавшему у Берингова пролива «Челюскину», но на этот раз от неё самонадеянно отказался Шмидт. Характерно, что обо всех этих перипетиях Воронин пишет очень глухо, что, скорее всего, является косвенным свидетельством конфликта капитана с начальником экспедиции. Через 20 дней, когда «Челюскина» унесло в Чукотское море и надежды на самостоятельный выход из дрейфа рухнули, «Литке» в начавшуюся уже арктическую зиму 12 ноября отчаянно вошел из бухты Провидения в Чукотское море и пытался пробиться к «Челюскину» от мыса Хоп на аляскинском берегу. Корабли разделяло 50 километров довольно тяжёлых, но для исправного ледореза всё же, наверное, преодолимых льдов. Но вошедший в них «Литке» обновляет старые и получает новые повреждения, ежеминутно рискуя попасть в ледовый плен. А на его борту - двухнедельный запас продовольствия, почти пустые угольные ямы, и в какой-то момент Бочек

даже предлагает Николаеву выбросить корабль на берег Аляски - хотя бы люди спасутся. В этот момент ледорез официально подчиняют Шмидту, но знаменитое решение отпустить «Литке» было для руководства челюскинской экспедиции вынужденным, другое решение было бы не только нарушением всех морских законов, но и попросту преступлением. Это хорошо понимал Воронин, бросивший на созванном Шмидтом «челюскинском совете»: «Вредно в такой момент митинги да судовые советы создавать. Это ширма, которой себя хотят загородить». Интересна реакция Шмидта: «... мы не можем их (*руководителей экспедиции на «Челюскине», то есть себя.* - *Авт.*) за это винить: человеческий материал на «Литке» просто устал, износился за зимовку». Партийный язык тридцатых годов, но с какой лёгкостью и естественностью пользуется им учёный, интеллигент советского образца! И далее: «Я думаю, товарищи, что при таком состоянии экипажа (*не корабля, а - экипажа!* - *Авт.*) «Литке» не сможет нас выколоть из льдины...» [22, т. 1, сс. 170, 172]. Руководитель экспедиции явно старается переложить ответственность за предстоящий дрейф «Челюскина» и его последствия с себя на экипаж и командование «Литке».

Несомненно, или уж во всяком случае очень вероятно, что не будь отчаянных попыток ледореза пробиться к судам дальстроевских экспедиций, могло и не быть «героической эпопеи», первых Героев Советского Союза и одной из самых ярких советских пропагандистских кампаний. (*Подробнее о дальстроевских экспедициях и связи с ними «челюскинской эпопеи» см. статью «Законвоированные зимовщики» в настоящем сборнике.*)

* * *

Лагерь Шмидта - понятие географическое и бытовое - быстро был превращён в понятие советско-идеологическое, которое подавалось как пример коллектива советских, именно - советских, людей, под руководством вождя преодолевающих невиданные трудности, побеждающих враждебные силы (в данном случае - природные). В таком виде миф о героизме советских людей (сейчас их стыдливо называют «нашими соотечественниками») законсервировался в сознании тех сравнительно немногих россиян, кто хоть что-то слышал о «челюскинской эпопее». Выше мы уже писали о назревавшем в лагере бунте, в зародыше пресечённом Шмидтом, о

«борьбе» с угнетённым состоянием людей личным примером коммунистов, о системе партийных «информаторов» для отслеживания настроения людей. Были ещё товарищеские суды, партийные собрания, стенгазета, кружок диамата, планы лекций на самые невообразимые темы... С умилением, близким к кретинизму, повторяется история о том, как Кренкель сомневался, сможет ли он позвать к рации Шмидта - ибо он «читает лекцию по диалектическому материализму» - когда на связь с терпящей бедствие экспедицией впервые (! - *Авт.*) вышел уполномоченный правительственной комиссии по её спасению Г.Ушаков [22, т. 2]. Явно прослеживается и весьма жёсткое расслоение челюскинского коллектива по социальному и профессиональным признакам. Резко отличной от других была группа строителей, малообразованных деревенских мужиков, поехавших в Арктику «за длинным рублём», чуждых романтическому энтузиазму экспедиционной молодёжи. Явно несколько особняком держалась и команда парохода, по морским правилам продолжавшая подчиняться только капитану, которого она явно высоко чтила. Ещё во время дрейфа судна она со скандалом «уплотнилась» в своих тёплых каютах, когда в часть из них было решено заселить мёрзнувший экспедиционный состав. В общем, клубок человеческих, корпоративных и служебных взаимоотношений в лагере Шмидта был сложно и туго запутан и распутать или разрубить его мог только очень сильный руководитель, главенство которого было признано - добровольно или вынужденно - всеми группами.

Таким руководителем, несомненно, и был О.Ю.Шмидт, сумевший создать дееспособный, работающий коллектив. Конечно, удалось ему это сделать при активной помощи опытных полярников и моряков, подававших своим поведением и работой пример борьбы за спасение. А заседания партячейки, собрания, митинги и лекции - весь этот антураж если и делал коллективную борьбу за спасение более действенной, то вряд ли на основе советской идеологии. Характерно, кстати, что во всех изданных вскоре после «эпопеи» книгах почти не упоминается проходивший в январе-феврале 1934 года «Съезд победителей» - XVII-й съезд партии, что совершенно удивительно на фоне того, что и как писалось о следующем съезде в литературе о дрейфе «Г.Седова» и о станции «Северный полюс». То ли времена были другие, то ли Лев Мехлис (не сам,

конечно), курировавший от газеты «Правда» и ЦК «челюскинские» издания, решил не готовить на пропагандистской кухне блюдо из смеси героической эпопеи и съезда с сомнительным результатом (вспомним последовавшее вскоре убийство Кирова и уничтожение почти всех делегатов-«победителей»). Всё же в основе сплочённости людей на льдине был обычный человеческий инстинкт самосохранения и осознание людьми того факта, что их общее спасение зависит от них самих, от их общей работы. Такая «сознательность» была бы свойственна людям любой национальности и любого социального положения и зависела бы только от их понимания общности задач и общности усилий. Что, окажись на льдине сто норвежцев или сто англичан, они вели бы себя по-другому? Думать так нет никаких оснований! Так же срубали бы очередную гряду торосов, перегородивших очередной аэродром, так же рисовали бы карикатуры и писали язвительно-дружеские стихи (не называя это стенгазетой), так же «травили» бы житейские истории, не называя эти байки «лекциями», так же разыгрывали бы друг друга. Наверное, так же уважали бы своего «босса», но после спасения воздержались от непомерного его восхваления в воспоминаниях, да и сам «босс» вряд ли бы с этим согласился. Другое дело - в СССР (да еще в Германии), где именно в эти годы окончательно формировался культ вождя государства. Здесь можно было и нужно было воспитывать у людей поклонение вождям разных (пока!) рангов, приписывая им все заслуги, и переходить при этом и рамки приличия, и рамки разумного. Увы, описания «эпопеи» и роли в ней Шмидта носят все следы этой болезни советского общества первой половины 1930-х годов.

* * *

Вариант дрейфа и зимовки в планах экспедиции на «Челюскине» при её подготовке явно не рассматривался, и она оказалась для руководства экспедиции достаточно неожиданной. Никаких планов очередности эвакуации не существовало довольно долго, причём командование корабля руководствовалось при выборе людей, подлежащих эвакуации в первую очередь, одними принципами, а руководство экспедиции - другими. 23 декабря 1933 года капитан «Челюскина» В.Воронин приказами под номерами 6 и 7 определяет, что в первую очередь подлежат «отправке самолётом

кочегарный старшина Кисилев Н.С. (по болезни)» и «уборщица Рудас А.И. («по сокращению штатов» - зачеркнуто, вписано - «по болезни»)). В свою очередь, начальник экспедиции Шмидт 3 января 1934 года радиограммой просит заместителя Председателя СНК и ещё не председателя Правительственной комиссии по спасению челюскинцев В.Куйбышева и исполняющего обязанности начальника ГУСМПа С.Иоффе вывезти первым же самолётом не детей, женщин и больных, а своих заместителей Баевского и Копусова, так как «они крайне необходимы в центре, где их нечем заменить. Баевский руководит всей планово-экономической работой» (кстати, именно в этой радиограмме намечен путь эвакуации, которую проделает сам Шмидт, - Аляска, самолётом в США, поездом в Нью-Йорк, оттуда пароходом в Европу и поездом в Москву).

Планы вывоза «челюскинцев» со льдины всяческими экзотическими способами, в обилии предлагаемыми, всерьёз не рассматривались. Реальными были экспедиция на собачьих упряжках, крайне тяжёлая для спасаемых и вскоре ставшая невозможной из-за состояния льдов в прибрежной зоне; подход к ледовому лагерю ледокола, что могло произойти не ранее чем через три месяца, и, наконец, - использование авиации.

Вообще спасение людей в Арктике с помощью авиации не было чем-то новым, в том числе и для советских лётчиков. Видимо, первый такой опыт в Восточной Арктике с её особенностями полётов относится к 1930 году [6]. Осенью 1929 года у мыса Северный вынужден был встать на зимовку шедший с Колымы пароход «Ставрополь» с тридцатью пассажирами, часть которых, как и часть команды во главе с капитаном П.Г.Миловзоровым, были больны. Решение об организации спасательной экспедиции было принято Совнаркомом, её руководителем был назначен капитан ледореза «Литке» К.А.Дублицкий. «Ставрополь» встал на зимовку не очень удачно и ему грозила участь быть раздавленным льдами, однако этого, как и крупных подвижек льдов, ломающих естественный ледовый аэродром, не случилось. Лишь в конце ноября самолёты М.Слепнёва и В.Галышева были доставлены в Бухту Провидения, но по разным причинам добрались до мыса Северного лишь 30 января. Операцию по эвакуации пассажиров «Ставрополя» выполнял В.Л.Галышев, а не Слепнёв, как это указывается в

некоторых публикациях разных лет. На этом примере, одном из многих, хорошо видно, как подвиги разных людей стало принято приписывать канонизированным героям - сначала по приказу, потом - по профессиональной недобросовестности и лени. М.Слепнёв в это время летал с американскими лётчиками в поисках пропавшего самолёта их соотечественника Б.Эйельсена. Полярной зимой, в феврале-апреле Галышев с мыса Северного сделал три рейса в Бухту Лаврентия и вывез 15 человек, в том числе нескольких детей, даже одного новорожденного, так что челюскинская Карина Васильева - совсем не первый экспедиционный арктический ребенок. А ведь расстояние от Северного до Лаврентия - около 600 километров, хотя, конечно, снежные аэродромы на суше куда надёжнее аэродромов на морском льду. Виктор Львович Галышев был, вероятно, первым награждённым за спасательные работы полярным лётчиком - в 1930 году он получил орден Красной Звезды [1].

Куда более масштабная спасательная операция и в куда более сложных условиях была проведена поздней осенью 1933 года, когда начиналась цепь трагического невезения «Челюскина». Тогда с зазимовавших у мыса Биллингса кораблей экспедиций Дальстроя (см. выше) было вывезено на мыс Северный (более 100 километров) 93 (!) человека - на одном самолёте, одним экипажем. Самолёт - трехмоторный «ЮГ-1», командир экипажа - полярный лётчик Ф.К.Куканов. Полёты проходили в октябре-ноябре, при крайне неблагоприятной погоде; правда, взлётно-посадочная полоса у кораблей располагалась на береговом припае, не подверженном сжатиям. Всего было выполнено 13 рейсов. Это был тот самый Куканов, что всё лето 1933 года отработал с экспедицией С.Обручева и К.Салищева, которые именно в этих полётах апробировали методы аэровизуальных исследований, тот, кто спас американского лётчика Маттерна («подвиг» этот приписан Леваневскому, но он лишь отвёз американца на его родину). Это тот Куканов, что сел на своём большом самолёте у «Челюскина» и свозил на остров Врангеля Шмидта; потом вывез с зимовки на Врангеля одиннадцать человек, потерявших надежду на смену, а на опустевшие склады полярной станции «забросил» продукты и боеприпасы, хоть частично выполнив задачу челюскинской экспедиции.

Вопрос об эвакуации «пассажиров Дальстроя» решался на

самом высоком уровне, и уполномоченным Совета Народных Комиссаров «по эвакуации экипажей судов Северо-Восточной экспедиции» был назначен начальник ГУСМП О.Ю.Шмидт. Совнаркомовские чиновники об Арктике, положении «Челюскина» и заботах начальника ГУСМП и экспедиции имели смутные представления. Очевидно, Шмидту пришлось наотрез отказаться от столь «почётного задания партии и правительства», и уполномоченным был назначен опытнейший полярный лётчик Г.Д.Красинский, который и привлёк к спасательным работам уставший экипаж Куканова на изношенном, летавшем «на честном слове» «Юнкерс-Гиганте», но выбирать было не из чего. За спасение почти сотни больных, измученных людей ни Куканов, ни его экипаж ничем награждены не были (как бы газета «Правда» объяснила, кого он спасал?). Орденом Красной Звезды Фёдор Кузьмич Куканов был награждён, в числе других причастных к «челюскинской эпопее» людей через два месяца после челюскинцев и Героев [27]. Но и это не было признанием его действий по спасению «пассажиров Дальстроя». Узнав об аварии самолёта Бабушкина, на ледовую разведку которого командование «Челюскина» и «Литке» возлагало последние надежды, Куканов на мысе Северном сделал попытку взлететь и такую разведку провести, но при взлёте подломилась ранее сломанная лыжа. А выдержит она?... Ведь не зря же В.Куйбышев в первой своей беседе с американскими журналистами после 13 февраля заявил: «Правительство решило направить на помощь экспедиции т. Шмидта лучших полярных лётчиков Союза: уже на побережье Ледовитого океана работают полярные лётчики тт. Куканов и Ляпидевский...». «Безлошадный» Куканов как мог помогал Ляпидевскому и после его аварии.

* * *

Самым сложным в использовании авиации для эвакуации людей из ледового лагеря стали поиски и поддержание в порядке ледовых аэродромов. Опыта в подобном аэродромном строительстве в мире практически не было и неудивительно, что необходимого количества инструментов на льду не оказалось. Как вспоминал И.Факидов [11], с «Челюскина» было выгружено всего три лопаты, два лома и две пешни. Удивительно, как с таким инструментом удалось поддержать в порядке посадочную полосу для большо-

го «АНТ-4» А.Ляпидевского, который, кроме угощения (двух туш оленей), привез ломы, кирки и лопаты. Теперь к работе по поддержке всё чаще разрушаемых сжатиями ледовых аэродромов можно было привлекать больше людей (как после этой адовой работы люди не валились с ног, а слушали лекции по диамату?).

Однако для нас больше интересны люди, ставшие олицетворением идеала «советских» людей, в частности, первые Герои Советского Союза. Много всё же «странностей» в официальной истории «эпопеи», когда вдруг обнаружатся если не скрываемые, то и не афишируемые факты, совсем в ином, чем принято, свете вынуждающие воспринимать хорошо, казалось бы, известных людей и события. 25 июня 1934 года, когда челюскинцы и их спасители-лётчики были нарасхват в Москве (смотри фельетон И.Ильфа и Е.Петрова «Чудесные гости»), начальник ВВС РККА А.И.Алкснис направляет наркому обороны К.Е.Ворошилову совершенно секретный доклад «Об отрицательных последствиях чистки для ВВС РККА». Протестуя против произвола особых и политотделов, будущий «член антисоветской националистической шпионско-террористической организации» выдвигает убедительный, как ему кажется, аргумент: «Заслуживает внимания тот факт, что из числа 7 лётчиков, коим Правительство присудило звание Героев Советского Союза - 5 человек находились в рядах ВВС РККА и были изъяты и уволены по настояниям особых отделов, политорганов и командиров, как политически и морально неустойчивые и несоответствующие службе в РККА (А.В. Ляпидевский, М.Т.Слепнёв, И.В.Доронин, В.С.Молоков, С.А.Леваневский)» [25, с. 124]. Мало того, что непонятны сами причины награждения С.Леваневского, так он и четверо его товарищей - ещё морально и политически неустойчивы! Что же тогда это за звание такое - Герой Советского Союза, если от почти «врагов народа» (а в 1937 году с таким пятном в биографии наверняка бы в них записали) до Героев - полшага, дело случая? По контексту воспоминаний А.Ляпидевского [14] спасатель «пассажиров Дальстроя» Ф.Куканов имел такое же «пятно» в биографии, как и рекомендованный им в полярную авиацию будущий Герой Советского Союза Ляпидевский. В выпущенной уже в наши дни, к 70-летию «эпопеи», в лучших советских традициях апологетической книге о первых Героях Советского Союза [19] о демобилизации героев говорится

невнятно, о её причинах - ни слова. А ведь над авторами книги не нависала зловещая тень главного редактора «Правды» Льва Мехлиса, как она нависала над первыми Героями - «авторами» своих биографий в книге «Как мы спасали челюскинцев» [14].

Тут самое время привести интересное наблюдение исследователей деятельности Московского УНКВД в 1937-1938 годах, касающееся ещё одного кавалера Золотой Звезды: «Сатирические стихи и насмешливые высказывания по адресу Водопьянова и, соответственно, обвинения в оскорблении Героя Советского Союза встречаются во многих следственных делах 1937-1938 гг. Нам сейчас трудно объяснить себе причины столь иронического отношения наших соотечественников к официально признанному подвигу Водопьянова» [26, с. 81]. Кстати, именно по подобному обвинению был расстрелян в феврале 1938 г. учитель и наставник Водопьянова и многих других известных советских лётчиков, один из первых русских авиаторов Н.Н.Данилевский [26].

* * *

Продолжим, однако, об эпопее. Значительная часть вывезенных в Ванкарем челюскинцев (53 человека 5-ю партиями) добиралась до залива Лаврентия, где предполагалась посадка их на пароходы, пешком, в сопровождении чукчей с несколькими собачьими упряжками. Путь был тяжёл, нартами - не воспользуешься, т.к. Ванкаремская фактория решила с оказией отправить заготовленную пушнину и загрузила ею все нарты. Однако вместе с героями шли в Уэлен и - ... преступники! Начальник Чукотского КПП ОГПУ, член чрезвычайной Тройки А.Небольсин с чекистским простодушием пишет [14, с. 50]: «Одновременно с челюскинцами в Ванкареме появились люди с парохода «Север», зазимовавшего у наших берегов. Часть из них была перебросена в своё время лётчиком Кукановым в Уэлен, часть - на мыс Северный. На мысе Северном были рабочие Дальстроя (*Небольсин не совсем точен: «Север» зимовал вместе с «Анадырем» и «Хабаровском», на которых и были «пассажиры Дальстроя» - см. выше. - Авт.*) - народ такой, что без дела сидеть не привык. Они слышали, что подходят пароходы забрать челюскинцев, и сейчас же двинулись в путь (1200 километров)! Собралось их человек двадцать пять. Они пришли в Ванкарем, отдохнули и с челюскинцами пошли дальше».

Такой вот симбиоз этапа-«расконвойки» и похода «героев». «Герои», впрочем, о своих попутчиках в воспоминаниях не пишут.

А в бухте Провидения и в заливе Лаврентия челюскинцев ждали пароходы «Смоленск» и «Сталинград», но из двух практически одинаковых кораблей предпочтение было почему-то отдано идеологически менее выгодному «Смоленску». Но «Смоленск» ещё в середине ноября побывал в Провидении, причём пришёл он туда как госпитальное судно, предназначенное быть базой для переброски больных с зимующих кораблей особых экспедиций Наркомвода. Он доставил уголь для вырвавшихся из льдов Чукотского моря «Свердловска» и «Лейтенанта Шмидта» и для «Литке», но ледорез уже ушёл в окончившийся неудачей рейс к «Челюскину». «Смоленск» доставил и два «АНТ-4», которыми предполагалось вывезти с зимующих кораблей экспедиций Дальстроя тех, кого не сумел вывезти Куканов. Начальником лётной части экспедиции был назначен лётчик-наблюдатель Петров, политорганизатором - лётчик Конкин, а второй лётчик остался просто лётчиком, который должен был лететь к трем кораблям экспедиций Дальстроя. Но тут-то стал непреложным фактом дрейф «Челюскина» и предпочтение было отдано «челюскинцам», а не «пассажирам Дальстроя», и вполне обоснованно: «Челюскин» дрейфовал в подвижных льдах Чукотского моря - ледовой кухне Восточной Арктики, три судна стояли недалеко от берега, у кромки неподвижного припая, в куда более безопасных условиях, и «просто лётчик» Анатолий Ляпидевский полетел спасать детей и женщин с «Челюскина». Сообщение об их вывозе пришло в Москву по радиосети ОГПУ через Уэлен - Владивосток. 13 апреля 1934 года чукотская Тройка рапортует руководителям партии и правительства об окончании спасательной операции, и в списке руководителей - имя «её» начальника Г.Ягоды (формально главой ОГПУ оставался смертельно больной В.Менжинский). Единственной государственной структурой, способной действовать на Чукотке в экстремальной ситуации, оказалась политическая полиция и подчиненная ей пограничная охрана.

Как видим, «челюскинская эпопея» постоянно пересекалась со структурами ОГПУ и «дальстроевскими экспедициями», героичелюскинцы - с заключёнными ГУЛАГа, да и сами «герои» были то врагами народа, то - политически и морально неустойчивыми, то - героями-лётчиками, гордостью страны, то - недостойными службы

в армии этой страны. Так и формировалось новое в истории человечества сообщество людей - советский народ, и челюскинцы ещё вольно и невольно будут участвовать в формировании этого сообщества, и ещё хлебнут его «достоинств».

* * *

Пока же - триумфальная поездка через всю страну, во время которой почти непрерывно заседало бюро партийной ячейки «Челюскина». «Угнетённого настроения» людей, как на первом заседании после гибели корабля, уже не обсуждали, а занялись приятным: герои валом пошли подавать заявления в партию [28]. Физик Факидов ради этого подтвердил разрыв с семьей; Ляпидевский и Леваневский скрыли факты своего увольнения из армии;

Руководители партии и правительства с челюскинцами на мавзолее Ленина (встреча челюскинцев в Москве) [22, т. 2]

Ширшову, будущему Герою, наркому и академику, припомнили исключение в 1930 году из комсомола, но отказать не посмели - дважды орденосец. Лишь по самой низшей, 4-й категории, рекомендовали Ф.Решетникова, тоже будущего академика и народного художника СССР, запечатлевшего в живых и правдивых рисунках всю «эпопею» [10] и вошедшего в историю соцреализма каноническими картинами «Генералиссимус Советского Союза И.В.Сталин» и «Опять двойка». Геологу В.Рыцку, который возглавил самую большую группу челюскинцев на переходе из Ванкарема в Бухту Лаврентия и довел её быстрее остальных групп, в рекомендации отказано и предложено «проявить себя на общественной работе».

Тем временем 10-го июня Секретариат ЦИК заказывает в своей типографии 129 коробочек для орденов челюскинцев и их спасателей сверх уже заказанных на 1934 год пятисот коробочек для «плановых» награждений. Уже 20 апреля комиссия Куйбышева начинает обсуждать организацию встречи челюскинцев в Москве и 14-го июня утверждает её сценарий. Организация встречи героев и обеспечение порядка при ней была поручена, естественно, ОГПУ. Чекисты в организации торжеств мудрить не стали и почти точно скопировали её сценарий, в том числе и «дождь листовок», со сценария встречи в 1927 году в США лётчика Чарлза Линдберга, первым перелетевшего через Атлантику. Газеты пестрели приветствиями и поздравлениями, одно из самых почётных мест занимало почему-то поздравление от «Организации Бойцов и Фашистов Новой Италии». Потом была Красная площадь, фотографирование с вождями, вручение орденов, банкет в Кремле и то, что описано И.Ильфом и Е.Петровым в фельетоне «Чудесные гости».

Попутно в Кремль и в газеты посыпались письма трудящихся. Многие граждане Страны Советов, переполненные гордостью за неё (а заодно - за себя) и чувством любви к вождю, предлагали ввести новую высшую награду страны - Орден имени Сталина. Были и письма иные: в архивном деле наградного сектора ЦИК лежит гневное письмо бывшей чекистки, «пролившей кровь за дело пролетариата», оскорблённой тем, что у неё ордена нет, а этим челюскинским бабам, к тому же - просто жёнам, без должностей, «этим б...» (так в документе. - *прим. авт.*) - ордена дали!

Есть документы и другие. 8-24 марта 1934 года датировано приложение к докладной записке о военном изобретении, поданное в ОГПУ неким Петром Александровичем Орловским и озаглавленное им «О рейде «Челюскина» и его гибели». На 21-й странице обороток каких-то чертежей на миллиметровке проводится подробный анализ информации, доходившей до автора через советские газеты и радио, анализ, как нам представляется - объективный и добросовестно профессиональный. Автор приходит к выводу, что причинами трагедии «Челюскина» были некомпетентность и легкомыслие руководства экспедиции. П.А.Орловский особо подчёркивает непричастность к неверным решениям командования судна. Это - прямое обвинение О.Ю.Шмидта - хранится в деле архива ГУСМП с заголовком «Личное дело тов. Шмидта О.Ю.», -

но это не подборка компромата, а всякие поздравительные письма, адреса и т.п. панегирики, к которому ОГПУ решило присоединить и свой «подарок».

ГУСМП тем временем возвращается к повседневной деятельности. 26 июня 1934 года Шмидт впервые после возвращения из челюскинского похода проводит Коллегию Управления с повесткой дня: «О необходимых мероприятиях в связи с расширением функций Главсевморпути». Одно из «расширений функций» обсуждалось на совещании у исполняющего обязанности начальника ГУСМП Г.А.Ушакова 22 августа. Повестка дня совещания: «О передаче Вайгачского комбината из ведения ГУЛАГа в ведение Главсевморпути». Хорошо, хоть заключённых ГУСМПу не оставили, - хороша была бы профессия - полярник-«вертухай»! Впрочем, сотрудничество было тесным: согласно обнаруженным в РГАЭ Ф.Романенко документам, Вайгачский трест ГУСМП пользовался трудом заключённых по договору с ГУЛАГом, выплачивая ему за один человеко-день 6 рублей 92 копейки (в первой половине 1935 года, затем цена поднялась вдвое - до 13 рублей 34 копеек).

* * *

С дней всенародного ликования прошло почти четыре года. 3 января 1938 года члены Политбюро ЦК ВКП(б) Жданов, Молотов, Каганович и Ворошилов визируют поданный НКВД «Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по Москве, Московской области и железной дороге им. Дзержинского». Это один из так называемых «Сталинских расстрельных списков», изданных «Мемориалом» в электронном виде [13]. В этом огромном, на несколько сотен фамилий списке, в разделе 1-й категории осуждения, предусматривавшей приговор к расстрелу, значится и Бобров Алексей Николаевич. Он к моменту ареста 25 сентября 1937 года занимал пост заместителя начальника морского и речного транспорта Главсевморпути и жил в знаменитом «Доме на набережной». 11 января 1938 года Военная Коллегия оформляет приговор (вряд ли ее 15-минутные на человека заседания можно считать судом), по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации (пункты 7, 8 и 11 58-й статьи) [32, с. 21]. Приговор к высшей мере социальной защиты приведён в исполнение в тот же день на спецполигоне НКВД

«Коммунарка», где в общей могиле и лежит прах челюскинского комиссара. Бобров был расстрелян в группе из 11 руководящих работников ГУСМП и Наркомводтранса, через пять дней будет расстреляно еще 9 членов той же «контрреволюционной организации» в ГУСМП и НКВД. Через 18 лет, в 1956 году он реабилитирован той же Военной Коллегией. Его имя включено в «Книгу памяти жертв политических репрессий. Бутово-“Коммунарка”» [24]. Как было положено, подверглась репрессиям и семья Алексея Николаевича. Елизавета Ивановна, врач-терапевт 4-й московской больницы, была арестована через сорок дней после расстрела мужа и по постановлению ОСО НКВД «как социально-опасный элемент» выслана на пять лет в Казахстан. Ещё через месяц Постановлением того же ОСО от 26 марта высланы на пять лет в Свердловск «как члены семьи А.И.Боброва» старшая дочь Елизавета, 25-летняя студентка Московского института тонкой химической технологии, и 19-летний сын Владимир. Не тронули, к счастью, вторую дочь, 23-летнюю Татьяну. В сборнике «Славным завоевателям Арктики» [27] опубликовано трогательно-возвышенно-благодарственное письмо «Семьи челюскинцев - товарищу Сталину» Среди подписей - и четыре подписи членов семьи А.Н.Боброва.

Если на легендарном «Челюскине» уже в 1933 году были люди, которых теперь принято называть жертвами политических репрессий, то, конечно, челюскинцев в годы Большого террора вряд ли могли спасти звание орденосца и народного героя. Напрямую по политическим обвинениям после 1934 года было, вместе с А.Н.Бобровым, репрессировано пятеро челюскинцев, то есть, с точки зрения статистики, сравнительно немного, один из 25-ти. Мне довелось заниматься политическими репрессиями против участников экспедиции 1928 года ледокола «Красин» по спасению экспедиции У.Нобиле; среди её участников по политическим обвинениям было репрессировано 18 человек, то есть каждый седьмой, причем 11 из них - расстреляны (см. статью «Судьбы участников знаменитой экспедиции» в настоящем сборнике). Вряд ли такую статистику по челюскинцам стоит относить к чувству гуманности и высокой оценке их заслуг перед СССР работниками ГУГБ (Главного управления государственной безопасности. - Авт.) НКВД, НКГБ и МГБ, скорее тут ведущую роль играли правила «русской рулетки». По некоторым же, прежде всего

ведущим членам экспедиции, судьба в лице упомянутых органов могла ударить и ударила очень больно.

В том же «Сталинском расстрельном списке», что и А.Н.Бобров, значится другой заместитель начальника экспедиции, Илья Леонидович Баевский [13]. Он был осуждён по тому же обвинению («участие в контрреволюционной террористической организации»), осуждён в тот же день, что и А.Н.Бобров, и в тот же день, 11 января 1938 года, расстрелян в той же «Коммунарке». В «Книге памяти жертв политических репрессий» [24] справка о нём сопровождается тюремной, последней в его жизни фотографией. Уроженец Саратова, Илья Леонидович имел два высших образования, окончив в 1916 году медицинский факультет Саратовского университета и в 1925-м - факультет общественных наук Московского университета. С 1921 года он был членом РКП(б). После окончания МГУ он четыре года работал старшим научным сотрудником Госплана РСФСР, потом на два года был направлен в Монголию советником правительства республики по делам здравоохранения и труда, в 1931-1933 годах был членом Президиума Госплана РСФСР, с организацией Главного Управления Севморпути был направлен в него начальником планово-финансового управления, став одновременно членом Коллегии. На первом её заседании, посвящённом организации экспедиции на «Челюскине», 31 марта 1933 года, он вместе с И.А.Копусовым назначается заместителем начальника экспедиции. Зачем было идти в полярную экспедицию сугубо кабинетному работнику, какие планово-финансовые вопро-

«Тов. Баевский рассказывает о Монголии». Рис. Ф.Решетникова [22, т. 2]

сы он собирался решать среди льдов - не очень понятно. Эта ошибка, опять-таки вызванная абсолютной уверенностью в успехе экспедиции, как и отвлечение от основной работы заместителя директора Арктического института Копусова, выявилась достаточно скоро (см. выше радиограмму Шмидта Куйбышеву и Иоффе от 3 января 1934 года). В ледовом лагере Илья Леонидович оказался, однако, очень полезным человеком. Вместе со Шмидтом он был основным лектором на самые разные темы, организовал выпуск знаменитой стенной газеты, всячески стимулировал ведение челюскинцами записок и дневников, а по возвращении в Москву стал инициатором издания целой серии книг о челюскинской эпопее, в частности, двухтомника «Поход “Челюскина”» (где есть и его заметки), сборника воспоминаний «Как мы спасали челюскинцев» [14; 22]. Кроме Шмидта и Баевского, в редактировании этих изданий принимал участие тогда ещё мало известный, но прославившийся вскоре начальник Политуправления РККА Л.З.Мехлис.

Когда в 1936 году бдительные чекисты обнаружили в Главсевморпути право-троцкистскую организацию во главе с начальником политуправления С.А.Бергавиновым (он умер на Лубянке 12 декабря 1937 года, через полтора месяца после начала следствия), в руководстве началась перестановка кадров, и в 1937 году опытнейший экономист и плановик Баевский был назначен исполняющим обязанности начальника Архангельского территориального управления ГУСМП, хотя продолжал жить в Москве, в той же квартире в Козицком переулке, откуда и был 7 августа 1937 года увезен на Лубянку. Через полтора месяца после расстрела мужа, о чем она, конечно, не знала, была арестована и его 46-летняя жена, Мария Павловна Баевская-Гоберник, врач детской Филатовской больницы. Постановлением ОСО НКВД от 16 марта 1938 года «как ЧСИР (член семьи изменника Родины)» заключена в лагерь на 5 лет и отправлена в Северо-Двинский ИТЛ. Дальнейшей её судьбы выяснить пока не удалось, как и судьбу их детей - 14-летнего (в 1937 году) Владимира и 12-летней Аллы. В апреле 1956 года и Илья Леонидович, и Мария Павловна были реабилитированы. Имя И.Л.Баевского, единственного пока из репрессированных челюскинцев, увековечено на плите памятника «Никологорцам - жертвам тирании», открытом в 1996 году в престижном во все времена подмосковном дачном поселке Николина Гора.

И.Л.Баевский - тюремная фотография 1937 г. [23, с. 30]

Под так называемое «Дело Гидрографического управления Главсевморпути» попал Павел Константинович Хмызников. Состав ведущих специалистов Гидрографического управления был арестован почти полностью, во главе с его начальником Павлом Владимировичем Орловским, чудом уцелел челюскинец Яков Яковлевич Гаккель. Хмызников был арестован одним из последних, 28 мая 1938 года. Излагаемый ниже материал о П.К.Хмызникове и деле Гидрографического управления представлен в 2002 году участницей проводимого «Мемориалом» и Государственным гуманитарным университетом исторического конкурса для старшеклассников (председатель жюри конкурса - Сигурд Оттович Шмидт), тогда ученицей 10-го класса одной из школ Санкт-Петербурга А. Резниковой.

Биография Хмызникова давала «органам» большой простор для обвинений. Бывший офицер Русского Императорского флота, подводник, в 1918-1919 годах он был флаг-офицером службы связи в Северном правительстве Чайковского-Миллера, в 1919 году пробирается в Сибирь, к адмиралу Колчаку, где служит в Морском министерстве Омского правительства. Однако в марте 1920 года в Иркутске он сдаётся частям Красной Армии и уже через месяц уезжает на два года в экспедицию по изучению устья Лены. Потом - два года учёбы в Географическом институте в Ленинграде, и с 1926 года - постоянное участие в гидрографических экспедициях в Арктику (на льдине он получил два прозвища - «Хмыза» и «Лагерный звездочёт»), с 1935 года - начальник сектора навигационных

характеристик Гидрографического управления, а затем - начальник гидрографического отряда. Список крупных научных публикаций Хмызникова превышает 20 наименований, в их числе - воспоминания «На “Челюскине”» [33]. Следствие над полярными гидрографами длилось долго, до июня 1939 года, предъявленные обвинения гарантировали расстрельный приговор, тем более, что дело должно было быть передано в Военную Коллегию Верховного Суда, в ведомство печально знаменитого Ульриха. Однако тем временем сделавший своё дело Ежов был смещён с поста главы НКВД, а заступивший его место Берия по указке «хозяина» решил немного сгладить впечатление от оказавшихся в своём рвении чересчур колючими «ежовых рукавиц». Дело гидрографов рассматривал Военный трибунал Ленинградского военного округа и тут происходит неожиданное. Обвиняемые отказались от своих признательных показаний, данных «под физическим воздействием», т.е. под пытками; более того - от своих выводов отказались эксперты, заявившие, что заключения, якобы подтверждавшие вредительскую деятельность обвиняемых, построены на их личных предположениях и домыслах и необъективны. Поступок экспертов по тем временам иначе как героическим посчитать нельзя (см. статью «Судьбы участников знаменитой экспедиции» в настоящем сборнике). В результате дело в августе 1939 года было направлено на доследование (случай в те времена редчайший), но поскольку органам с этими упрямыми возиться надоело, то решено было обойтись без суда. 23 декабря 1939 года ОСО НКВД приговорило П.В.Орловского и известного полярного гидрографа Н.И.Евгенова к 8-ми годам лагерей. Стоит сказать о том, что Евгений, заместитель начальника Гидрографического управления и руководитель планировавшейся к лагерю Шмидта экспедиции на «Красине», «за заслуги в деле организации спасения челюскинцев и сохранения научных материалов экспедиции» в 1934 году был награждён Грамотой ЦИК Союза ССР [27]. Павел Константинович Хмызников был приговорен к 5-ти годам лагерей, остальные - к меньшим срокам заключения или к ссылке. В июне 1940 года Хмызников был доставлен в Ивдельлаг на Урале, в январе 1941 года переведён в Карелию, в 1942 году - в Коми, в город Кожву. В июле 1942 года он тяжело заболел, лечился в лагерной больнице, возвращён в лагерь, снова отправлен в лагерный сангородок. Последнее письмо от него

дочери было датировано 23 декабря 1942 года. Впоследствии выяснилось, что он умер в лагерьном лазарете в Кожве 47-летним, 13 июля 1943 года, когда уже практически были оформлены документы на его освобождение (срок закончился 28 мая). Павел Константинович был реабилитирован в 1958 году, но имя его не оставалось в полном забвении и в сталинские времена: Владимир Юльевич Визе упомянул Павла Константиновича в классическом труде «Моря Советской Арктики», вышедшем в 1948 году [6, с. 307]. Поступок отнюдь не рядовой! О репрессиях против семьи Хмызникова, тоже в полном составе подписавшей благодарственное письмо Сталину от семей челюскинцев, ничего не известно. В 1938 году жена Хмызникова Валентина Леонидовна работала в Зоологическом институте АН СССР, дочери Елене было 14 лет, сыну Константину - 8.

П.К.Хмызников. Рис. Ф.Решетникова [22, т. 2]

Волна Большого террора захватила и заместителя Шмидта, остававшегося «на хозяйстве» в его долгое отсутствие на «Челюскине» и в ледовом лагере, Семёна Самойловича Иоффе. Именно он в Москве, как Г.А.Ушаков на Чукотке, будучи членом Правительственной комиссии (комиссии Куйбышева), вёл основную работу по организации спасательных работ. 20 июня 1938 года по обвинению в участии опять же в контрреволюционной террористической организации Военной Коллегией Верховного Суда он, работавший уже заместителем начальника Аэрофлота, был приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян на том же спецполигоне НКВД «Коммунарка» в составе группы из 25 человек руководя-

щих работников ГУСМП и Гражданского Воздушного Флота. Среди них был ещё один член Комиссии Куйбышева, Н.М.Янсон (он был обвинён ещё и в шпионаже), в 1934 году - нарком водного транспорта, а в 1937 году - заместитель начальника ГУСМП (*о репрессиях против работников Главсевморпути см. статью «"Враги народа" за Полярным кругом» в настоящем сборнике*). Ещё один член Комиссии, И.С.Уншлихт, в 1934 году - начальник Главвоздухофлота, был расстрелян 28 июля 1938 года по приговору той же ВК ВС, обвинённый в создании контрреволюционной организации, шпионаже и подготовке террористических актов. Следовательно, были расстреляны трое из четырёх членов комиссии Куйбышева, лишь её глава и замнаркомвоенмор С.С.Каменев умерли своей смертью.

З.М.Каневский, проделавший огромную работу по репрессиям среди советских полярников [15], тем более трудную, что он не имел доступа к архивам спецслужб, пишет о том, что третий заместитель начальника экспедиции на «Челюскине», Иван Алексеевич Копусов, «тоже находился под дамокловым мечом, но сумел выжить (кажется, ему удалось «отсидеться» на зимовке на полярной станции «Бухта Тихая» в архипелаге Земля Франца-Иосифа)».

Уже на излёте Большого террора, 6 сентября 1940 года, в Москве был арестован 47-летний Александр Адамович Канцин, на «Челюскине» - заместитель заведующего хозяйством, после гибели Б.Могилевича возглавивший хлопотное завхозовское дело, хотя вообще-то он направлялся на зимовку на остров Врангеля. Латышский крестьянин первую мировую войну прошёл судовым машинистом на Балтийском флоте, в июле 1917-го вступил в партию большевиков, воевал и в Гражданскую, в 1921 году направлен в Наркомат иностранных дел, где и проработал дипкурьером до 1932 года, когда перешёл на хозяйственную работу в Главсевморпуть. В челюскинской экспедиции он был ещё и членом бюро ячейки ВКП(б). Заведующим хозяйством «Челюскина» он числился до 1936 (!) года. Любопытно, что в Постановлении ЦИКа о награждении не только искажена его фамилия (он назван Канцелем), но и должность - он стал «заведующим буфетом». Постановление ОСО НКВД от 28 мая 1941 года за «участие в антисоветской группе и антисоветскую агитацию» определило наказание персональному

пенсионеру в пять лет лагерного срока. Он был направлен в Воркутино-Печорский лагерь. Его дальнейшей судьбы установить пока не удалось, но в Воркутпечлаге в военные годы выживали немногие.

Главное Управление госбезопасности НКВД, ставшее 3 февраля 1941 года отдельным Комиссариатом (с 1946 г. - Министерство) госбезопасности, не оставило в покое челюскинцев и после войны. Прямым репрессиям подвергся челюскинский зоолог Лев Осипович Белопольский. 26-летний в 1933 году специалист по полярной фауне, прошедший уже несколько экспедиций (в 1930-1931 годах изучал фауну Чукотки, в 1932 году был участником экспедиции на «Сибирякове»), он прославился на «Челюскине» тем, что с молодым задором решил доказать вздорность поморских поверий о том, что печень белого медведя непригодна в пищу. В результате - жесточайшее отравление, и врач Константин Никитин еле его выходил. После возвращения в Арктический институт стал одним из инициаторов организации заповедника «Семь островов» на Кольском полуострове, с 1938 года - его директором. Во время войны, в 1942 году, организовал и возглавил довольно своеобразную и рискованную экспедицию на Новую Землю - для заготовки на птичьих базарах яиц и тушек птиц для мурманских и архангельских госпиталей [35]. В 1943-1946 годах директорствовал в Судзухинском заповеднике в Приморье, затем вернулся на «Семь островов», организовал его филиалы. В марте 1952 года работу прервал неожиданный арест. Вместе с ним был арестован и его 81-летний отец Иосиф (Осип) Романович Белопольский, один из ветеранов российской социал-демократии, большевик, организатор партийных издательств в Одессе и Санкт-Петербурге. Как выяснилось, их вина состояла в том, что один был отцом, а другой - старшим братом Валентина Осиповича Белопольского, который в конце 1940-х годов заведовал охотничьм спецхозяйством Ленгорисполкома и попал под каток знаменитого «ленинградского дела». По обвинению в «преступной связи с врагами народа и способствовании им в проведении вредительско-подрывной работы» он был расстрелян 31 октября 1950 года. Через полтора года МГБ вспомнило о его родственниках и 21 мая 1952 года Особое Совещание, но теперь не НКВД, а МГБ, решает выслать Льва Осиповича как социально-опасного элемента на пять лет. Он этапирован в Новосибирскую

область, где через два года получает определение Военной Коллегии Верховного Суда, резко изменившей сферу своей деятельности с расстрелов на реабилитацию, отменяющее постановление ОСО и освобождающее Л.О.Белопольского от высылки на поселение. В 1956 году он перебирается в Калининград, организует и возглавляет биостанцию Зоологического института Академии наук, в 1967 году становится заведующим кафедрой зоологии позвоночных Калининградского университета, которой и руководит 22 года, почти до своей кончины в 1990 году.

* * *

Таков скорбный список прямых политических репрессий против «героев-челюскинцев», подвергшихся арестам, расстрелам, лагерям и ссылкам в стране, в «едином порыве» бросившейся их спасать. Но было ведь на людей и давление самого разного свойства, не только «органов» (хотя они своего не упустили), но и давление общих изменений в стране. Иначе с чего бы потомственный помор и, по свидетельству земляков [29], искренне и глубоко верующий человек, знаменитый полярный капитан Владимир Иванович Воронин с конца 1920-х годов перестал вешать в своей каюте иконы с лампадой и тщательно скрывал свою религиозность? А как оценить роль партии и «органов» в поистине трагической судьбе блестящего учёного и организатора Петра Петровича Ширшова? Партячейка «Челюскина» при приеме в партию припоминает ему исключение из комсомола, трактуя бытовые грехи четырехлетней давности как «связь с чуждыми по идеологии людьми», но не смеет отказать дважды орденосцу (таких людей не на военной или чекистской службе в стране тогда можно было пересчитать по пальцам). После 1947-го года, когда была арестована его жена, актриса Е.Гаркуша и обвинена во всех грехах - от измены родине до спекуляции, - «органы» и их глава Берия превратили жизнь министра Морского Флота и директора академического Института океанологии (до таких карьерных высот не добрался ни один челюскинец) в ад. Недавно изданная книга его дочери М.П.Ширшовой [34] в какой-то мере описывает страдания этого незаурядного и сильного человека от чекистской грязи на «чистых руках» и скорую мучительную кончину. Нельзя не отдать должное мужеству Марины Петровны, которое понадобилось ей при

знакомстве с дневниками отца и архивным уголовным (а ведь так эти «дела» и продолжают официально называться!) делом матери - по себе знаю, каково читать «дела» даже незнакомых людей.

Так ли уж радужна была жизнь того самого «Деда-Мороза», Отто Юльевича Шмидта в страшные 1930-е? Он, конечно, не мог исключить того, что органы имеют «материалы» и на него, и НКВД их действительно имел, выбивая на допросах узаконенными решением партии «методами физического воздействия». Позволю себе привести несколько отрывков из документа, именуемого в делах НКВД «Протоколом допроса» (копия документа хранится в архиве НИПЦ «Мемориал». - *Прим. авт.*), по понятным причинам не называя имени человека, давшего эти, с позволения сказать, показания - это имя известно большинству полярников. Скажу лишь, что даны они после пяти месяцев пыточного лубянского следствия, и что через полгода этот человек по несправедному приговору будет расстрелян. Итак: «Судя <...> по дальнейшей линии поведения О.Ю.Шмидта, он был завербован для шпионской работы <...> в 1931 году в Ленинграде. Б. мне прямо заявил, что теперь в лице О.Ю.Шмидта мы имеем человека, который может оказать Германии крупные услуги <...> Так началась моя антисоветская деятельность, направленная на исполнение директив германской разведки по срыву освоения Северного морского пути и естественных богатств Крайнего Севера. Я действовал вместе с О.Ю.Шмидтом. <...> После организации Главсевморпути наша линия подбора антисоветских кадров привела к образованию во всех звеньях Главсевморпути, в частности в ВАИ (Всесоюзный Арктический институт) и Гидрографическом управлении, активно действовавших антисоветских гнезд. <...> Вместе со своим сообщником О.Ю.Шмидтом я практиковал и другой метод, рассчитанный на то, чтобы отвлечь внимание общественности, партии и правительства от наших вредительских дел...» и так далее. По меркам НКВД, обвинения по двум пунктам 58-й статьи - 6-му (шпионаж) и 11-му (контрреволюционная организация) были готовы для предъявления, предрешиён был бы по ним и приговор. Понимали ли чекисты всю абсурдность таких обвинений? Конечно, понимали! Один из арестованных после падения Ежова московских чекистов говорил на следствии: «При ведении следствия <...> добивались признаний в шпионской... деятельности, признаний часто неле-

пых, вроде передачи в виде шпионских сведений данных о режиме льдов в Северном Ледовитом океане» [6]. Важно было самому следователю написать нужным языком или продиктовать подследственному нужные фразы и нужные слова: шпионаж, вредительство, контрреволюционная деятельность, весьма ограниченный набор слов-символов, и отправить протокол наверх, а там - ещё выше, а для людей ранга Шмидта - совсем наверх, а там уже решали по другим мотивам и соображениям, человеческой логике неподвластным.

Хотелось бы привести здесь и мнение человека, через много лет наблюдавшего О.Ю.Шмидта в конце его жизни, человека с нестандартным и чётким умом, ставшего впоследствии видным учёным и правозащитником. Итак, Г.С.Подъяпольский [21, с. 16]: «О.Ю.Шмидт ... изредка приходил в Институт (*основанный Шмидтом Институт геофизики АН СССР. - Авт.*), хотя, как говорили, был уже смертельно болен. <...> Он мало уже походил на газетные фотографии времен челюскинской эпопеи <...> В середине 50-х годов меня очень интересовала личность О.Ю.Шмидта с её, как мне казалось, сложным и трагическим противоречием. С одной стороны, он был бесспорно крупным учёным, внёсшим определенный вклад в мировую науку. С другой стороны, он был членом партии с 1918 года, пользовался личным благоволением Сталина и, надо думать, должен был если не сразу, то спустя короткое время догадаться, что грандиозная шумиха вокруг спасения челюскинцев, в центре которой он оказался, является в первую очередь одной из дымовых завес социалистической гуманности, под которой уже раскручивалась на полный ход сталинская машина массового уничтожения. Что он в действительности думал по этому поводу, в частности о той марионеточной роли, которую в великих событиях сталинской эпохи выпало сыграть ему самому? <...> Наверное, в О.Ю.Шмидте действительно хватало всего понемножечку - и от крупного учёного, и от конъюнктурщика, и от хитрого политика, и от донельзя наивного человека. Но это же можно сказать слишком о многих...».

А сколько людей, причастных к спасению челюскинцев, без которых не было бы спасения и «эпопеи», попали под молот репрессий? Вот краткая история одного из них. И член «чукотской Тройки» А.Небольсин, и челюскинцы [12; 14] вспоминают госте-

приимного заведующего факторией Севморпути в Ванкареме Георгия (чукчи звали его Иорген) Кривдуна, обеспечившего приём, размещение, питание, отправку пеших групп челюскинцев. Чекист Небольсин, говоря о нём как о коммунисте, то ли сознательно врет, то ли показывает свою профессиональную неосведомлённость: Г.Кривдун был сыном отправленного в 1930 году в пятилетнюю ссылку зажиточного терского казака Терентия Кривдуна и вряд ли покинул родные окрестности Владикавказа по своей воле. Бросившаяся спасать своих сыновей Страна Советов через два с небольшим года одного из действительно бросившихся и отблагодарила: в октябре 1936 года Кривдун, заведующий факторией на мысе Шмидта, арестован и 16 июля 1937 года Особым Совещанием НКВД приговорён к шести годам лагерей, его дальнейшая судьба неизвестна. Интересно своей изощрённой фантазией обвинение: по тому же экзотическому 13-му пункту 58-й статьи, что и А.Н.Бобров в 1931 году (см. выше). Какая секретная служба, какие контрреволюционные правительства в затерянном в бескрайней тундре и снегах малюсеньком поселке? Дивизией советских атомных бомбардировщиков тогда на мысе Шмидта и не пахло!

* * *

Теперь - о другом, о том, что отдельные герои-челюскинцы отнюдь не были законопослушными гражданами своей страны. Известны два приговора по уголовным статьям участникам экспедиции на «Челюскине». Василий Громов, кочегар, «сибиряковец», более того - на «Сибирякове» секретарь комсомольской ячейки, дважды орденосец (не путать с журналистом Борисом Громовым), в ноябре 1940 года был арестован и в марте 1941 года приговорён к трём годам лишения свободы за мошенничество (статья 169 УК) и самовольное присвоение себе звания (статья 77). 26 марта 1942 года освобожден в связи с прекращением дела. Судя по последней дате, он попал под освобождение осуждённых по уголовным статьям, когда весной 1942 года обнаружилась резкая нехватка людей призывного возраста (в это время ему было 29 лет). Выяснение судьбы В.Громова теперь нужно вести не в архивах МВД, а в архивах Министерства обороны.

30 марта 1941 года в Рыбинске был арестован бывший плотник бригады строителей 28-летний Алексей Юганов, тот

самый, кого из-за его недюженной силы и отменного здоровья врач Никитин посадил с собой и больным О.Ю.Шмидтом в самолёт Молокова - достаточно посмотреть на фотографию этого здоровяка [22, т. 1], чтобы оценить решение врача: случись что, этот богатырь вынес бы Отто Юльевича на своих плечах. Юганов был обвинён в банальном «совершении хулиганских действий в общественных местах» (статья 74 УК), и через день уже выслушивал приговор участкового народного судьи (срок заключения в архивной справке не указан, максимальный срок по статье - один год). Почти сразу он был направлен в дорожно-строительный лагерь НКВД в районе Брест-Литовска, то есть в первые дни войны оказался на острие немецкого удара и вряд ли выжил в этой мясорубке.

* * *

Хочется всё же закончить этот достаточно мрачный рассказ чем-то позитивным. Нижеследующая история бытует среди коктебельско-московских старожилов на уровне легенды, хотя один из них заверял меня в её правдивости, так как слышал рассказ от самого героя. В должности матроса шёл на «Челюскине» 23-летний уроженец Белоруссии Александр Миронов, вообще-то представлявшей в экспедиции всю архангельскую прессу (напомню, что почти вся команда состояла из архангелогородских поморов). Человеком он был весёлым, остроумным, немного фантазёром, но и работягой, и был очень любим командой. Имел он и полярный опыт, плавал на Шпицберген и на Новую Землю. После челюскинской эпопеи он продолжал жизнь эдакого морского бродяги, продолжая заниматься журналистикой, а потом и писательством, пересказывая в рассказах для детей разные морские байки. В 1950-х годах он вернулся на родину и даже был принят в Союз писателей Белоруссии. Одним из первых он оценил прелести крымского поселка Планерское, упорно называемого всеми Коктебелем, и купил там маленький домик. В конце 1950-х годов Миронов обратился в Союз писателей за разрешением на поездку в США и, естественно, получил отказ, а в придачу - назидательную лекцию от куратора Союза от КГБ. Тогда он извлёк свой старый матросский заграничный паспорт, поступил матросом на какое-то грузовое судно, идущее в США, чтобы, пока идёт погрузка-разгрузка (а это занимало дней десять) «слинять» с парохода и «прошвырнуться» по Америке. Тут на его удачу случилась забастовка докеров, и Миро-

нов автостопом почти месяц мотался по восточным штатам, зарабатывая на еду то мытьём посуды, то ещё каким-либо немудрящим способом. Но неизменно из каждого места своих ночёвок он посылал в Союз писателей Белоруссии открытку с приветом куратору. К отплытию своего корабля он был на его борту и капитан, во избежание скандала, вынужден был его принять. Самое удивительное, что никаких последствий это фантастическое действие в те смутные для чекистов «оттепельные» времена не имело, ведь сам же вернулся, ну разве что нарушил трудовую дисциплину. Заграничный паспорт, конечно, отобрали, тем дело и ограничилось.

* * *

Сказанным выше далеко не исчерпываются «корректировки» в истории «челюскинской эпопеи». Нами скорее приведены несколько примеров того, какова, по-нашему, была подоплека отдельных событий, связанных с «эпопеей», действительно неординарной. Мы сделали попытку проследить судьбы некоторых её участников, судеб чаще трагических, хотя следовало бы выяснить и судьбы другие, судьбы простых участников событий. Представляется, что написание истинной истории эпопеи «Челюскина» и челюскинцев станет темой непредвзятых историков, специалистов других отраслей. Разгадка «тайн» истории - дело не одного человека и не одного года. «Челюскинская эпопея» - эпопея советская, и всё, что было тогда на судне и на льдине, - точный слепок с тогдашнего советского общества со всеми его проблемами, героизмом и подлостью, свойственной всем людям борьбой за жизнь и собраниями партиячейки...

Литература

1. Белов М.И. Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933-1945 гг. // История открытия и освоения Северного морского пути: Т. 4. Л.: Гидрометеиздат, 1969.
2. Большая советская энциклопедия: Т. 61. 1-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1934.
3. Большая советская энциклопедия: Т. 47. 2-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1957.

4. Большая Советская энциклопедия: Т. 29. 3-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1978
5. Бутовский полигон. 1937-1938 // Книга памяти жертв политических репрессий: Вып. 4. М., 2000.
6. *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.;Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948.
7. *Водопьянов Б.* Плыл по ледовитым морям... // Нева. 1987. № 11.
8. *Волков Н.А.* 40 лет челюскинской эпопеи // Известия Всесоюзного географического общества. 1974. Т. 106.
9. Героическая эпопея: Арктический поход и гибель «Челюскина»: (Фотоальбом), М., 1935.
10. *Гусарова С.А.* Академик Ф.П.Решетников (К 50-летию Ледового похода) // Проблемы развития советского искусства и искусства народов СССР: Сборник: Вып. XV. Л., 1984.
11. *Джапаков А, Попов Ю.* Триумфально плененные // Меридиан. 1999. 6 декабря.
12. Дневники «Челюскинцев». Л.: Гослитиздат, 1935.
13. Жертвы политического террора в СССР: М., Звенья, 2004. (CD-диски).
14. Как мы спасали челюскинцев: Сборник / *Под ред. О.Ю.Шмидта, И.Л.Баевского, Л.З.Мехлиса.* М.: Изд. ред. газ. «Правда», 1934.
15. *Каневский З.* Загадки и трагедии Арктики. М.: Знание, 1991.
16. *Корякин В.* Долгое эхо рокового рейса // Вокруг света. 2004, № 4.
17. Краткая географическая энциклопедия: Т. 4. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964.
18. «Пароход не подходил для ледового плавания»: Версия капитана «Челюскина» В.И.Воронина // Источник. 1996, № 1.
19. Первые Кавалеры Золотой Звезды. М.: Патриот, 2004.
20. По следам челюскинской эпопеи (радиограммы, письма, дневники, воспоминания, публикации). Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1986.
21. *Подъяпольский Г.* Золотому веку не бывать... М.: Звенья, 2003.
22. Поход «Челюскина»: В 2 т. / *Под ред. О.Ю.Шмидта, И.Л.Баевского, Л.З.Мехлиса.* М.: Изд. ред. газ. «Правда», 1934.

23. «Правда» (газ.). 13 апреля 1934 г.
24. Расстрельные списки. Москва. 1937-1941. «Коммунарка», Бутово. М.: Звенья, 2000.
25. Репрессии в Красной армии (30-е годы): Сб. документов из фондов Государственного Военного Архива / Состав. А.Кристиани, В.М.Михалева. Неаполь, 1996 - Итал., рус.
26. Русский Икар. Николай Николаевич Данилевский //Бутовский полигон. 1937-1938. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 7. М., 2003.
27. Славным завоевателям Арктики: Сборник под ред. И.Р.Грозы, П.С.Дубенского. М.: Соцэкгиз, 1934.
28. Семенов С. Из записной книжки челюскинца // Семенов С. «Однотомник». М.: «Сов. писатель», 1936.
29. Смирнова Н. Шаг навстречу. М.: Муравей, 2002.
30. Советский энциклопедический словарь: 2-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983.
31. «30 октября»: Газета «Московского «Мемориала», 2002. № 28, 29.
32. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. М.: Юриздат, 1952.
33. Хмызников П., Шириов П. На «Челюскине». Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936.
34. Шириова М.П. Забытый дневник полярного биолога. М.: Аванти, 2003.
35. Чертков В. Ищу Арктику. М.: Сов. Россия, 1986.

В статье использованы материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива экономики (Москва), Архива НИИПЦ «Мемориал» (Москва), Архива НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) и фонды Государственного Музея Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург). Сведения о репрессиях участников экспедиции получены по запросам НИИПЦ «Мемориал» (Москва) из Центрального архива ФСБ РФ, архивов Управления ФСБ РФ по Новгородской области, Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Главного информационно-аналитического центра МВД РФ. Всем этим организациям и их сотрудникам автор выражает свою искреннюю признательность и глубокую благодарность.

ЗАКОНВОИРОВАННЫЕ ЗИМОВЩИКИ

Этапы в «столыпинских», в «телячьих» вагонах, вообще этапы железнодорожные описаны в воспоминаниях бывших заключённых многократно. Выжившие соловчане вспоминали плавание из Кеми на Соловки, чаще всего на знаменитом «Глебе Бокия». В 1930 году был организован Вайгачлаг на одноименном острове. Начались полярные плавания того же «Глеба Бокия», но его вместимости не хватало. Кораблем-«зековозом» стал прославившийся за два года до этого при спасении экспедиции Нобиле ледокол «Красин», но не хватало и его трюмов, и был зафрахтован грузовой пароход под характерным названием «Красное знамя» (бывший английский «Waverley»). Путь из Архангельска на Вайгач был недлинным - менее 600 миль, а Белое и Баренцево моря в летнее время практически свободны ото льда.

Массовые морские перевозки заключённых начались с образованием в конце 1931 года Дальстроя и приданного ему Северо-Восточного ИТЛ - других путей, кроме морского, с «материка» на Колыму не было. Колымским «Mauflower»-ом (*«Майский цветок» - так назывался корабль, на котором первые английские колонисты прибыли в Америку. - Прим. авт.*) стал зафрахтованный ОГПУ пароход «Сахалин» Дальневосточного морского пароходства (ДВМП), за полтора года до того сошедший со стапелей Балтийского завода в Ленинграде. Преодолев 1400 миль по зимним Японскому и Охотскому морям, он прибыл из Владивостока в бухту Нагаева (*названа в честь русского гидрографа XVIII-го века адмирала А.И.Нагаева. - Прим. авт.*) 4 февраля 1932 года, имея на борту руководство «Дальстроя» во главе с Э.П.Берзиным и первые двести человек колымских заключённых, этапированных сюда за два месяца до официального приказа о создании Севвостлага [1]. С летней навигации 1932 года рейсы в порт, на первых порах именованный, по названию бухты, Нагаево, стали регулярными, тоннаж фрахта нарастал из года в год и в 1935 году «Дальстрой» обзавёлся собственным морским флотом, закупив в Голландии

* Опубликовано в сокращённом виде в газете «30 октября» (орган общества «Московский Мемориал»), 2004. № 47. С. 7; № 48. С. 7.

крупнотоннажные морские суда «Brittle» (переименован в «Джурму»), «Vatoo» («Кулу») и «Almelo» («Генрих Ягода», переименованный потом по понятным причинам в «Дальстрой»), позже в Англии был куплен океанский грузопассажирский кабелеукладчик «Dominia» - после переоборудования он стал флагманом флота Дальстроя и получил название «Николай Ежов», тоже вскоре заменённое - на «Феликса Дзержинского» [9]. Но даже этот флот суммарным брутто-тоннажем более 42 тысяч тонн не справлялся с возрастающим потоком грузов и заключённых и в помощь ему по-прежнему фрахтовались суда ДВМП. Список советских морских судов, работавших на «Дальстрой» и Севвостлаг, составленный по многим публикациям и воспоминаниям колымских заключённых, насчитывает десятки названий.

В своё время нами была предпринята попытка разыскать судовые документы этих кораблей, прежде всего - вахтенные журналы, в которых были бы зафиксированы факты, а, возможно, и подробности морских этапов, приспособление «грузовиков» под перевозку сотен людей не только в Магадан, но и на Вайгач, в Дудинку для Норильлага и по другим морским этапным маршрутам. Бассейновые морские пароходства, ставшие ОАО, ЗАО и т.п., особого рвения в поисках этих документов не проявили. Единственная организация добросовестно и полно отвечала на запросы «Мемориала»: Российский морской регистр судоходства в Санкт-Петербурге сообщал исторические сведения и технические данные о запрашиваемых судах.

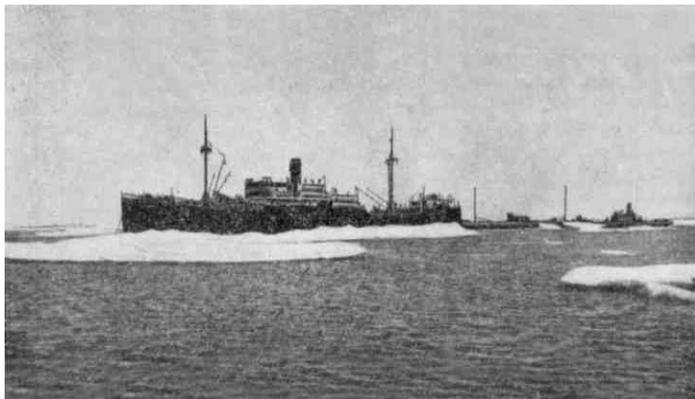
Некоторые документы, однако, нашлись, но не в архивах НКВД или пароходств, а в Москве, в легко доступном Российском государственном архиве экономики на Большой Пироговской улице, в фонде Главного управления Северного морского пути (фонд 9570), и касались эти документы одних из самых экзотических эпизодов в истории ГУЛАГа, известных в литературе по истории Советского Севера как Северо-Восточная полярная 1932 года и Колымская особая 1933 года экспедиции [2; 5]. Но при чем здесь Управление Севморпути, организация, овеянная романтической славой полярных экспедиций и беспримерных подвигов? Созданное Постановлением СНК от 17 декабря 1932 года, ГУСМП организовывало все экспедиции по арктическим морям, используя пока не свои суда (их попросту не было), а плавсредства Наркомата

водного транспорта. Обнаруженные в РГАЭ копии «Рейсовых донесений» капитанов судов, составлявшие по окончании плавания по вахтенным журналам, представлялись Коллегии ГУСМП, работавшего на правах наркомата. Эти документы легли в основу предлагаемой «гулаговской версии» целей экспедиций, о чём в открытой печати практически не говорилось до самых последних лет.

Ещё при организации Дальстроя встала проблема транспортной доступности к основным объектам золотодобычи: россыпи находились в верховьях Колымы, путь к ним от столицы Дальстроя бухты Нагаева (город Магадан появится здесь позже) преграждали таёжные и гольцовые (*гольцы - каменистые тундры выше уровня леса. - Прим. авт.*) горные хребты, через которые вели редкие гужевые дороги. Естественным было желание, несмотря на недостаточное знание условий полярного судоходства, малый опыт полярных плаваний и приспособленных для них кораблей, обеспечить регулярный завоз, прежде всего тяжёлого добычного оборудования, запасов продовольствия и иных грузов по реке Колыме от её устья. Уже 23 января 1932 года СНК принимает Постановление «Об освоении северо-восточных водных путей СССР», по которому предполагалось организовать в предстоящую навигацию Северо-Восточную полярную экспедицию Наркомвода для доставки в устье Колымы не менее 12 тысяч тонн груза и последующую его развозку в ту же навигацию от устья Колымы до районов приисков [1]. Это решение для истории плаваний в восточном секторе Советской Арктики было переломным - плавания одиночных кораблей с грузами для местного населения колымско-чукотского побережья сменялись экспедициями целых флотилий в сопровождении судна ледокольного класса с грузами для огромной организации. Фарватер Колымы ещё в 1928 году был изучен и частично размечен экспедицией иркутского гидролога И.Ф.Молодых [2; 5]. Молодой, но уже авторитетный учёный был противником освоения Северного морского пути и выступал за прокладку Великого Сибирского железнодорожного пути.

В конце июня - начале июля 1932 года, с задержкой графика, из Владивостока вышли пароходы «Сучан» (капитан П.И.Хренов), «Север» (П.П.Караянов), «Анадьрь» (А.Г.Чечихин, с февраля 1933 года - В.М.Стехов), «Урицкий» (Я.Л.Спрингс), «Микоян»

(В.П.Сиднев), «Григорий Зиновьев» (А.Д.Рябокоть) и парусно-моторная шхуна «Темп» в сопровождении ледореза «Литке» (А.О.Шмидт, в навигацию 1933 года - Н.М.Николаев). На буксирах корабли тянули две железные баржи и два паровых катера, предназ-

Пароход «Анадырь», на буксире - баржа и катер [2]

начавшихся для Колымского пароходства, ещё восемь деревянных барж в разобранном виде лежали в трюмах и на палубах [2]. Возглавлял экспедицию известный учёный-гидрограф Н.И.Евгенов, его заместителем был опытный морской капитан А.П.Бочек, представителем треста «Дальстрой» - Ю.С.Шифрин. Известный полярник В.Корякин [8] пишет, что Бочек предупредил: «За экспедицией будут следить не только Наркомат и Дальстрой, это вы должны знать...». Из капитанов судов наиболее опытным был В.Сиднев, еще в 1927 году ходивший к устью Колымы старпомом на пароходе «Колыма», в 1928 году повторивший этот маршрут уже его капитаном, зазимовав на обратном пути [2]. В трюмах кораблей экспедиции было 6000 тонн грузов, а в твиндеках (подпалубных помещениях) «Сучана» «стонали от качки» более 200 заключённых - арктических пионеров ГУЛАГа («Сучан» был зафрахтован не у ДВМП, а у Акционерного Камчатского Общества Наркомрыбпрома). Всего же на судах экспедиции было 867 пассажиров, как скрупулёзно подсчитал в наше время магаданский историк А.Бирюков [4]. Необычность пассажиров (кроме заключённых) была в том, что среди них было 130 женщин и 80 детей (в пути родилось ещё двое, так что знаменитая Карина Васильева, родив-

шаяся в августе 1933 года на борту «Челюскина» в Карском море, - отнюдь не первый ребенок, родившийся в полярном плавании). Исследователи предполагают, что, кроме какого-то количества вольнонаёмных, остальные были направляемыми в колымские посёлки колонистами из числа ссыльных (в основном - семьями) и бывших заключённых, скорее всего - Дальлага, на первых порах передававшего свой «контингент» дальстроевскому Севвостлагу. Ведь именно в это время директор «Дальстроя» Берзин активно поддерживал идею ЦК и ОГПУ об освоении труднодоступных районов силами колонистов - ссыльных и освобождаемых для

Суда Северо-Восточной полярной экспедиции у мыса Сердце-Камень [2]

этого заключённых. Часть семей колонистов ещё с пути по настоянию Евгенова была отправлена обратно во Владивосток на встречном пароходе «Лозовский». Есть и неподтверждённые документально свидетельства того, что в первой половине 1930-х годов в районе Средне-Колымска существовал женский лагерь.

В начале августа караван прошёл Берингов пролив и вынужден был остановиться у кромки тяжёлых льдов Чукотского моря. 16 августа руководство экспедиции всё же решилось пробиваться, и «Литке», используя узкие полыньи и с трудом ломая ледяные перемычки между ними, повел корабли на запад вдоль берегов Чукотки. Что должны были чувствовать заключённые, запертые в тесном, темном твиндеке, слыша скрежет льдов и их удары по борту «Сучана», шедшего прямо за ледорезом, можно только догадываться. Наконец, через два месяца после выхода из Владивостока,

4 сентября, преодолев три с половиной тысячи миль по Японскому, Охотскому, Берингову, Чукотскому и Восточно-Сибирскому морям, экспедиция достигла пункта назначения - бухты Амбарчик недалеко от устья Колымы [2].

Именно она была выбрана как перевалочная база - здесь грузы с морских судов должны были выгружаться на береговые склады, а с них - на речные суда и баржи. Открытая с моря мелководная бухта даже летом бывала забита льдом, из-за мелководья морские суда бросали якоря в пяти милях от берега, грузы нужно было сгружать в кунгасы или на баржи, а уже с них - на причалы (которых, впрочем, ещё не было), но выбирать было не из чего: берег Восточно-Сибирского моря бухтами не изобилует. Так было положено начало одному из полярных островов ГУЛАГа - отдельному лагерному пункту «Амбарчик», подчинённому вскоре организованному (22 декабря 1932 года) Колымскому речному управлению «Дальстроя» (КРУДС) [9]. Этот метастаз ГУЛАГа лежал на той же географической широте, что и Вайгачлаг, в 350 км севернее Полярного круга.

*Пароход «Сучан» во льдах Чукотского моря
(фонды Музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге)*

За день до прихода судов экспедиции в Амбарчик здесь бросил якорь ледокольный пароход «Сибиряков», перед которым была поставлена задача пройти Севморпуть в одну навигацию. Возглавлял экспедицию О.Ю.Шмидт, капитаном «Сибирякова» был В.И.Воронин. «Сибиряков» привёл на буксире из Тикси речные пароходы «Партизан» и «Якут», предназначенные для плавания по

Колыме, и несколько барж [2] - экспедиция «Сибирякова» удачно совмещала научные задачи с помощью гулаговскому освоению Арктики. Команда и научный состав на «Сибирякове» видели, как началась разгрузка заключёнными судов дальстроявской экспедиции, строительство барачных складов и причалов. «Сибиряков» вскоре покинул бухту, а обрушившийся 16 сентября шторм вынудил прекратить разгрузку и 23-го корабли вообще ушли на восток, где и зазимовали в Чаунской губе, в 150-ти милях от Амбарчика. «Сибирякову» же удалось «проскочить» Берингов пролив, и его удачный рейс стал толчком к созданию Главсевморпути и организации похода «Челюскина» в 1933-м году.

ОЛП «Амбарчик» остался с теми запасами, которые успели выгрузить, всего же выгрузили 2500 тонн, менее половины всего груза (по другим данным - 1200 тонн) [9]. Имеются неподтверждённые сведения о том, что оторвавшуюся при разгрузке с корабля баржу с несколькими десятками людей унесло в море, но в «Рейсовых донесениях» это происшествие не зафиксировано. Может быть, смутные слухи об этой трагедии подтолкнули в последние годы фантазёров от истории на выдумку мифов полярного ГУЛАГа: о шедшей со знаменитым «Челюскиным» «Пижмы» с 2000 заключённых и её утоплении, об уничтожении в 1933 году в Чукотском море 12 тысяч заключённых, привезённых туда на «Джурме» (см. статью «Об одном полярном мифе Гулага» в настоящем сборнике). Тем временем заболевшего от переживаний и вывезенного на «материк» Евгенова на посту начальника экспедиции сменил Бочек, а двести заключённых «Амбарчика» за полярную зиму успели построить бараки, 150 метров причалов и складские помещения вместимостью более 3000 тонн.

Условия существования в Амбарчике без преувеличения можно назвать невыносимо тяжёлыми. В арктическую зиму люди жили в палатках, не было нормальной пищи, бани, среди заключённых скоро начались заболевания цингой. В этих-то условиях у группы заключённых возникла идея побега с убийством руководства лагпунктом и охраны и захватом зимовавшей в бухте шхуны «Темп» [4]. Заговорщики были вскоре выданы «стукачём», арестованы, уполномоченный ОГПУ быстро провёл следствие и в начале марта 1933-го года известил о заговоре руководство Северо-Восточных лагерей. Уже 21 марта из бухты Нагаева, преодолев

Н.И.Евгенов, О.Ю.Шмидт, А.П.Бочек и флагманский врач Северо-Восточной полярной экспедиции Л.М.Старокадомский на борту «Литке» в бухте Амбарчик. На заднем плане - «Сибиряков». 3 сентября 1933 года [2]

посуху две тысячи километров, в Амбарчик прибыл помощник начальника Управления Северо-Восточных лагерей (УСВИТЛ) А.Энгельгард и провёл тщательное следствие. А.Бирюков подробно разбирает ход и результаты следствия (анализируя обнаруженные им в архиве УСВИТЛа документы) и приходит к выводу, что из шести заговорщиков (все они были осуждены по уголовным статьям) четверо были расстреляны, одному срок увеличили до десяти лет, а ещё один был «прощён» - «по причине его неграмотности и не сознательности и из за крайне ограниченной развитости (стиль документа. - Авт.)», на самом деле - за содействие следствию. Сразу по окончании следствия (в начале апреля) четверо были расстреляны без какого-либо подобия приговора, ибо Энгельгард прибыл в Амбарчик с санкцией на расстрел, полученной им от начальника УСВИТЛа и директора «Дальстроя» НКВД Берзина, который, в свою очередь, получил её от Ягоды. Расстрел имел целью запугать начавших «тянуть волынку» заключённых ОЛПа «Амбарчик». «Обвинительное заключение» по делу было подписано Берзиным значительно позже, по странному совпадению - в день гибели «Челюскина», 13 февраля 1934-го года.

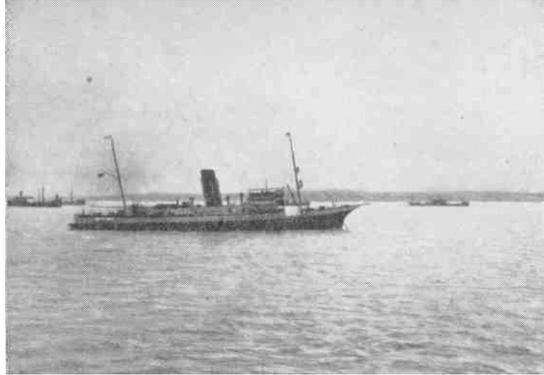
А в июле 1933-го перезимовавшие пароходы экспедиции разделились: «Сучан» и «Григорий Зиновьев» прямо с зимовки

Бухта Амбарчик с остатками строений лагеря. 1989 г. (Фото А.А.Хаит из фондов Нижнеколымского музея истории и культуры народов Севера Якутии)

ушли во Владивосток. Впрочем, на «Зиновьеве» команде полярной зимой пришлось перекрашивать название судна на бортах и корме на «Красного партизана» - зимой 1932 года оппозиционер Г.Е.Зиновьев был исключён из ВКП(б) и отправлен в ссылку. «Север», «Анадырь», «Микоян» и трудно перезимовавший отдельно от них и лишь в июле освобождённый «Литке» изо льдов «Урицкий» вернулись для доразгрузки в Амбарчик. Тут-то и выяснилось, что среди заключённых и вольнонаёмных свирепствует цинга (сколько людей не пережили зиму - неизвестно). Из-за недостатка рабочей силы суда разгружались по очереди. Первым разгрузился «Север» и 7 августа пошел на запад, к устью Лены, где в порту Тикси оставил предназначенный сюда груз, загрузился углем, взял на борт несколько пассажиров и двинулся обратно на восток. Однако пришлось заходить в Амбарчик, так как капитан П.Караянов «...обнаружил на борту двух «зайцев», которых сдал властям в Амбарчике» («Рейсовое донесение»). Что это были за «зайцы»: просто безбилетники, какие-нибудь молодые романтики или беглые заключённые - выяснить не удалось. Амбарчик же по очереди покидали «Урицкий», «Микоян» и «Анадырь». «Урицкого» и «Микояна» «Литке» успел вывести на свободную от тяжёлых льдов воду.

В это же время из Тикси в Амбарчик вышел караван судов

*Суда Северо-Восточной полярной экспедиции близ бухты Амбарчик.
Во главе каравана - ледорез «Литке» [3]*

Лено-Колымской экспедиции во главе с опытным полярным капитаном П.Г.Миловзоровым, а флагманом экспедиции был пароход «Ленин» (в литературе его часто называют ледоколом - не путать с одноимённым атомным ледоколом, этот «Ленин» - бывший «Александр Невский», будущий «Владимир Ильич»). В этом караване шёл и «Север». Заключение на судах экспедиции не было, её главной задачей, помимо доставки грузов, был перегон на Колыму пяти речных судов и шести барж. Со знаменитого Сормовского завода в верховья Лены, в Качуг были привезены детали корпусов и машин пароходов, здесь их собрали и своим ходом пароходы с баржами на буксире прошли всю Лену. Но в тяжёлых льдах моря Лаптевых были потеряны все баржи (не эти ли потери трансформировались позже в слухи об унесённой в Амбарчике барже?), а в шторм затонул речной пароход «Революционный», находившихся на его борту более двадцати женщин и детей удалось спасти, но вся команда погибла. В Амбарчик 31 августа было доставлено чуть более двухсот из полутора тысяч тонн грузов, а Миловзоров был награждён орденом Ленина [3].

Между тем во Владивостоке в соответствии с Постановлением СНК СССР от 8 апреля 1933 года началось снаряжение Колымской особой экспедиции 1933 года, которая должна была доставить в Амбарчик более 4000 тонн груза и новую рабочую силу. Точно по графику, 16-19 июня Владивосток покинули пароходы «Хабаровск» (капитан Н.А.Финякин), «Свердловск» (А.П.Мелехов), «Лейтенант

Шмидт» (Ф.К.Снежко) и «Монгол», руководил экспедицией полярный капитан Д.Н.Сергиевский [3]. В 1930 году он капитаном «Колымы» совершил к устью Колымы рейс, в духе времени названный ударным, но на следующий год удача от «Колымы» и её капитана отвернулась и пароход зазимовал в районе Чаунской губы [2]. В твиндеках «Хабаровска» разместилось 205 «пассажиров Дальстроя», как было записано в «Рейсовом донесении» Н.Финякина; что в нём и в донесениях других капитанов подразумевалось под этим, не оговорено, но из контекста понятно, что это были и заключённые и немногочисленные вольнонаёмные. Суда зашли для пополнения воды в Петропавловск(-Камчатский. - Прим. авт.), где «Дальстрой производил свои дела» («Рейсовое донесение» Н.Финякина). Под проводкой «Литке», хотя и получившего небольшие повреждения в прошлогодней навигации, корабли довольно легко достигли Амбарчика и по мере разгрузки брали курс на Берингов пролив: сначала «Монгол», потом «Свердловск», последним - «Хабаровск». Он забрал перезимовавших в Амбарчике заключённых и скопившихся пассажиров, в том числе - 27 цинготных «баржевиков» из Среднеколымска и Амбарчика. 6 сентября «Хабаровск» присоединился в Чаунской губе к судам экспедиции 1932 года «Анадырю» и «Северу», которым грозила уже вторая зимовка.

13 сентября с судов в сгущающихся полярных сумерках увидели силуэт шедшего на восток «Челюскина». В эти же дни его капитан В.И.Воронин в своём «Рейсовом донесении» [10] фиксирует встречу со стоящим у Медвежьих островов, к северу от Амбарчика, «Шмидтом» и радиосвязь с «Литке», который в ста милях восточнее, у мыса Шелагского, вёл караван из трёх судов («Урицкий», «Микоян», «Свердловск»). Для Воронина, опытного полярного капитана, стало ясно, что на помощь получившего за две навигации повреждения «Литке» «Челюскину» рассчитывать больше не приходилось. В тот же день «Челюскин» проходит мимо стоящих на бункеровке (погрузке угля. - Авт.) с «Севера» у острова Шелаурова изба «Хабаровска» и «Анадыря». В уже приспособленном для жилья твиндеке «Хабаровска» разместилось почти всё бывшее «население» Амбарчика и другие пассажиры. Здесь же была оборудована больница для больных цингой. Вторая группа больных располагалась на «Анадыре» в твиндеке № 2 (в «Рейсовом донесении» капитан В.Стехов пишет о них как о «пасса-

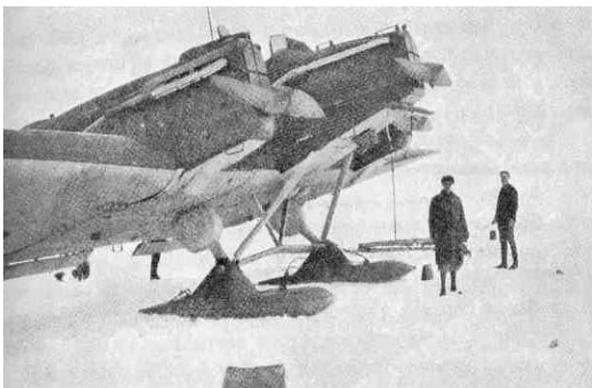
жирах Дальстроя (заключённых)», для которых команда выделила последние запасы труб для камельков (*небольшие угольные печи. - Авт.*), лечением больных занялся врач Степашкин. На 22 сентября на «Анадыре» было 74 «пассажира Дальстроя», 27 из них больны цингой. А записи его капитана В.Стехова бесстрастно фиксируют: «21 августа - умер от цинги пассажир Дальстроя М.Ситников, тело предано морю. 30 августа - умер сын пассажира Леонтьевского от воспаления лёгких и ангины, умерла от уремиических приступов беременная пассажирка К.М.Соколова, тела преданы морю». Всего на двух судах изначально было 168 пассажиров. На кораблях не было достаточного запаса продовольствия и тёплой одежды, многие пассажиры были цинготниками в тяжёлой форме, некоторые уже не могли двигаться. Между тем ледовая обстановка осложнялась: попал в ледовый дрейф у берегов Чукотки «Лейтенант Шмидт» и 6 октября его капитан Ф.Снежко записывает: «В 4-6 милях проходит в дрейфе п/х «Челюскин»; судя по «Рейсовому донесению» Воронина [10], это произошло близ мыса Сердце-Камень, всего в 60 милях от Берингова пролива. Недалеко стоит во льдах и «Свердловск», на который 4 октября пришла группа из восьми человек, по разным причинам покинувшая «Челюскин». Нелишне отметить, что в этой группе был известный поэт И.Сельвинский и ставший вскоре известным кинооператор М.Трояновский, потом эту группу уже в бухте Провидения на южном побережье Чукотки «Свердловск» вновь примет на борт и привезёт во Владивосток [11, т. 1]. Не может быть, чтобы за месячное плавание несостоявшиеся «герои-челюскинцы» не узнали о том, чего и кого, откуда и куда возили «особые» экспедиции.

В почти безнадежной ситуации «Свердловску» благодаря удивительному «чутью льда» и таланту капитана Мелехова удаётся уже в разгар чукотской зимы, 1-го ноября, вырваться из ледового плена самому и даже выручить «Шмидта», на остатках угольной пыли и всяком горючем мусоре пройти Берингов пролив, пополниться углём и 14 января 1934 года прийти во Владивосток. А «Литке» делает несколько попыток пробиться к остановленным льдами ещё 22 сентября у мыса Биллингса «Северу», «Анадырю» и «Хабаровску», получает новые повреждения и буквально чудом выскакивает из ледяной ловушки у острова Колочин, не дойдя до кораблей 100 миль.

Эти попытки сыграли роковую роль в судьбе знаменитого «Челюскина» - потерявший лопасть винта, имеющий серьёзное повреждение руля и течь в помятом корпусе, «Литке» вынужден был ответить отказом на просьбу о помощи «Челюскину». Через две недели, кое-как залатав пробоины в корпусе, «Литке» сам предложил эту помощь дрейфовавшему у Берингова пролива «Челюскину», но на этот раз от неё отказался О.Ю.Шмидт. Ещё через 20 дней, отчаявшись самостоятельно выйти из дрейфа, «Челюскин» запросил срочной помощи ледореза и тот сразу же вышел в море. Корабли разделяло всего 50 миль не самых тяжёлых льдов, но тут и сказались повреждения, полученные «Литке» при походе к судам дальстроевских экспедиций. Уже ему самому грозила зимовка, из-за отсутствия запасов угля и продовольствия обречённая на трагедию. Бочек даже предложил Николаеву выбросить судно на берег Аляски, чтобы спасти людей. Так что не будь последних попыток ледореза пробиться к судам дальстроевских экспедиций, могло и не быть дрейфа «Челюскина», «героической эпопеи», Героев Советского Союза и одного из самых громких советских пропагандистских спектаклей. Но не пойти к этим судам «Литке» не мог, видимо, об этом позаботился Д.Н.Сергиевский, находившийся на «Хабаровске». В «Рейсовом донесении» его капитана Н.Финякина ещё 6-м сентября датируется такая запись: «В Чаунской губе встретили «Анадырь», на котором были пассажиры Дальстроя, оставление которых на зимовку допустить было нельзя по известным соображениям».

Остро встал вопрос об эвакуации с «Хабаровска» и «Анадыря» людей, которым грозила гибель от голода и болезни. Начальник ГУСМП О.Ю.Шмидт, возглавлявший экспедицию на «Челюскине», был назначен уполномоченным Совнаркома «по эвакуации экипажей судов Северо-Восточной экспедиции». Как видим, вопрос решался на самом высоком уровне и маскировался под эвакуацию экипажей, хотя совершенно ясно, что эвакуировать экипажи - значит бросить корабли на гибель. Такое внимание к «пассажирам Дальстроя» может иметь, по нашему мнению, единственное объяснение: корабли зазимовали недалеко от границы, на владение островом Врангеля претендовали Канада и США [5, с. 230-237], ситуация была непредсказуемой и наличие каторжников-полярников, к тому же очевидцев бессудного расстрела (см.

выше), на зимующих судах могло стать достоянием гласности и вызвать отрицательную реакцию Запада. О.Ю.Шмидта на посту уполномоченного СНК вскоре сменил опытный авиатор Г.Д.Красинский, в распоряжении которого оказался лишь один самолёт - трёхмоторный ЮГ-1 («Юнкерс-Гигант»), командиром которого был Ф.К.Куканов, вторым пилотом - Г.А.Страубе (он в 1928 году на таком же ЮГ-1 был вторым пилотом экипажа Б.Чухновского, обнаружившего гибнувших членов экспедиции генерала Нобиле, спасённых ледоколом «Красиным»), механиками - В.Шадрин и Демидов. Всё лето экипаж отработал на Чукотке с экспедицией С.В.Обручева, облетав огромную неизученную территорию, спас американского лётчика Маттерна, совершавшего кругосветный перелёт и потерпевшего аварию у Анадыря [3; 7], совершил рейс к «Челюскину», когда тот пытался пробиться к острову Врангеля, и свозил на него Шмидта, а когда стало ясно, что «Челюскину» к острову не пробиться, сделал туда два рейса, доставив на бедствующую полярную станцию продукты и боеприпасы, а оттуда вывезя 11 зимовщиков.

Самолет «Юнкерс-Гигант» (ЮГ-1) [12]

За пять месяцев до подвига первых Героев Советского Союза, вывезших из ледового лагеря челюскинцев, экипаж Ф.К.Куканова совершил настоящий подвиг: спас людей с зимующих кораблей дальстроевских экспедиций. Знаменитый учёный-полярник В.Ю.Визе [5] пишет: «При крайне неблагоприятной погоде, в условиях наступающей полярной ночи, Куканов за короткое время

перебросил с зимовавших пароходов на мыс Шмидта и в Уэлен свыше девяноста пассажиров». В «Рейсовом донесении» Н.Финякина пунктом вывозки указан мыс Северный (*вскоре он получит название мыс Шмидта. - Прим. авт.*), а число вывезенных - 62 человека - это только пассажиры «Хабаровска». Известный полярный летчик М.Каминский уточняет [7], что на имеющем много дефектов из-за небрежного ремонта, износившемся самолёте Куканов совершил в короткие световые дни октября от мыса Северного к зимующим кораблям тринадцать рейсов и вывез 93-х человек.

От места зимовки до Северного - 100 километров (напомним - дальность полёта в лагерь челюскинцев из Ванкарема - 130-140 км), так что и расстояния, и условия полётов сравнимы, а самолёт Куканова был вдвое больше и, значит, требовал более жёстких условий посадки и взлёта, чем одномоторные Р-5 - именно на них было перевезено большинство челюскинцев. Справедливости ради надо отметить, что корабли стояли на зимовке у ровного льда берегового припая. Тем не менее первые Герои Советского Союза вывезли: В.Молоков - 35 человек за 8 рейсов, Н.Каманин - 31 за 9, А.Ляпидевский - 12 за 1 рейс на АНТ-4: 10 женщин и двоих детей, М.Водопьянов - 9 за 3, М.Слепнёв 6 за 2, И.Доронин 2 за 1, С.Леваневский - ни одного, т.к. в лагерь Шмидта вообще не летал [10, т. 2], то есть даже Молоков и Каманин вывезли вдвое меньше, чем Куканов. Может быть, этот лётчик и попал бы в «обойму» первых кавалеров Золотой Звезды, но к началу челюскинской эпопеи его самолёт выработал все мыслимые и немыслимые ресурсы. И спас Куканов не тех - на спасении заключённых пропагандистской шумихи не устроишь! Кому сейчас известно имя Фёдора Кузьмича Куканова, который по праву должен был стать Героем Советского Союза № 1?... Эту крамольную мысль ещё в 1973 году высказал в своей книге М.Каминский [7], говоря о его последнем полёте к зимующим кораблям: «Обидная авария накануне событий, которые сделали бы этого лётчика главным их героем». И всё же в роковой для «Челюскина» день 17 ноября, когда потерпел аварию базирующийся на нём самолёт «Ш-2» И.Бабушкина, Куканов решился на полёт к «Челюскину» и «Литке» для ледовой разведки, но при взлёте с мыса Северного снёс себе шасси. Это стало последней каплей в чаше неудач «Челюскина» и комсостав корабля и

Ф.К.Куканов [7]

экспедиции вынужден был принять решение отпустить «Литке». Однако, описывая все эти перипетии [10], челюскинцы ни разу не упомянули имени Куканова!

Удача операции по эвакуации самолётом «пассажиров Дальстроя» стала решающим аргументом при выборе из многочисленных вариантов спасения челюскинцев именно использование самолётов. Наверное, поэтому 15 июня 1934 года, через два месяца после решения о награждении челюскинцев и их спасателей, вспомнили и о людях, им помогавших. Этим днём датировано Постановление ЦИКа, по которому «за выдающееся участие в организации и проведении спасения челюскинцев и сохранении научных материалов экспедиции» Ф.К.Куканов был награждён орденом Красной Звезды, как и все челюскинцы [13]. В 1934 году Куканову достался челюскинский миниатюрный самолёт «Ш-2» (он и сейчас встречает посетителей Музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге) для ледовой разведки, и на борту «Литке» он прошёл Северный морской путь с востока на запад [3]. Дальнейшую судьбу этого полярного лётчика выяснить пока не удалось.

Между тем вывезли, очевидно, не всех больных, заболели бывшие ещё здоровыми и записи в «Рейсовом донесении» капитана «Хабаровска» И.Финякина фиксируют: «9 ноября - на «Анадыре» умер пассажир Дальстроя Суховальный, перенесённый туда вследствие тяжёлого состояния», но и: «Организация Дальстроя (сопровождающий Сухомлинов) дисциплинирована и примерна, хотя из-за болезней ей было труднее работать»; «21 января 1934 г. - умер тяжело больной цингой пассажир Дальстроя Музырецкий

(перенесён в лазарет на «Анадыре»); февраль 1934 г.: «Умерло 5 пассажиров Дальстроя»; март: «Умерло 4 пассажира Дальстроя - К.П.Песковой, А.А.Рязанов, Г.А.Литвинчук, Н.П.Петров и два других (А.П.Бирюков, А.А.Ермолаев)»; апрель: «Умер от интоксикации цинги ещё один пассажир». Однако вольные пассажирки (вряд ли женщины были среди заключённых) на зимующих кораблях - рожали! Капитан «Анадыря» Стехов записывает: «26 августа - у гражданки Бессмертной родилась девочка. ... Апрель - в судовом лазарете родила девочку пассажирка Терегулова Мигуэль».

Только 29 июня 1934 года «Хабаровск», «Анадырь» и «Север» освободились из ледяного плена и пошли на восток. На «Хабаровске» - 21 «пассажир Дальстроя», «28 пассажиров и 6 детей», на мысе Северном приняли зимовавших там 37 «пассажиров»; судьба остальных вывезенных не уточняется, видимо, часть их умерла, а выжившие были отправлены в Уэлен, где в это время существовало единственное на Чукотке учреждение карательных органов - погранотряд и комендатура ОГПУ. В конце июля корабли с полярниками поневоле пришли во Владивосток. Ни дальнейшая судьба, ни даже имена этих людей неизвестны.

История ОЛПа «Амбарчик» полна была ещё непосильными разгрузочно-погрузочными работами летом и осенью, строительством - полярной зимой, трагедиями лагерных арестов и расстрелов. Но по мере развития сухопутных дорог в империи «Дальстроя» перевалочный порт терял своё значение, и в 1939 году ОЛП был ликвидирован, а портовые сооружения переданы в ведение Главсевморпути. С началом войны, когда грузы для приисков и рудников Колымы через Магадан почти не поступали (флот «Дальстроя» «бросили» на перевозку грузов по ленд-лизу из тихоокеанских портов США), был организован завоз грузов с запада, по уже вполне освоенному Северному морскому пути. Порт вновь был передан Дальстрою, который тут же устроил здесь всё тот же ОЛП [9].

Вот зафиксированный документально эпизод 1941-го года из всё тех же «Рейсовых донесений». 25 июня пароход «Сахалин», тот самый колымский «Maflower» (капитан П.Ф.Харламов), принял на борт в Находке более 1700 заключённых, 350 из которых этапировались в Амбарчик. 16 июля он пришёл в Певек, выгрузил направляемых сюда заключённых и грузы. Партию заключённых,

предназначенную для Амбарчика, Харламов хотел перегрузить на шедшего туда «Урицкого», но его трюмы «были забиты, везти же на палубе Дальстрой согласия не дал ввиду отсутствия у людей тёплой одежды, а также за неимением места для размещения конвоя». 19 июля «Сахалин» пошел к устью Колымы. «Обстановка на переходе остров Айон - мыс Баранов была чрезвычайно тяжела» - записывает Харламов. 25 июля судно пришло в Амбарчик и разгрузилось. Что таится за скупыми строками «Рейсового донесения»?..

ОЛП в Амбарчике просуществовал до 1952-го года. Средняя численность заключённых в нём была 150 человек, причём осуждённых по политической 58-й статьи среди них, вероятно, не было, а соседство с ОЛПом и другими небольшими уголовными лагерями очень досаждало сотрудникам полярной станции, даже просившим для себя охраны. Наконец порт был передан Главсевморпути, а сомнительная слава самых северных островов ГУЛАГа перешла к чукотским и таймырским лагерям. Порт был за ненужностью новым хозяином заброшен, лагерные бараки и казармы охраны частично пошли на дрова, частично - перестроены под помещения полярной станции, пирсы - разрушены штормами.

Могила П.А.Голиковой у мыса Шелагского (фото Ф.Романенко)

Единственным памятником полярных гулаговских экспедиций 1932-1934 годов остался сваренный из толстых железных полос покосившийся крест, издали видный на пустынном берегу недалеко от мыса Шелагского. На заржавевшей табличке можно различить надпись: «Голикова Полина Андреевна род. 1910 - сконч. 21/VII 1933 г.». Случайная попутчица колымских заключённых, неведомо как занесённая в эти дикие края, «героическим трудом

советских людей превращённых в цветущий сад социализма»...

В заключение - ещё несколько судеб. Оказавшийся слишком впечатлительным начальник экспедиции 1932 года Николай Иванович Евгенов, один из открывателей в 1913 году Земли Николая II-го, ставшей и остающейся и поныне Северной Землей, в 1934 году как заместитель начальника Гидрографического управления ГУСМП тем же Постановлением ЦИК, что и Куканов, был награждён Грамотой ЦИК Союза ССР. В 1938 году ленинградские чекисты обнаружили в Гидрографическом управлении контрреволюционную организацию и арестовали почти всех его руководителей, в том числе и доктора географических наук Евгенова. «Дело гидрографов» стало по-своему уникальным (см. статью «Судьбы участников знаменитой экспедиции» в настоящем сборнике), и постановлением ОСО после полуторагодичного следствия Евгенов получил восемь лет ИТЛ, год провёл в Севураллаге, четыре - в Севжелдорлаге, в конце 1943 года досрочно освобождён «за высокие производственные показатели», год проработал в «шарашке» того же Севжелдорлага. Потом до 1947 года работал в Архангельске в Морской обсерватории, вернулся в Ленинград, где возглавил кафедру океанографии Гидрометеорологического института и скончался в 1964 году, дождавшись реабилитации (сведения о судьбе Н.И.Евгенова предоставлены сотрудницей Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» А. Резниковой).

Капитан «Севера» П.Караянов в конце 1930-х годов плавал старшим помощником капитана на «Николае Ежове», а затем и его (точнее - «Феликса Дзержинского») капитаном и провёл на мостике почти десять лет, а в июле 1946 года по нему ударило дальстроевское проклятие - его пятнадцатилетний сын погиб в Находке при взрыве парохода «Дальстрой». Руководитель Колымской экспедиции 1933 года Д.Сергиевский в 1935 году участвовал в научной экспедиции на «Красине», в тяжёлую навигацию 1937 года был капитаном парохода «Рабочий», зимовавшего в Хатангском заливе и в январе 1938-го раздавленного льдами. В 1939 году он был одним из руководителей уникальной операции по перегону Северным морским путем из Ленинграда во Владивосток землечерпалок и рейдовых буксиров [3]. Капитан «Хабаровска» Н.Финякин в 1935 году в Голландии поднялся на капитанский мостик «Джурмы». В этом же году два участника дальстроевских экспедиций на Колыму

командовали грузовыми судами, впервые за одну навигацию прошедшими Севморпуть с востока на запад. «Анадырем» командовал П.Миловзоров, а бывший капитан «Свердловска» А.Мелехов встал на мостик «Сталинграда». «Анадырь» закончил свой рейс в голландском Амстердаме, где как раз в это время Дальстрой покупал свои пароходы. В 1936 году тем же путем «Анадырь» вернулся во Владивосток под командой А.Бочека. А.Мелехов в 1939 году новым начальником ГУСМП И.Папаниным был назначен руководителем морских операций в восточном секторе Арктики. Он скоропостижно скончался в 1942 году, на 45-м году жизни [3]. На свою беду перешел в морфлот «Дальстроя» Александр Дмитриевич Рябоконт, в 1932-33 годах - капитан «Григория Зиновьева» - «Красного партизана», отмеченный за этот поход именным приказом наркома водного транспорта. С января 1936 года он был капитаном «Джурмы», с августа 1937-го - капитаном «Дальстроя». 6 ноября 1937 года был арестован в Магадане и после полутора месяцев следствия «признался» в шпионаже в пользу Японии. Постановлением Тройки УНКВД по Дальстрою от 15 января 1938 года приговорён к расстрелу и 21-го января расстрелян. Ему только-только стукнуло 43 года.

И - несколько справок с последнего компакт-диска «Жертвы политического террора в СССР», изданного «Мемориалом» [6] (с добавлениями авторов настоящей статьи):

«Сиднев Василий Петрович, 1883 г.р., уроженец Нижегородской губ., русский, образование среднее, беспартийный, капитан парохода «Каширстрой», жил во Владивостоке. Арестован 3.10.1937 г. Осуждён ВС СССР 17.08.1938 г. по обвинению в антисоветской агитации к расстрелу, расстрелян 17.08.1938 г. Реабилитирован». В Северо-Восточной полярной экспедиции 1932 года В.П.Сиднев командовал пароходом «Микоян», а в 1934 году пароходом «Сталинград», направленным в Уэлен для вывозки спасённых челюскинцев (их вывез из бухты Провидения «Смоленск»), а может быть, для «подстраховки» вывоза оттуда «пассажиров Дальстроя».

«Гакен Николай Николаевич, 1892 г.р., уроженец Санкт-Петербурга, русский, образование высшее, старший гидрограф гидротехнического отдела ГУСМП, проживал в Омске. Арестован 12.11.1937 г. Тройкой УНКВД по Омской области 21.11.1937 г. за

контрреволюционную деятельность осуждён к ВМН, расстрелян в Омске 23.11.1937 г. Реабилитирован 22.09.1955 г.». В Северо-Восточной экспедиции 1932 года Н.Н.Гакен входил в научную группу по прогнозу погоды и ледовой обстановки при начальнике экспедиции Евгенове.

«Молодых Иван Федорович, 1898 г.р., место рождения: Иркутская обл., г. Тулун, русский, образование высшее, б/п, заведующий кафедрой гидрологии Восточно-Сибирского госуниверситета, жил в Иркутске. Арестован 20.12.1937 г. Обвинен по ст. 58-7 («вредительство» - так восприняли чекисты его отрицательное отношение к освоению Северного морского пути; в наши дни к его идее строительства железной дороги на Чукотку с переходом на Аляску всё чаще возвращаются экономисты и бизнесмены) и 58-11 («участие в контрреволюционной организации»). Умер в Иркутской тюрьме 2.09.1939 г. Реабилитирован 8.05.1957 г.». В Северо-Восточной экспедиции 1932 г. И.Ф.Молодых входил в научную группу.

«Стехов Владимир Михайлович, 1888 г.р., уроженец Владивостока, русский, образование среднее, капитан дальнего плавания в Госморпароходстве, проживал во Владивостоке. Арестован 7.04.1937 г., осуждён 2.09.1937 г. Тройкой НКВД за антисоветскую агитацию к расстрелу, расстрелян во Владивостоке 11.09.1937 г. Реабилитирован 20.05.1958 г.». В Северо-Восточной экспедиции 1932 года В.М.Стехов командовал пароходом «Анадырь».

«Радзиевский Витольд Антонович, 1905 г.р., уроженец Владивостока, поляк, б/п, служащий, проживал в г. Куйбышеве. Арестован 4.10.1937 г., осуждён Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 16.12.1937 г. по ст. 58-6 («шпионаж») к расстрелу, расстрелян 31.12.1937 г. в Куйбышеве. Реабилитирован 1.09.1989 г.». В Северо-Восточной экспедиции 1932 года В.А.Радзиевский был старшим помощником капитана парохода «Север».

«Снежко (Снешко) Феликс Карлович, 1903 г.р., уроженец Томской губ., поляк, образование среднее, беспартийный, капитан парохода «Свердловск» ДВМП, проживал во Владивостоке. Арестован 7.04.1938 г., осуждён 10.08.1938 г. Комиссией НКВД к расстрелу по обвинению в шпионаже, расстрелян (дата не указана). Реабилитирован 27.09.1957 г.». В Колымской экспедиции 1933 года Ф.К.Снежко командовал пароходом «Лейтенант Шмидт».

Литература

1. *Бацаев И.Д., Козлов А.Г.* Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. Ч. 1 (1931-1941). Магадан, 2002.
2. *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание 1917-1932 гг. // История открытия и освоения Северного морского пути: Т. 3. Л.: Гидрометеиздат, 1959.
3. *Белов М.И.* Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933-1945 гг. // История открытия и освоения Северного морского пути: Т.4. Л.: Гидрометеиздат, 1969.
4. *Бирюков А.* Заговор в бухте Амбарчик // Колымские истории: Сборник. Магадан, 2003.
5. *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики. М.;Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948.
6. Жертвы политического террора в СССР. М.: Звенья, 2004. (CD-диски).
7. *Каминский М.* В небе Чукотки. М.: Мол. гвардия, 1973.
8. *Корякин В.* Долгое эхо рокового рейса // Вокруг света. 2004. № 4.
9. *Навасардов А.С.* Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932-1937 гг. Магадан, 2002.
10. «Пароход не подходил для ледового плавания»: Версия капитана «Челюскина» В.И.Воронина // Источник. 1996. № 1.
11. Поход «Челюскина»: Героическая эпопея. В 2 т. / Под ред. О.Ю.Шмидта, И.Л.Баевского, Л.З.Мехлиса. М.: Изд. ред. газ. «Правда», 1934.
12. *Самойлович Р.Л.* Во льдах Арктики: Поход «Красина» летом 1928 года. Л.: Прибой, 1930.
13. Славным завоевателям Арктики: Сборник / Под ред. И.Р.Грозы, П.С.Дубенского. М.: Соцэргиз, 1934.

В статье использованы материалы фонда Управления Главсевморпути Российского государственного архива экономики (Москва), архива НИПЦ «Мемориал» (Москва), Архива НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), Государственного Музея Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург), Нижнеколымского музея истории и культуры народов Севера Якутии (пос. Черский), а

также сведения, предоставленные Российским морским регистром судоходства (Санкт-Петербург). Всем этим организациям и их сотрудникам авторы выражают свою искреннюю признательность и глубокую благодарность.

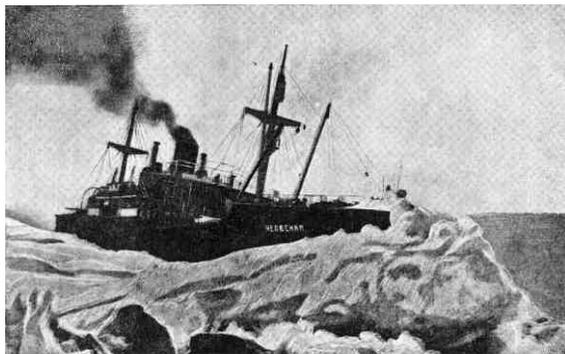
ОБ ОДНОМ ПОЛЯРНОМ МИФЕ ГУЛАГА

Когда лет почти двадцать тому назад началось то, что потом станет называться перестройкой и гласностью, на не очень исторически грамотных граждан СССР обрушился шквал публикаций на ранее запретные темы. Одними из самых любимых и горячих стали темы политических репрессий в СССР и развенчание советских исторических мифов. И правда, история - наука во многом мифологичная, история России, а тем более СССР - мифологична вдвойне. Под «развенчанные» советские мифы попадали и эпизоды истории, которые мифами не были, но вызывали у человека с нормальной психикой отторжение своим громогласием и переходящей пределы разумности идеологической окраской. Одним из таких якобы мифов была объявлена и знаменитая «героическая челюскинская эпопея» - спасение в 1934 году оказавшихся на льдине в Чукотском море членов экспедиции на пароходе «Челюскин». Она не была мифом, но носила все признаки идеологизированной легенды и, естественно, вызывала неприязнь наиболее ретивых ниспровергателей «истории по-советски». Однако вместо серьезного изучения истории настоящей они пошли по обычному советскому же пути - пути исторической мифологии, поменяв лишь знаки. Наиболее легким путем мифотворцы посчитали увязку развенчиваемого мифа с деятельностью советских карательных органов в наивной надежде на то, что архивы спецслужб недоступны и их выдумку, следовательно, нельзя проверить. Так вместо советского исторического якобы мифа родился миф антисоветский - о шедшем вместе с «Челюскиным» пароходе «Пижма». Впервые этот миф, насколько мне известно, появился в одном из сибирских журналов в 2000 году, потом - в петербургской газете «Час пик», затем - в одном из израильских журналов (точнее - в литературном приложении к одной из бульварных газет), начал гулять по страницам газет и вскоре выплеснулся в Интернет.

При столкновении с такой «историей» перед профессионалом всегда встает вопрос: стоит ли ее опровергать, если ее абсурдность и вымученность ему очевидна? Думается, что стоит! Стоит из соображений прежде всего этических - слишком трагична история

нашей страны, чтобы допускать спекуляции на этой трагичности, спекуляции, диктуемые, насколько удалось выяснить, даже не столько тщеславием, что, впрочем, тоже вряд ли является оправданием, сколько банальными корыстными мотивами. Вредны такие легенды и по другой причине: объективно они играют на руку людям, отрицающим сам факт массовых репрессий. Легко разоблачаемые по причине исторической неграмотности их авторов (а грамотных легенд мне не встречалось), они дают возможность поклонникам лозунга «Сталин, Берия, ГУЛАГ», использовать разоблачение такой легенды по простейшей, но действенной логике: «Раз это придумано, придумано и всё остальное!» Сколько радостных публикаций было по поводу возникшего ещё в конце 1930-х гг. и озвученного в русской эмигрантской печати якобы факта гибели в Чукотском море в 1935 году парохода «Джурма» с двенадцатью тысячами заключённых на борту (потом опомнились: 12 тысяч на корабле просто бы не поместились, и один ноль убрали)! Быстро выяснилось, что в это время «Джурма» (тогда ещё «Brielle») плавала под голландским флагом и лишь осенью 1935 года была куплена СССР для нужд Дальстроя.

Напомним вкратце легенду о «Пижме». В 1933 году со стапелей одной из датских верфей якобы были спущены на воду два одинаковых парохода: «Лена» и «Пижма». «Лена» почти сразу же решением Совнаркома была передана недавно созданному Главному управлению Северного морского пути и переименована им в «Челюскин». «Пижма» осталась «Пижмой» и была предназначена для секретной операции НКВД: в Мурманске на неё погрузили две тысячи заключённых. Оба судна практически одновременно, «в конце 1933 года», отправились из Мурманска и весь поход шли вместе. Против похода резко возражало неведомо как узнавшее о «секретной операции НКВД» правительство Дании, объясняя свой протест непригодностью кораблей к арктическим плаваниям. Женщины и дети, плывшие на «Челюскине» «в каютах-люк» (там действительно было 10 женщин и ребенок), были «жёнами и чадами энкаведешников», у жены начальника конвоя Кандыбы во время плавания родилась дочь Карина. Заключённых везли на Чукотку, где они должны были строить оловянные рудники и «социалистические посёлки». «Пижма» вместе с «Челюскиным» попала в ледяной плен и вместе с ним дрейфовала (вариант -

«Челюскин» во льдах Чукотского моря. Так должна была выглядеть и «Пижма» [11, т. 2]

дрейфовала в 30 километрах, связь с «Челюскиным» поддерживалась аэросанями). После гибели в феврале 1934 года «Челюскина» Кандыба запросил указания, что делать с заключёнными, и получил личный приказ Сталина: корабль вместе с заключёнными взорвать. Однако сработал лишь один из трех зарядов, «Пижма» тонула медленно, заключённые выбрались на лед, выгрузили запас продовольствия и рацию. Часть заключённых пошла на Чукотку, где и «рассеялась», часть - на Аляску, а самые умные, среди которых были радиолюбители, остались, связались с базами американской полярной авиации и были вывезены американскими гидросамолётами. В Нью-Йорке они сфотографировались, и этот снимок в журнале увидел отдыхавший с семьей в Крыму, в санатории НКВД, Кандыба и узнал своих подопечных. Он за операцию по уничтожению «Пижмы» досрочно получил звание комбрига и орден Красного Знамени. Однако этот снимок увидели и на Лубянке, Кандыбу вызвали в Москву и «не мешкая» расстреляли, а дело так запрятали, что спустя много лет его дочь Карина не смогла найти его в лубяньских архивах.

Вообще-то мифотворцы, за редким исключением, люди не очень грамотные. У них нелады даже с обычной, житейской логикой, что вызывает массу вопросов и недоумений. Ну, например, как о секретной операции НКВД узнало правительство Дании? Как заключённые выжили полярной зимой в плохо отапливаемых трюмах? Почему, убедившись, что сработал лишь один заряд, Кандыба не приказал открыть кингстоны? Вообще, что делал и где

был конвой и его начальник, когда заключённые как-то вылезли из запертых трюмов и начали разгрузку, длившуюся, наверное, не один час? Неужели уже покинули место действия, не убедившись в выполнении приказа «самого» Сталина? И вообще, куда девались команда «Пижмы» и конвой, не менее ста человек - то ли их тоже утопили, то ли первые Герои Советского Союза вывезли не только «челюскинцев», но и «пижмовцев», то есть - в два раза больше, и по врождённой скромности всю жизнь об этом молчали? Чуть-чуть образованный читатель неизбежно спросит - с чего бы серийные, одновременно построенные корабли, вопреки многовековой морской традиции давать им схожие названия, носят столь разные имена: один - великой сибирской реки, другой - небольшого растения? Почему «жёны и чада» плыли на «Челюскине», а не на «Пижме» - неужели и на ней и каюты-люкс были заняты заключёнными? Как Кандыба узнал своих подопечных, изменивших внешность и одежду, если он видел их лишь один-два раза, да и то в огромной колонне? Почему вся эта история всплыла только через 60 лет? Почему столь чудесно избавленные от сталинской неволи люди, сфотографировавшись на фоне нью-йоркских небоскрёбов, не дали ни одного интервью, ни произнесли ни слова? Ведь даже в русской эмигрантской прессе тех лет об этом ничего не было напечатано, иначе какие-то следы этой истории передавались бы из года в год в публикациях, как это было, задолго до выхода в свет их книг, с рассказами удачно бежавших на Запад примерно в те же годы Ю.Бессонова - с Соловков [3], и братьев Солоневичей - со строительства Беломорканала [13]. Можно ли вообще было скрыть эту операцию - ведь о ней невольно узнали многие сотни, если не тысячи, людей: работники Мурманского порта, члены экспедиции на «Челюскине», команда ледокола «Красин», часть пути сопровождавшего «Челюскин» (и «Пижму»), команды не менее десяти других кораблей, с которыми встречался «Челюскин», лётчики, механики и персонал аэродромов в Ванкареме и Уэлене, местное население северного побережья Чукотки (вывезенных со льдины людей везли на собачьих и оленьих упряжках и сопровождали местные чукчи), команда парохода, на котором вывозили «пижменцев» («челюскинцев» вывез «Смоленск»). Неужели ни один из них никогда ни словом не обмолвился? Так не бывает, и в ОГПУ-НКВД это прекрасно понимали и вряд ли на этот счет обольщались.

Сохранить тайну можно было одним способом - отправить на тот свет всех этих людей, но в таком «людоедстве» ОГПУ-НКВД, кажется, пока не обвиняют.

Можно было бы, наконец, заглянуть в обширную литературу о «челюскинской эпопее», прежде всего изданную по свежим следам [5; 11]. Тогда легко было бы убедиться, что «жены энкаведешников» - это научные сотрудники, уборщицы и буфетчицы, и действительно, три жены, но не «энкаведешников», а будущих зимовщиков полярной станции на острове Врангеля: жена начальника станции Л.Буйко (с полуторагодовалой дочкой Аллой), жена геолога экспедиции З.Рыцк и жена геодезиста В.Васильева. Она-то и родила Карину, но муж её, стало быть, был не геодезистом Василием Васильевым, а начальником конвоя Кандыбой. Зачем последнему была нужна эта маскировка - совершенно непонятно, ведь в те годы заключённых и высланных «кулаков» возили под конвоем не стесняясь. Да и сам Васильев много раз описан в литературе о «Челюскине» именно как действующий геодезист. Много раз опубликованы фотографии участников экспедиции, их биографии, в том числе и в изданиях, вышедших в свет после якобы расстрела Кандыбы-Васильева. Наконец, 70-летняя жительница Санкт-Петербурга Карина Васильевна Микеладзе, урожденная Васильева, жива и, насколько мне известно, использует любую возможность публично опровергнуть какую-либо свою связь с мифом о «Пижме» и комбригом НКВД Кандыбой.

Об истории как науке мифотворцы имеют представления в лучшем случае на уровне романов Дюма, об остальных науках - крайне смутные, на уровне остатков знаний неполной средней школы. Иначе отчего бы олово относить к редкоземельным металлам, сажать гидросамолёты на лёд и т.д. Бросается в глаза и их незнание или нежелание знать того, что уже было известно ко времени создания мифа, в частности, о советских карательных органах. Что, например, в 1933 году этапирование заключённых (так называлось на языке чекистов плавание их на «Пижме») и содержание лагерей находилось не в ведении НКВД, а в ведении ОГПУ, их объединение произойдет в июне 1934 года. Не было в 1934-м году ни в ОГПУ, ни в НКВД звания «комбриг», оно появилось в конвойных войсках НКВД лишь в сентябре 1935 года. Могли бы авторы просто по справочникам проверить время основания

«социалистических посёлков» и рудников на Чукотке и легко узнать, что построены они не «в память для всей России 1937-м», а в середине (Валькумей) и в конце (Иульгин) 1950-х годов. Уже когда легенда бродила в печатных и электронных СМИ, начали появляться профессиональные, основанные на изучении архивов ОГПУ-НКВД-МВД, публикации по истории ГУЛАГа, но авторы легенды не удосужились в них заглянуть и как-то легенду подправить. Из публикаций магаданских историков [2] они могли бы узнать о том, что Чукотка была передана в ведение треста «Дальстрой» НКВД лишь в 1938 году, а первые заключённые появились на Чукотке в 1940-м, в составе поисково-разведочных партий Геологического управления Дальстроя и, следовательно, были расконвоированными. Из изданного в 1998 году справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960» [12] создатели мифа могли бы узнать и о том, что массовый завоз заключённых на Чукотку начался с образованием здесь в системе Северо-Восточных (Колымских) лагерей в 1949 (!) году своих лагерных управлений. Как и для всего Севвостлага, завоз осуществлялся из Ванино - как в Эгвекино на юге Чукотки (Чукотский ИТЛ), так и в Певек на севере (Чаун-Чукотский и Чаунский ИТЛ). В период расцвета чукотского ГУЛАГа (середина 1951 года) в его лагерях содержалось 27 тысяч заключённых, треть тогдашнего населения края. Могли бы они узнать и о том, что упоминаемый в легенде рудник (точнее - прииск) «Депутатский», якобы построенный на Чукотке заключёнными в 1937 году, во-первых, находится в Якутии, на левобережье Индигирки, в 900-х километрах от Певека, во-вторых, лагерь (его официальное, по документам МВД, название - лаготделение Нижне-Индигирского районного геологоразведочного управления Дальстроя) образован там в 1951 году, максимальная численность заключённых - 1500 человек, и их завоз осуществлялся сплавом по Индигирке из пос. Усть-Нера, самой западной окраины Севвостлага. В 1999 г. вышла в свет книга Н.Петрова и К.Скоркина «Кто руководил НКВД. 1934-1941. Справочник» [10], из которой авторы мифа легко бы узнали о том, что личные и следственно-судебные дела десятков высокопоставленных чекистов, убранных «своими», лежат в архивах. Так что найти дело Кандыбы (если бы таковой существовал), как и таких знаменитых палачей, как воркутинский Кашкетин и колымский Гаранин, труда

не представляло.

Все эти исторические контраргументы, однако, могут быть если не оспорены, то поставлены под сомнение с аргументацией: «мало ли что могло быть!». Аргументация неубедительная, но возможная. Однако сами мифотворцы пишут о том, что заключённых везли на Чукотку как рабочую силу. Это согласуется с общеизвестным положением о том, что ГУЛАГ к началу 1930-х годов стараниями печально известного Н.Френкеля и его шефа Г.Ягоды превратился в своеобразный «хозяйствующий субъект», торгующий рабочей силой. Вот тут-то и можно поверить историю географией, в том числе - историей открытия и освоения природных богатств Чукотки, их местоположения, и соотнести всё это с предлагаемой в истории с «Пижмой» географией и хронологией.

Итак, в 1933 году заключённых везли осваивать оловянные месторождения Чукотки и строить там рудники... Однако о минерально-сырьевой базе региона в те годы представления были самые смутные. Именно в полевые сезоны 1933 и 1934 годов геологами Арктического института была установлена перспективность территории на олово (так называемые «точки Серпухова»). Только перспективность, и только «точки»! Первые, не очень богатые, месторождения этого нужного стране металла были выявлены и предварительно оценены лишь в конце 1935 года, хотя авторы легенды, неизвестно на чем основываясь, утверждают, что год открытия «крупного месторождения оловянных руд на Чукотке» - 1929-й. Значит, «фронта работ», как тогда говорили, для заключённых попросту не было, и не нужна была на Чукотке ни эта рабсила, ни её охрана, ни строительство для неё и той же охраны жилья, снабжение продовольствием, оборудованием, стройматериалами и всем прочим - то есть всего того, что для условий Чукотки во много раз дороже и сложнее, чем для основных тогдашних объектов ГУЛАГа: завершения Беломорско-Балтийского канала, начала Байкало-Амурской магистрали и даже освоения Колымского края.

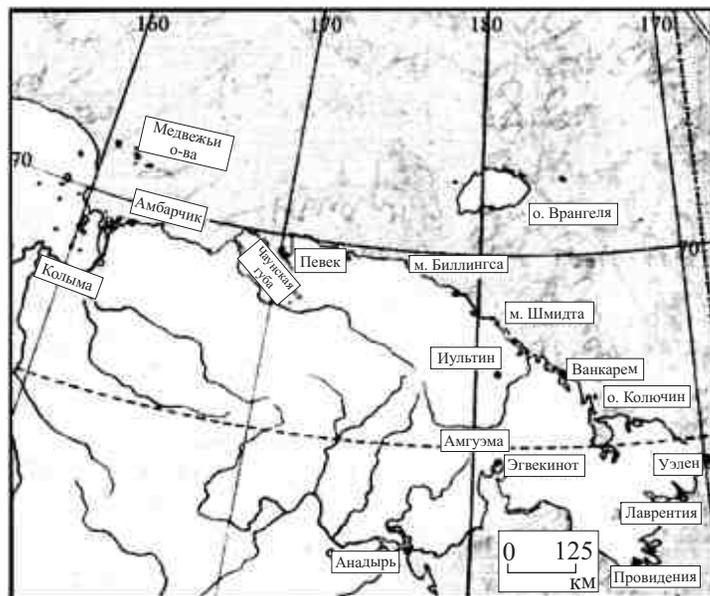
Совершенно удивителен настойчиво повторяемый срок выхода «Челюскина» и «Пижмы» из Мурманска - «конец 1933 года» (дата выхода «Челюскина» по всем источникам - 8 августа). Вообще-то общеизвестно, что короткая, двух-трёхмесячная арктическая навигация начинается обычно в июне-июле. В декабре-январе пароходы даже в сопровождении тогдашних лучших ледоколов не

смогли бы даже войти в Карское море, не говоря о дальнейшем движении на восток.

Совсем фантастичен график и маршрут движения «Пижмы» вдоль берегов Чукотки. Оловянные месторождения Чукотки (даже если допустить, что они были уже открыты) расположены близ Певека, причём именно здесь лежат основные россыпи касситерита, легко добываемые, и в Иультине (рудное месторождение), в горах в ста километрах от устья Амгуэмы. Следовательно, пунктом назначения «Пижмы» должны были стать либо Певек, либо устье Амгуэмы (скорее, конечно, Певек). Но ведь график движения вдоль чукотских берегов «Челюскина» (а значит, и «Пижмы») хорошо известен по многочисленным публикациям, в частности - по «Рейсовому донесению» его капитана В.И.Воронина [9]. 11 сентября он проходит мыс Шелагский, т.е. минует Певек без захода в него, 16-го - мыс Северный (ныне - мыс Шмидта), 19-го - мыс Ванкарем, опять же не зайдя к устью Амгуэмы. Для чего же заключённых везли тысячи миль, что это за арктический туризм в трюмах? У острова Колючин, в 70-ти милях восточнее Ванкарема, «Челюскин» по разным причинам покинули восемь человек, т.е. разгрузка у берегового припая была возможна и в Певеке, и у устья Амгуэмы. 7-го октября «Челюскин» покинул вынужденную стоянку у Колючина, быстро дошёл по открывшейся полынье до мыса Сердце-Камень. До Берингова пролива оставалось 60 миль, но все отчаянные попытки пробиться к нему не удались и 30-го октября начался стодневный 1000-километровый дрейф.

Как «Пижма» оказалась в 30 километрах от «Челюскина», почему это расстояние оставалось постоянным - совершенно непонятно. Дрейф льдов в Чукотском море весьма хаотичен и такое постоянство расстояния - вещь практически невозможная. Совсем уж фантастична байка о регулярных поездках аэросаней между двумя пароходами - аэросани ни в коем случае не могли бы преодолеть десятки гряд торосов, разводья и полыньи, многочисленные трещины - всё то, что обычно для льдов Чукотского моря в любое время года. А если они могли преодолеть 30 километров, то почему не могли преодолеть 130 - до материка? Ну и вывезли бы всех на аэросанях, и не было бы рискованных полётов и первых Героев Советского Союза!

Дальнейшее - поход сотен людей по льду на Чукотку и Аляску

Схематическая карта района событий

- для людей, хоть мало-мальски знакомых с зимними арктическими маршрутами, может восприниматься лишь как фильм в жанре фантастического триллера. Сотни людей отправились по льду, дошли до материка и рассеялись по тундре... Стоит напомнить, что в первые же дни после гибели «Челюскина» в ледовом лагере Шмидта вспыхнул своеобразный бунт - часть членов экспедиции стала настаивать на походе на материк. В основном это были люди из бригады строителей, которых должны были оставить на острове Врангеля, все - из крестьян средней полосы России, люди физически крепкие, но абсолютно незнакомые с Арктикой. Против этого выступили опытные полярники из научной группы экспедиции и большинство команды, состоявшей из архангельских поморов. Они утверждали, что из мужчин, может быть, кто-то и дойдёт до суши, но большинство, а прежде всего - женщины, обречены на гибель. Дело зашло так далеко, что начальник экспедиции О.Ю.Шмидт, взяв винчестер, пригрозил застрелить любого, кто сделает попытку пойти к матерiku. Вскоре опытным полярникам удалось на основа-

нии проведённых расчётов убедить всех, что такой поход обречён на неудачу.

Попробуем сделать это и мы. Ближайшая от места гибели «Челюскина» точка материка, мыс Ванкарем, откуда летали потом самолёты, в 130-140 километрах. Допустим даже, что «Пижма» была на 30 километров ближе, всё равно это 100-110 километров. Полярные путешественники в наши дни считают высокой скоростью движения по льдам в высоких широтах в начале весны в один-полтора километра в час. Напомню, что прекрасно подготовленная и снаряжённая экспедиция профессиональных полярных путешественников во главе с Д.И.Шпаро лишь с третьей попытки перешла по льду 80-километровый Берингов пролив, дважды вызывая спасателей. Наши же путешественники несколько месяцев провели в тесном трюме, почти в неподвижности, на скудном этапном пайке, в постоянном холоде и, следовательно, были абсолютно не готовы к большим физическим нагрузкам. Их путь лежал на юго-запад, при этом генеральное направление дрейфа льдов в Чукотском море - север-северо-запад, угол между направлениями движений - около 120 градусов, т.е. почти обратный. Скорость дрейфа льдов минимум 3-5 километров в сутки, значит, для того, чтобы его компенсировать, нужно проходить лишние 2-3 километра в день. Ослабленные люди должны были нести на себе запасы продовольствия, палатки, примусы, запас керосина. Нужно было преодолевать многочисленные гряды торосов, трещины и разводья (нужны лодки и доски) - и всё это в конце полярной зимы, при 20-30-градусном морозе, часто - при сильном ветре, а если запуржит, то придётся переждать несколько дней. Нужно, наконец, не только иметь компас, но и навыки навигации, вносить поправку на снос льдов и корректировать направление движения, а то немудрено было уйти куда угодно. Нужно было, наконец, хотя бы 8 часов в сутки отдыхать. Учитывая всё это, можно ли вообще рассматривать возможность успеха такого похода? Конечно, нет, наши путешественники погибли бы через 10, максимум - 15 дней. Ну, даже дошли, «рассеялись по тундре»; но в апреле - мае это ещё безжизненная снежная пустыня, нет ни грибов, ни ягод, и вряд ли беглецы обладают опытом охоты и рыбалки в тундре. Не известен ни один удачный побег заключённых из чукотских лагерей даже летом, примеров неудачных - более чем хватает. Побег с Чукотки на

Аляску одного из героев «Ожога» В.Аксёнова - не более чем художественный приём, придающий судьбе персонажа задуманную авантюренность. Поход же беглецов с «Пижмы» на Аляску - и вовсе из области большой фантазии: до её берегов 350 километров, да ещё точно навстречу дрейфу льдов!

Можно, наверное, попробовать отместить и эти географические аргументы против легенды о «Пижме», но сделать это будет, наверное, трудней - нужно ведь тогда отместить и законы природы. Если же соединить их с аргументами историческими, то от легенды не остаётся ничего, кроме безграмотной фантазии.

И тем не менее легенда живёт - очень уж она кажется «жареной» любителям «исторических тайн»! К семидесятилетию «челюскинской эпопеи» в СМИ появилось много публикаций, в некоторых из них повторялись элементы этого мифа (в частности, на TV-канале ОРТ). Но одновременно в Интернете появилось несколько публикаций, с разных точек зрения возражавших против этого мифа, причём авторами их были в основном полярники и историки изучения и освоения Арктики. Но уж очень «горячей» кажется эта тема для любителей телевизионных рейтингов. А откуда большинство наших людей получает сведения, в том числе - исторические? И вот в ноябре 2005 года телекомпания «Цивилизация» «всучила» (по-другому не скажешь) уважаемому телеканалу «Культура» фильм «Неизвестный “Челюскин”» в серии передач, естественно, «Секретные проекты». Впоследствии выяснилось, что по жанру он является «документально-художественным историческим детективом». Вот этот-то «детектив» и был продемонстрирован зрителям и, кажется, убедил большинство из них в подлинности этой очередной «загадки истории». Авторы постарались не заострять внимание на абсурдных мелочах истории, а сосредоточили своё внимание на нагнетании таинственности, «козней» НКВД, но других аргументов, кроме откровенного и сознательного искажения исторических фактов, у авторов фильма не было. Капитан «Челюскина» Воронин, оказывается, был на долгие годы «отстранён от командования крупными кораблями и умер при невыясненных обстоятельствах в 1949 году». Заглянув в любую энциклопедию, можно прочесть, что Воронин в 1934-1938 гг. командовал флагманом советского ледокольного флота «Ермаком», потом долго болел, был два года первым капитан-

директором китобойной флотилии «Слава» и умер в 1952 году на капитанском мостике ледокола «Иосиф Сталин» от инфаркта на глазах всей вахты. Таких «таинственных обстоятельств» в фильме бессчётно, если говорить о каждом - получится почти монография. Стоит, пожалуй, упомянуть о некоем «закрытом» суде во Владивостоке в начале 1980-х годов над водолазами-любителями клуба «Корвет», якобы обнаружившими затонувшую «Пижму», при этом не названо ни одной фамилии. А они известны, потому что об этой экспедиции было несколько обширных публикаций [1; 6], о её результатах было хорошо известно в среде водолазов-любителей и историков Арктики, а вот о суде - не знал никто. А введённые якобы после побега заключённых «Пижмы» в США в 1934 году наказания за переход границы СССР Президиумом Верховного Совета (т.е. органом, предусмотренным лишь Конституцией 1936-го года), с этим событием связи не имели: Постановлением ЦИК от 8 июня 1934 года был введён целый комплекс драконовских «юридических» норм (пп. 1а-1г ст. 58-й УК). Никак в конце 1930-х годов Ягода ничего не мог «потребовать» от Кандыбы - в сентябре 1936 года он был снят с поста наркома внутренних дел, в марте 1937-го - арестован. Список подобных несуразиц может быть продолжен ещё не на одну страницу.

Всего этого, однако, создателям фильма показалось мало, для вящей убедительности они решили придать фильму правдоподобность демонстрацией «документов», благо техника телевидения даёт для этого большие возможности. Но авторы крайне небрежны в мелочах, а эти-то мелочи и выдают их безграмотность и лживость «документов». Вот в 1933 году в них появляется «генеральный комиссар государственной безопасности» Ягода - а это звание было введено лишь в ноябре 1935-го. Авторы в «документах» показывают полное незнание структуры ГУЛАГа: Дальлаг, базирующийся в Хабаровске и в Приморье, перемещён авторами на Колыму, очевидно, потому, что они что-то слышали о «Дальстрое», тресте ОГПУ-НКВД, работы которого обеспечивали Северо-Восточные (известные как Колымские) лагеря. Демонстрируемый приказ Андропова - «шедевр» подделок по своей безграмотности, отсутствию даже самых смутных представлений о делопроизводстве в любом советском учреждении (КГБ - не исключение). И этот список можно продолжать опять же на страницы - и всё по фильму длительностью

в тридцать минут.

И ещё одно хотелось бы отметить. Авторами используются фрагменты интервью с историками и полярниками, в том числе и с автором этих строк и полярником, доктором географических наук В.С.Корякиным - наши мнения о мифе «Пижмы» полностью совпадают. Здесь граничащее с уголовщиной создание поддельных документов сменяется как минимум безнравственностью: хотя мы оба чётко обозначили свои позиции по мифу о «Пижме», препарированные фрагменты интервью создают у зрителей полное впечатление того, что мы разделяем «версию» авторов фильма. Нам с трудом удалось добиться полного исключения из него наших интервью.

Похоже всё же, что легенда о «Пижме» агонизирует, если её сторонники вынуждены применять уже такие «доказательства»!

Маленькое дополнение. Судно «Пижма» всё же в наши дни нашлось - оно оказалось не океанским пароходом 1930-х годов, а плавучим магазином на реке Печоре! (*Фото И.А. Флиге, 2002 г.*)

Литература

1. Балакирев Ю. Поиск «Челюскина»: первые результаты // Дальний Восток. 1980. № 7.
2. Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах: Ч. 1 (1931-1941). Магадан, 2002.
3. Бессонов Ю. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Paris, 1928.

4. *Белов М.И.* Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933-1945 гг. // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4. Л.: Гидрометеиздат, 1969.
 5. Как мы спасали челюскинцев: Сборник / *Под ред. О.Ю.Шмидта, И.Л.Баевского, Л.З.Мехлиса.* М.: Изд. ред. газ. «Правда», 1934.
 6. *Корниенко С.* Путешествие к «Челюскину» // Дальний Восток. 1984. № 3.
 7. Лубянка. 1917-1960. Справочник / *Сост. А.И.Кокурин, Н.В.Петров.* М.: Междунар. М.: Фонд «Демократия», 1997.
 8. *Навасардов А.С.* Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932-1937 гг. Магадан, 2002.
 9. «Пароход не подходил для ледового плавания»: Версия капитана «Челюскина» В.И.Воронина // *Источник.* 1996. № 1.
 10. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934-1941: Справочник. М.: Звенья, 1999.
 11. Поход «Челюскина»: Героическая эпопея. В 2 т. *Под ред. О.Ю.Шмидта, И.Л.Баевского, Л.З.Мехлиса.* М.: Изд. ред. газ. «Правды», 1934.
 12. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник. М.: Звенья, 1998.
 13. *Солоневич И.Л.* Россия в концлагере: В 2 т. 2-е изд. София, Национально-трудовой союз нового поколения, 1936.
-

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ ОСТРОВ АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ

Мифотворчество - неременная часть создания истории, наверное, любого государства, но в России и СССР этот жанр приобрёл, пожалуй, особое значение. Наличие мифов сомнений ни у кого не вызывает, споры идут лишь об их количестве. «Правдивое» написание истории в постсоветское время (или - ещё в советское за рубежом и в неофициальной истории) порождает мифов, наверное, не меньше, поменялись лишь знаки. Ярким примером подобного мифотворчества является история и, особенно, - география ГУЛАГа. На основании устных, рукописных и печатных «свидетельств» на картах ГУЛАГа появились страшные каторжные лагеря уничтожения в самых удалённых точках Заполярья - на островах Новой Земли, Земли Франца-Иосифа и Северной Земли, полуострове Таймыр, острове Врангеля. Выход в свет справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР» [7], составленного на основании документов ОГПУ-НКВД-МВД, хотя и ограничил фантазию мифотворцев, но не опроверг однозначно существования многих полярных лагерей: в справочнике приводятся сведения об управлениях ИТЛ и в нём, естественно, нет сведений о более мелких лагерных подразделениях - лаготделениях, отдельных лагерных пунктах (ОЛП), лагерных пунктах (ЛП), не говоря уже о лагкомандировках и подкомандировках (лишь иногда в разделах «производство», «дополнительные сведения» и «примечания» можно «вычитать» названия и местоположение мелких лагерных подразделений). Между тем бытовое сознание не разделяет лагеря по их рангу - часто даже бесконвойная подкомандировка воспринимается как «лагерь». Поэтому все указания на существование полярных лагерей должны тщательно проверяться.

При этом нужно иметь в виду, что сам ГУЛАГ практически всё время своего существования был организацией пусть по своему, но хозяйственной, труд заключённых по существу продавался, и отсутствие «полезного» приложения труда заключённых исключало возникновение лагерей. Таким «полезным» и выгодным для полярного ГУЛАГа трудом были добыча полезных ископаемых, строительство, погрузочно-разгрузочные работы и т.п. Из произ-

водства пищевой продукции для Севера оставалась только рыбная ловля (сельскохозяйственного производства по природным условиям быть не могло). В частности, отсутствие «фронта работ» ставит под большое сомнение существование лагерей на острове Врангеля, известного в основном тем, что он служит «родильным домом» для белых медведей почти всей Восточной Арктики.

Наиболее устойчиво держится в журнальных и газетных публикациях о ГУЛАГе история «лагерей смерти» на Новой Земле. Примером попытки обоснования существования таких лагерей на основании свидетельств «очевидцев» была вышедшая еще в 1965 г. в Мюнхене (на немецком языке) книга К. Bahrens «Deutsche in Straflagern und Gefangnissen der Sowjetunion» («Немцы в штрафных лагерях и тюрьмах Советского Союза») [9]. В книге приводится несколько «достоверных» рассказов бывших заключённых-немцев об их собственном или их товарищей пребывании в полярных лагерях. Большая часть приведённых свидетельств всё же оказывается пересказом из вторых или третьих уст, что резко снижает степень доверия к ним. Обычно они содержат подробности о каторжной работе в нечеловеческих условиях Арктики, о почти поголовной смертности заключённых. В свидетельствах, однако, содержатся фактические данные (описания) местоположения и окрестностей лагерей, об использовании труда заключённых, описания этапов, т.е. те данные, которые можно проверить по независимым источникам. В книге говорится о существовании «большого количества лагерей» в трёх районах Новой Земли (окрестности Русской Гавани, Белушьей губы и становища Русаново), а также на острове Рудольфа в архипелаге Земли Франца-Иосифа.

Проведём краткий историко-геолого-географический анализ приведённых в книге подробностей об этих лагерях (см. табл. на сс. 208-209).

Подводя итоги, можно уверенно сказать, что существование исправительно-трудовых лагерей на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа в 1930-1950 гг. практически невероятно. Прямых свидетельств нет, а известные через третьи руки подробности не соответствуют географическим и историческим реалиям. Механизм рождения подобного рода легенд, наверное, должен составить предмет особого изучения. Можно, например, предположить, что

Приведённые в книге подробности	Комментарий*
Лагеря в районе залива Русская Гавань (существовали, по рассказам, в 1937-1947 гг. и в мае 1946 - сентябре 1951 гг.) Северная широта - 76 град. 10 мин, расстояние от Северного Полярного круга - 1050 км	
Рядом - эскимосская деревушка	На Новой Земле эскимосы не жили никогда, ненцы - только на Южном острове. Становище русских промышленников существовало в Русской Гавани в 1932-1953 гг., полярная станция - в 1932 - 1993 гг., база гляциологической экспедиции АН СССР - в 1957-1959 гг., небольшой военный объект - с середины 1950-х гг.
Работы в каменоломнях и шахтах глубиной до 30-40 м	Каменоломни и шахты на Новой Земле неизвестны
Добыча серебра (2,5 т/сутки), золота и платины	На Новой Земле сколько-нибудь пригодных к разработке месторождений золота и серебра не обнаружено, платина неизвестна; кроме того, добычи серебра в таких объёмах никогда и нигде не было
Вывоз металлов судами через порт и самолётами 2 раза в неделю	Порта в Русской Гавани не было, погрузочно-разгрузочные работы велись с рейда
Между рейсами металл хранился в массивном здании на набережной	Никогда не было ни набережной, ни массивного дома на ней, только небольшие деревянные дома
Добыча угля для местных нужд	В районе Русской Гавани нет месторождений угля
Заклѳченных этапировали из воркутинских лагерей на санях по замѳрзшему морю. Этап состоял из 80 з/к и нескольких человек охраны, путь длился около двух недель	От Воркуты до Русской Гавани более 1600 км, сани (кто их тащил?) должны были двигаться со скоростью более 100 км/сутки, так не двигаются и сейчас даже специально тренированные арктические путешественники
	В 1937 г. Русскую Гавань и Белушью губу посетила одна из экскурсий XVII Международного геологического конгресса на пароходе «Вологда». Вряд ли бы иностранцев повезли в район лагерей
Лагерь в Белушьей губе Северная широта - 71 град. 30 мин, от Северного Полярного круга - 550 км.	Здесь в 1897-1954 гг. размещалось охотничье становище - административный центр Новой Земли, в 1942-1946 гг. - Новоземельская военно-морская база, а с 1954 г. - Центральный полигон Министерства обороны СССР-РФ. Строительство двух последних объектов осуществлялось строительными частями ВМФ и СА.
Лагерь в Русанове Северная широта - 70 град. 35 мин, от Северного Полярного круга - 450 км.	Промышленное становище существовало в 1926-1957 гг., в 1954 г. жило 19 промышленников и членов их семей
«Большое количество лагерей» располагалось на Земле Франца-Иосифа (ЗФИ), 1945-1947 гг., но упоминается только о лагерь на о.Рудольфа Северная широта - 81 град. 50 мин, от Северного Полярного круга - 1700 км	
Работы в шахтах и карьерах	На ЗФИ шахты и карьеры неизвестны. Большая часть островов покрыта ледниками, а на свободных от них территориях имеются лишь маломощные пласты бурых углей, которые никогда не разрабатывались

* Положенная в основу комментария информация получена авторами из множества различных источников, как опубликованных, так и архивных.

Работы по строительству пунктов поддержки полярной авиации	Такое строительство велось силами специально присланных строителей ГУСМП (Главное управление Северного морского пути) на о.Рудольфа в 1936-1937 гг., на Земле Александры и о.Греэм - Белл в 1950-х гг. Именно во время поисков места для аэродрома на о. Земля Александры были найдены остатки немецкой полярной станции, действовавшей здесь в 1943-1944 гг. [3]
Снабжение этих лагерей было «очень хорошее»	В послевоенные годы даже сотрудники полярных станций обеспечивались весьма скромно, предположить хорошее снабжение заключённых трудно
	Полярная станция на о.Рудольфа существовала в 1932-1933, 1936-1942 и 1947-1995 гг. В 1942-1947 гг. на острове никого не было. В 1945-1947 гг. в архипелаге работала только полярная станция «Бухта Тихая» (основана в 1929 г.) на о.Гукера
	Все немногочисленные следы пребывания человека в архипелаге хорошо известны сотрудникам многочисленных в 1990-е гг. исторических экспедиций, и про лагерь в публикациях их результатов нет ни малейшего упоминания

охрана привезённых куда-то в тундру заключённых специально сообщала им об их прибытии на «остров» - для предотвращения самих мыслей о побеге (такой случай для острова Врангеля описан в воспоминаниях одного из заключённых чукотских лагерей). Не исключены и другие механизмы рождения этих мифов, например, последующая, задним числом «привязка» лагеря к более или менее известной местности.

Тем не менее, в архипелаге ГУЛАГ были арктические «острова» и их было немало, о чём свидетельствуют многочисленные документы. Кратко перечислим те из них, которые расположены географически севернее Норильска (северная широта 69 град. 20 мин, расстояние от Северного Полярного круга - 300 км; для сравнения - знаменитые Соловецкие острова лежат на широте 65 град., в 160 км южнее Полярного круга).

1. Остров Вайгач и прилегающая часть Югорского полуострова - Вайгачская экспедиция ОГПУ-НКВД 1929-1935 гг. с центром в посёлке Варнек [7, с. 179-180] (широта 69 град. 50 мин., севернее Полярного круга на 350 км). На Вайгаче велась разведка и добыча полиметаллических руд, на Югорском полуострове - строительство дороги Белый Нос - Хабарово, в лагере на мысе Белый Нос располагалось строительство № 300 ГУЛЖДС, ликвидированное в сентябре 1944 г. На базе Вайгачлага в 1934 г. был

организован Западно-Арктический комбинат ГУСМП с целью добычи и обогащения цинково-свинцовых руд Вайгача и плавикового шпата месторождения Амдермы, преобразованный в Вайгачский трест ГУСМП, которому ГУЛАГ по договору предоставлял для работы заключённых (один человеко-день рабсилы ГУЛАГа стоил тресту в первой половине 1935 года 6 р. 92 коп., во второй - 13 р. 34 коп.) (документы об этом были обнаружены Ф.Романенко в фонде Главсевморпути (фонд 9570) в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ)).

2. Отдельный лагерный пункт (ОЛП) «Бирули» в составе Норильского ИТЛ (широта 76 град. 10 мин, 1100 км к северу от Полярного круга). Основной задачей заключённых была разведка месторождения слюды (мусковита), открытого в 1936-1938 гг. геологической экспедицией П.В.Виттенбурга (в начале 1930-х гг. - один из геологов-заключённых в Вайгачлаге). В 1946 г. на месторождении начала работу Бирулинская экспедиция треста «Арктикразведка». В 1948 г. добытая слюда была вывезена пароходом. В 1949 г. Бирулинская экспедиция была передана из ГУСМП в МВД, приказ МВД № 009 о создании там ОЛП относится к 3 января 1950 г. [7, с. 338-339]. По состоянию на 12 сентября 1951 г., начальником ОЛП был Горелкин, командиром взвода охраны - ефрейтор Ананьев; списочный состав заключённых - 63 человека (по материалам Музея Норильского горно-металлургического комбината).

3. ОЛП «Мыс Входной» в устье реки Пясины (широта 73 град. 50 мин, севернее Полярного круга на 800 км), «производство» - рыбная ловля; отловленную в основном зимой и засоленую рыбу летом на баржах и гидросамолётах вывозили в Норильск. По состоянию на 12 сентября 1951 г.: режим - бесконвойный, начальник - лейтенант Плещеев, списочный состав заключённых - 53 человека (по материалам Музея Норильского ГМК).

4. ОЛП «Порт Амбарчик» в одноимённой бухте близ устья реки Колымы (широта 69 град. 40 мин, севернее Полярного круга на 350 км) - «северные ворота» Дальстроя. Лагерь, подчинённый Колымскому речному управлению Дальстроя (КРУДС), существовал с перерывами в 1932-1952 гг. Заключённые были заняты погрузочно-разгрузочными (перевалка грузов с морских судов на речные через складирование) и строительными работами (построены три ряжевых мола и склады) [2; 4].

5. Чаун-Чукотский ИТЛ Дальстроя с дислокацией управления в пос. Певек на Западной Чукотке (широта 69 град. 40 мин) - куст лагерей в радиусе 80 км. от Певека. Годы существования - 1949-1957, численность заключённых на конец 1953 г. около 12 тыс. человек, занятых на добыче полезных ископаемых, дорожном, промышленном и портовом строительстве, погрузочно-разгрузочных работах [7, с. 506].

Недавно в результате сопоставления различных архивных данных удалось документально подтвердить существование самого северного из достоверно известных островов ГУЛАГа, определить характер работ его заключённых, приблизительно оценить их количество.

Справедливости ради надо сказать, что сведения о лагере «Рыбак» на Таймыре существовали в устной традиции, но носили полуполюгендарный характер: бытовала цифра в 5 000 заключённых, большинство из которых якобы погибло при добыче урановой руды. Документальные указания на существование на севере полуострова Таймыр, на полуострове Челюскин, подразделения ГУЛАГа были выявлены одним из авторов справочника «Система ИТЛ в СССР» [7], сотрудником НИПЦ «Мемориал» С.П.Сигачёвым при сборе материалов для справочника. В ГА РФ им были обнаружены ссылки на существование приказа МВД 1951 г. (без точной даты) об организации ГПУ (горно-промышленного управления) № 21 «для освоения Таймырского месторождения свинца» (под свинцом «конспираторы» МВД в те годы скрывали радиоактивные руды). Приказ, вероятно, был издан во исполнение постановления Совета Министров СССР от декабря 1949 года № 5745/2163 сс/оп «о немедленной организации промышленной добычи свинца» на Таймыре (см. [5]). Весной 1952 года МВД издан приказ о завозе в ГПУ-21 через бухту Зимовочная «аммиачной установки». По мнению О.Нехаева [5], «на доставке грузов был задействован весь ледокольный флот и арктическая авиация». Однако уже 24 октября того же 1952 г. датирован приказ МВД о «прекращении деятельности ГПУ-21».

Предыстория «Рыбака» такова. Первые послевоенные годы проходили для советских геологов под знаком усиленных поисков урановых руд - сырья для создававшейся в СССР атомной бомбы. Велись такие поиски и на северо-западном Таймыре. В 1944 г.

расконвоированный заключённый Н.Н.Урванцев, первооткрыватель норильских месторождений и главный геолог Норильского комбината, предпринял рекогносцировочное обследование шхер Минина у западного побережья Таймыра. В 1946 г. он продолжил поиски на полуострове Рыбном и в заливе Хутуда. Результаты оказались настолько интересными, что в 1947 г. в шхеры Минина была организована экспедиция на катерах «Диорит» и «Пегматит» (Н.Н.Урванцев, геолог А.Туманов). Основной задачей экспедиции были поиски руд редкоземельных и радиоактивных элементов. Обследовав острова у полуострова Минина, к северу от устья Пясины, и найдя рудопроявления урана, Урванцев вернулся в Норильск. Зимой 1947-1948 гг. в шхерах Минина А.Тумановым велись разведочные горные работы, весной 1948 г. здесь снова побывал Н.Н.Урванцев, вернувшись в Норильск в июне на самолёте По-2 В.М.Махоткина (один из пострадавших во время репрессий полярных лётчиков, в его честь назван остров близ устья р. Таймыры, название оставалось на картах и тогда, когда Махоткин находился в заключении). Летом 1948 г. Урванцев на «Пегматите» добрался до мыса Стерлегова и на обратном пути взял на борт отряд А.Туманова и несколько тонн добытой им породы для валового опробования [8].

По широко распространённой легенде [1, с. 140] вскоре в шхерах Минина возник один из первых в СССР урановых рудников, где заключённые в строжайшей секретности добывали сырьё для атомной бомбы. Промышленная добыча руды якобы началась в 1949 г., но продолжалась недолго - были найдены более удобные для разработки урановые месторождения. Пока ни прямых, ни косвенных подтверждений этой информации нет. Бывавшие в шхерах Минина геологи, гидрографы, сотрудники рыбоохраны не встретили там никаких следов горных разработок, только остатки рыбацких избушек.

Возможно, источником для появления легенды об урановом руднике на северо-западном Таймыре послужили геологические работы на самом северном участке материковой суши Евразии - на полуострове Челюскин. Систематическая геологическая съёмка началась здесь в 1946-1947 гг. силами Центрально-Таймырской и Челюскинской экспедиций треста «Арктикразведка» Горно-геологического управления ГУСМП, а продолжены в 1947-1948 гг.

Восточно-Таймырской экспедицией (экспедиция № 22), переданной в 1948 г. в НИИ геологии Арктики (НИИГА) (геологи М.Г.Равич, Г.П.Вергунов, Б.Х.Егиазаров, В.А.Вакар, А.С.Потебня, В.Я.Сычѳв и Л.Д.Мирошников). В работах участвовал большой коллектив геологов, топографов, геофизиков, коллекторов, рабочих, всего более 50 человек. Видимо, во время этой съѳмки были найдены перспективные рудопроявления, для дальнейшей разведки которых в 1948-1950 гг. была организована крупная экспедиция Норильского горно-металлургического комбината МВД. База экспедиции разместилась на правом берегу р. Жданова, правом притоке р. Ленинградской, к югу от горы Октябрьской, на южной периферии плато Лодочникова. В 1950 г. геодезисты экспедиции определили координаты базы: 76 град. 40 мин с.ш. и 103 град. 40 мин в.д. Расстояние от Северного Полярного круга 1100 км, до мыса Челюскина, самой северной точки материка Евразии - 150 км.

Силами экспедиции были построены две взлетно-посадочные полосы (их местоположение, однако, часто менялось) - зимняя и летняя, принимавшие самолѳты Игарской авиагруппы Управления полярной авиации ГУСМП и авиаотряда Норильского комбината. Для обслуживания авиации с 1950 г. работала экспедиционная метеостанция (инженер-метеоролог В.Баранов). В посѳлке, получившем название «Рыбак», было построено несколько жилых и производственных помещений. По свидетельству начальника полярной станции Л.А.Каймука, рыба в р. Жданова не водилась и поймать её можно было только в р. Ленинградской, в 15-ти километрах от «Рыбака».

Тяжеловесные грузы завозились в «Рыбак» по 100-километровому зимнику из бухты Зимовочной на северном берегу залива Фаддея, где разгружались пароходы. Здесь была построена перевалочная база из трёх жилых щитовых и рубленых домиков и нескольких складских помещений. По мнению О.Нехаева [5], «масштабные работы начались без элементарных поисковых и геолого-разведочных работ».

Использовались ли для работы в экспедиции расконвоированные заключѳнные, неизвестно, но в 1951 г. в пос. Рыбак появляется отдельный лагерьный пункт Норильлага (вряд ли в отдаленный лагерьный пункт направили заключѳнных каторжного Особлага № 2 - Горлага), укомплектованный осуждѳнными по уголовным и

«бытовым» статьям, но можно предположить и наличие некоторого числа «политических» как квалифицированных специалистов - тогдашний начальник комбината и обоих ИТЛ, Норильского и Горного, инженер-полковник В.С.Зверев, сохраняя традиции многолетнего «хозяина» Норильска А.П.Завенягина, часто шёл на нарушение инструкций МВД, запрещавших использовать осужденных по 58-й статье на квалифицированных (не общих) работах. Заключённых, видимо, привозили на пароходе из Дудинки в бухту Зимовочную (более 700 км), откуда они этапировались (пешком или на тракторных санях) по почти безжизненной, холмистой, изрезанной балками и неглубокими речными долинами тундре. Впрочем, дальний завоз на пароходах (при необходимости их приспособления для перевозки заключённых) и отсутствие между Зимовочной и Рыбаком каких-либо строений для ночёвок не исключает (с учетом важности объекта) доставки заключённых самолётами из Норильска (Ли-2 мог брать на борт 20-25 человек).

В обнаруженных в фонде Главсевморпути в РГАЭ отчетах полярной станции «Рыбак» содержатся составленные её начальниками глазомерные планы окрестностей. Составление их входило в обязательную программу научных работ всех полярных станций ГУСМП. На обоих планах (1953 и 1954 гг.) масштаба 1: 5 000 (в 1 см 50 м) рядом с поселком Рыбак, к юго-востоку от него, за неглубокой балкой, расположена группа строений, с подписью около нее - «лагерь» (смысл этого слова был настолько в те времена ясен, что не требовал уточнения). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на плане, где изображены мелкие строения и радиомачты, а для склада горюче-смазочных материалов (ГСМ) - и ограда, не показаны вышки ограждения лагеря и само ограждение. Возможно, систему охраны составителям плана запретило показывать лагерное начальство, но, скорее всего, ограждения и не было. В лагере в 1953 году было 11 строений - четыре барака (?) размером 100 х 25 м, одно строение размером 35 х 15 м, одно - размером 25 х 20 м и пять хаотично стоящих между крупными строениями мелких, вероятно - передвижных балков. Если учитывать устройство обычного лагеря, наличие в любом из них столовой, продуктового и вещевого складов, штаба (канцелярии), казармы конвоя (он все же непременно был), иных мелких помещений бытового и производственного назначения, можно предположить, что для

заключённых предназначалось три, максимум - четыре барака. В бараках такого размера размещалось обычно 200-250 человек, что, при полной «загруженности» помещений, позволяет оценить планировавшуюся численность заключённых в ОЛП «Рыбак» до 1000 человек.

План лагеря и посёлка (составлен по двум разновременным планам, которые прилагались к отчётам начальников полярной станции Л.А. Каймука 1953 г. и Н.Г. Николаева 1954 г.)

Вероятно, решение о создании ОЛП «Рыбак» для обслуживания экспедиции (ГПУ-21 по терминологии МВД) было принято, когда перспективы обнаруженного рудопроявления радиоактивного сырья представлялись весьма радужными. Об этом говорит попытка завоза сюда аммиачной установки (водный раствор аммиака (нашатырь), вероятно, предполагалось использовать для флотационного обогащения промышленных проб руды). Весьма правдоподобным кажется предположение, что ОЛП строился «на перспективу», т.к. «фронт работ» для заключённых в 1951-1952 гг. был небольшим: заключённые строили (кроме лагеря) новые

жилые и производственные помещения для экспедиции и были заняты на горных работах (рытьё шурфов и канав; подземных горных выработок здесь не было), а также использовались на хозяйственных работах. В основном посёлке экспедиции в марте 1953 г. было 16 строений (8 жилых домов, контора, столовая, радиостанция с двумя 15-метровыми вышками антенны, гараж, электростанция, склады), открытый склад ГСМ, метеоплощадка, а также несколько балков и палаток.

К 1952 году ситуация изменилась. В СССР, а также в «странах народной демократии», были обнаружены значительные месторождения радиоактивного сырья в местах, куда более удобных для освоения, чем расположенный на Крайнем Севере Таймыр. Сохранение экспедиции и лагеря в Рыбаке стало нецелесообразным как из-за малой перспективности рудопроявления, так и из-за трудностей регулярного снабжения оборудованием, продовольствием, строительными материалами и ГСМ. Решение о консервации работ экспедиции было принято руководством Норильского ГМК в марте-апреле 1952 г., а 24 октября был подписан приказ МВД о ликвидации ГПУ-21.

Уже летом 1952 г. в Рыбаке работала группа консервации Арктикснаба, принимавшая ценности от бывшей экспедиции, т.е. фактически работы завершились ранее, чем был издан приказ о прекращении деятельности экспедиции. Оставшиеся её члены ждали вывоза самолётами Игарской авиагруппы. Работники группы консервации были здесь с жёнами, работала столовая, т.е. весной-летом 1952 г. людей было довольно много. О.Нехаев [5] пишет, что «штольни взорвали, весь продуктовый запас сравняли с землей» - однако штолен здесь не было, а специальная группа консервации как раз и занималась вывозом продуктов и оборудования.

К зиме в поселке осталось всего четыре человека, вероятнее всего, вольнонаёмные, в задачу которых входили охрана имущества и укачивание взлётно-посадочной полосы трактором для поддержки её в рабочем состоянии. 13 декабря 1952 года произошёл несчастный случай - при перемещении балка трактором был травмирован зимовщик. По радио был вызван самолёт из Игарки, но руководство Игарской авиагруппы перепоручило этот санитарный рейс находившемуся на Диксоне экипажу лыжного самолёта Ли-2

(командир В.М.Перов). Взяв на борт женщину-врача, Перов взлетел с Диксона и пошёл на совершенно неизвестный ему аэродром. Пока они летели, зимовщик скончался. Успешно совершив посадку в полной темноте при температуре около 50° ниже нуля, Перов взял на борт тело и привёз его в Диксон, где погибший и был похоронен [6, с. 284-288].

Осенью - зимой 1952 года по зимнику более или менее ценное имущество экспедиции было вывезено в бухту Зимовочную. В том же 1952 году там погиб в пургу работник экспедиции В.В.Сивов, могила которого сохранилась на берегу бухты.

Группа консервации работала целых два года, что говорит о том, что оборудования, продовольствия, одежды, строительных и горюче-смазочных материалов в Рыбак было завезено с большим запасом - средств на поиски радиоактивного сырья не жалели! Метеорологическая станция экспедиции ещё весной 1952 года была передана Управлению полярных станций и связи ГУСМП, и 28 июля на неё прибыл метеоролог Л.А.Каймук, 20 мая 1953 года его сменил Н.Г.Николаев. Полярная станция «Рыбак» была закрыта 15 мая 1954 г. На плане 1954 г. Н.Г.Николаев сделал примечание: «Лагерь в настоящее время пустует». К тому времени число строений в лагере уменьшилось на один большой барак, строение средних размеров и три балка, очевидно, разобранных на дрова (та же участь постигла один жилой дом и несколько балков в посёлке).

Консервация и перевозка имущества продолжались до лета 1954 г., когда Рыбак был покинут людьми навсегда. Закончила свою работу группа консервации (в 1954 г. ей руководил А.И.Савинский), прекратил функционирование аэропорт и ненужная уже полярная станция. Лётчики с Диксона и из Хатанги, изредка летающие и поныне в этих местах, рассказывают о 7-8 полуразвалившихся деревянных строениях.

В постройках перевалочной базы в бухте Зимовочной в 1953 г. была организована полярная станция, начальником которой был назначен М.К.Блиндеров. От базы на станции осталось много имущества - несколько построек 1948-1952 годов, комплект радиостанции, деревянная стотонная баржа, три шлюпки, восьмитонный кунгас, с помощью которых разгружались суда с грузами для Рыбака. Экспедиция оставила здесь также запас солины и отрубей на 5-6 лет. Поначалу на станции зимовало 10 человек, с

31 мая 1957 года персонал сокращен до трёх, а 15 сентября 1958 года она была закрыта, т.к. располагалась в неудачном для наблюдений месте. Собаčky упряжки были переданы воинской части, располагавшейся там до 1993-1994 г. После её ухода бухта изредка посещается геологами и туристами-спортсменами.

Таким образом, можно сделать вывод, что отдельный лагерьный пункт «Рыбак» в составе Норильского ИТЛ, удалённый от него на северо-восток на 850 км, существовал на полуострове Челюскин в 1951-1952 годах. Численность заключённых в нём - от 200-300 до 600-800 человек, причём первая цифра кажется более близкой к истине - эту партию завезли в основном для строительства большого лагеря. Кроме этого, заключённые были заняты на геолого-поисковых, геолого-разведочных и хозяйственных работах. Геологические работы могли сопровождаться попутной добычей в небольших объёмах радиоактивных руд. Для сегодняшнего уровня знаний о географии ГУЛАГа это - самый северный из островов его архипелага, существование и характер работ которого подтверждено документально.

Литература

1. Арктический архипелаг ГУЛАГа // Полярные горизонты: Сборник. Вып. 3. Красноярск, 1990.
2. *Бацаев И.Д., Козлов А.Г.* Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД в цифрах и документах: Ч. 1. 1931-1941. Магадан, 2002.
3. *Каневский З.М.* Цена прогноза. Л.: Гидрометеиздат, 1976.
4. *Навасардов А.С.* Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932-1937 гг. Магадан, 2002.
5. *Нехаев О.* Бомба для Берии // Российская газета. 21 января 2004 г.
6. *Перов В.М.* Полярными трассами. М.: Русавиа, 2001.
7. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник. М.: Звенья, 1998.
8. *Урванцев Н.Н.* Таймыр - край мой северный. М.: Мысль, 1978.

9. *Bahrens K.* Deutsche in Straflagern und Gefangnissen der Sowjetunion = Немцы в штрафных лагерях и тюрьмах Советского Союза // Мюнхен, 1965. Серия «Zur Geschichte der Deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges».

В статье использованы материалы фондов Российского Государственного архива экономики (Москва), Государственного архива Российской Федерации (Москва), Архива НИИЦ «Мемориал» (Москва), фондов Музея Норильского горно-металлургического комбината. Всем этим организациям и их сотрудникам авторы выражают свою искреннюю признательность и глубокую благодарность.
